

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

2022 Том 14 № 2

**DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2
<http://journals.rudn.ru/world-history>**

**Научный журнал
Издается с 2009 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, директор Центра исторической экспертизы и государственного прогнозирования, Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Члены редколлегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор Каирского университета, Гиза, Египет

Варику Кулбушан, профессор Университета имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Оттава, Канада

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор Австралийского Национального университета, Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор Университета имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики (до 16 октября 2022 г.), 5.6.2 Всеобщая история (с 1 февраля 2022 г.).

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Ю.Н. Ефремова*
Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 25.04.2022. Выход в свет 29.04.2022. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,38. Тираж 500 экз. Заказ № 436. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2022

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2022 VOLUME 14 NUMBER 2

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

Sergey A. Voronin

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation

E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Executive Secretary

Elena A. Popova

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation

E-mail: popova-ea@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Evgeniy A. Larin, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Center for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Yu.N. Efremova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

- Дробышев Ю.И., Почекаев Р.Ю.** Награда за верность и воздаяние за измену: судебная практика Чингис-хана 103

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Шустова А.М.** Исследование Ю.Н. Рерихом эпоса о Гесэре 122

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

- Комаров А.Н.** Канадская цивилизация: сущность и особенности ее формирования 132

- Михайлов С.А.** «Золотой треугольник сепаратизма»: проблемы релевантного взаимодействия стран региона 144

- Пономаренко Л.В., Пискунов Д.А.** Китай – Джибути: стратегическое партнерство в Восточной Африке 158

- Люлина А.Г., Ефименко Е.С.** Интернет-цензура в современном Китае: жесткий контроль и гибкая система урегулирования 175

- Ахмедова Н.С., Аль-Яфаи Али Салих.** Роль султана Кабуса бен Саида в формировании и реализации внешней политики Омана 189

ВОСТОК-ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

- Каткова Е.Ю., Юнюшкина А.С.** Китайские концепции и возможности в информационной войне: соперничество КНР и США в киберпространстве 197

- Оладеджо М.Т.** Англо-французские отношения в Египте в 1798–1875 гг. 211

- Верфелли В.** Мирный план Трампа по Ближнему Востоку 223

CONTENTS

ORIENTAL STUDIES

- Drobyshev Yu. I., Pochekaev R.Yu.** Reward for the loyalty, retribution for treachery: judicial practice of Chinggis Khan 103

HISTORY OF HISTORICAL SCIENCE

- Shustova A.M. G.N.** Roerich's study of the epic about Gesar 122

CONTEMPORARY WORLD

- Komarov A.N.** Canadian Civilization: the Essence and Features of its Formation 132

- Mikhailov S.A.** "Golden triangle of separatism" – problems of the relevant cooperation of countries of the region 144

- Ponomarenko L.V., Piskunov D.A.** China – Djibouti: Strategic partnership in East Africa 158

- Lyulina A.G., Efimenko E.S.** Internet censorship in modern China: tight control and a flexible settlement system 175

- Akhmedova N., Al-Yafai Ali Salih.** The role of Sultan Qaboos bin Said in the formation and implementation of Oman's foreign policy 189

EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

- Katkova E.Yu., Yunyushkina A.S.** Chinese Strategies and Opportunities in Information Warfare: China–US Rivalry in Cyberspace 197

- Oladejo M.T.** Anglo-French Relations in Egypt 1798–1875 211

- Werfelli W.** Trump's Peace Plan 223

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА ORIENTAL STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-103-121

Научная статья / Research article

Награда за верность и воздаяние за измену: судебная практика Чингис-хана

Ю.И. Дробышев¹, Р.Ю. Почекаев²

¹Институт востоковедения РАН,
107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, д. 12

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
197098, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 17
 rpochekaev@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу реализации Чингис-ханом функции ханского правосудия в отношении лиц, при тех или иных обстоятельствах приходивших к нему на службу. Далеко не всегда Чингис-хан руководствовался одними и теми же критериями при вынесении решения о поощрении за верность и наказании за предательство. Авторы статьи предпринимают попытку объяснить причины принятия Чингис-ханом тех или иных решений и выяснить, в какой мере они соотносились с политической идеологией, формируемой им в процессе создания Монгольской империи. Кроме того, анализ соответствующих случаев, позволяет прояснить отдельные аспекты создания и функционирования системы ханского суда, организационные основы и базовые принципы которого были заложены Чингис-ханом именно в период объединения монгольских племен на начальном этапе формирования его державы. Источниковой базой для анализа послужили сообщения средневековых исторических сочинений – «Сокровенного сказания», «Шэн-у цинь-чжэн-лу», «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, «Юань ши», более поздней монгольской хроники «Алтан Тобчи» Лубсана Данзана и некоторых других. Также анализируются мнения различных исследователей относительно тех или иных решений, принимавшихся Чингис-ханом.

Ключевые слова: Чингис-хан, Монгольская империя, преступление и наказание, суд и процесс, традиционное степное право, сюзеренитет и вассалитет, измена, предательство

История статьи: Поступила в редакцию: 26.12.2021. Принята к публикации: 28.01.2022.

Для цитирования: Дробышев Ю.И., Почекаев Р.Ю. Награда за верность и воздаяние за измену: судебная практика Чингис-хана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 103–121. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-103-121>

© Дробышев Ю.И., Почекаев Р.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Reward for the loyalty, retribution for treachery: judicial practice of Chinggis Khan

Yuliy I. Drobyshev¹ , Roman Yu. Pochekaev²

¹Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka St, Moscow, Russia, 107031

²National Research University Higher School of Economics,
17 Promyshlennaya St, St. Petersburg, Russia, 198099
rpochekaev@hse.ru

Abstract. The article is an analysis of judicial activity of Chinggis Khan towards persons who entered his service under different circumstances. Analysis allows to state that Chinggis Khan not always used the same criteria taking his decision on the reward for loyalty and punishment for treachery. Authors attempt to explain the reasons of taking one or another decision by Chinggis Khan and clarify their correlation with political ideology formed by him during the establishing of the Mongol Empire. Besides, it seems that the analysis of specific cases could help trace the process of forming the system of khan's court which foundation was laid by Chinggis Khan just during the period of the unification of Mongol tribes at the initial stage of creating of his empire. The source base for the research includes medieval historical works: "Secret history of Mongols", "Sheng-wu qin-cheng-lu", Compendium of chronicles" by Rashid ad-Din, "Yuan shih", "Altan Tobchi" by Lubsan Danzan and some others. Positions of different scholars on decisions of Chinggis Khan are also taken into account.

Keywords: Chinggis Khan, Mongol Empire, crime and punishment, court and proceedings, traditional Steppe law, suzerainty and vassalage, treachery, betrayal

Article history: Received: 26.12.2021. Accepted: 28.01.2022.

For citation: Drobyshev Yu.I., Pochekaev R.Yu. Reward for the loyalty, retribution for treachery: judicial practice of Chinggis Khan. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(2):103–121. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-103-121>

В процессе объединения Великой Степи под своей властью Чингис-хан (1) неоднократно сталкивался с приходом к нему на службу различных лиц и целых родоплеменных объединений. Порой обстоятельства их появления в лагере будущего основателя Монгольской империи были настолько сомнительны, что ему приходилось принимать хорошо взвешенное решение о том, как отнестись к их поступкам. По сути, это были настоящие судебные решения, представляющие собой правовую оценку действий потенциальных подданных Чингис-хана, и от этих решений во многом зависело отношение к личности и статусу хана со стороны его приверженцев, равно как и других акторов степной политики.

Расправа с предводителем рода кият-джуркин Сача-бэки ознаменовала начало эпохи ханского правосудия, т.е. вынесения ханом решений и приговоров на основании его собственной квалификации тех или иных деяний, которые в прежние времена могли восприниматься как реализация степных обычаев, не содержащая признаков противоправности (см. подробнее [1]). При

этом степень тяжести тех или иных деяний, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность того или иного лица в конкретных условиях, – все это оставалось на усмотрении самого Чингис-хана. В настоящей статье предпринимается анализ отдельных ханских решений в связи с приходом к нему на службу отдельных лиц. Наш интерес привлек тот факт, что в зависимости от обстоятельств хан мог оценить одни и те же действия либо как предательство, либо как заслугу. Соответственно, своей целью мы видим попытку объяснения причин принятия различных судебных решений Чингис-ханом при сходных объективных обстоятельствах.

Основным источником для анализа является «Сокровенное сказание монголов», также в необходимых случаях привлекаются другие средневековые исторические сочинения – монгольские, китайские, персидские и пр. Также мы учитывали мнения исследователей, уделявших внимание оценке тех или иных поступков Чингис-хана и его современников. В рамках анализа нас заинтересовали как содержательные аспекты (включая обоснование Чингис-ханом принятых в отношении этих лиц решений), так и процессуальные, отражающие сам механизм принятия таких решений, вернее – приговоров ханского суда.

Первый сюжет связан с приходом некоего Хорчи, который, будучи родственником и, вероятно, вассалом Джамухи, прибыл в лагерь его *анды*-побратима – тогда еще Тэмуджина, объяснив свое желание поступить к нему на службу вещим сном, который предрекал возвышение будущего Чингис-хана [2. С. 107; 3. С. 60–61]. Мнения исследователей по поводу поступка Хорчи разнятся. Так, Л.Н. Гумилев вполне однозначно характеризует его как предательство по отношению к своему родственнику Джамухе и негативно оценивает благорасположение к нему Тэмуджина [4. С. 293]. В.А. Злыгостев считает, что Хорчи имел право сам выбирать себе сюзерена, будучи предводителем собственного рода [5. С. 646]. Последнее мнение представляется достаточно обоснованным, поскольку термин «старец», используемый в «Сокровенном сказании» по отношению к Хорчи, несомненно, означает не его возраст (2), а статус старейшины – предводителя рода усун [6. С. 47].

Решение Тэмуджина принять к себе Хорчи могло диктоваться, как минимум, двумя соображениями: первое заключалось в том, что тот объективно не совершил предательства по отношению к своему прежнему сюзерену Джамухе, поскольку оставил его не в связи с затруднительным положением, поражением, а тем более не в условиях вражды Тэмуджина и Джамухи. Второе соображение, несомненно, диктовалось созданием определенного рода прецедента: принятие на службу не просто рядового степняка, а предводителя рода (скорее всего, вместе с его собственными подданными) давало основание и другим степным вождям в дальнейшем надеяться на благорасположение Тэмуджина / Чингис-хана при сходных обстоятельствах.

Любопытно, что тема верности и предательства оказалась весьма актуальной в связи с последовавшим вскоре избранием Тэмуджина в ханы, о чем он немедленно сообщил своему приемному отцу и покровителю – керайтскому Тогорил-хану (будущему Ван-хану) и побратиму Джамухе. От обоих

последовала примерно одинаковая реакция: они пожелали родоплеменным вождям, поддержавшим избрание Тэмуджина, быть верными своему хану [2. С. 111; 3. С. 65]. Однако и в данном случае исследователи склонны по-разному трактовать слова кераитского хана и джаджиратского нойона. Так, Б.Я. Владимирцов оценивает слова Тогорила как проявление его политической недалёковидности и непонимания опасности со стороны потенциального конкурента за контроль над Степью, а Е.И. Кычанов – как попытку заручиться расположением нового степного вождя в собственных интересах [7. С. 119; 8. С. 93. Ср.: 4. С. 297]. Что же касается Джамухи, то его слова Р. Груссе склонен толковать как иронию в отношении спонтанного возвышения побратима, а тот же Е.И. Кычанов – как своеобразное предупреждение самому хану Тэмуджину по поводу неблагонадежности его тогдашних приверженцев [8. С. 94–95; 9. С. 71]. Как бы то ни было, нас в данном случае интересует сам факт, что не только Чингис-хан, но и другие степные власти серьёзное значение придавали вопросу о верности своему правителю – причем в данном случае даже не «природному» (каковыми являлись в силу своего происхождения сами Тогорил-хан и Джамуха), а избранному.

И очень скоро Чингис-хану пришлось принимать решение о том, как трактовать переход от одного вождя к другому в связи с приходом к нему на службу Чжурчеда из племени урут и Хуилдара из племени мангут [2. С. 112]. Казалось бы, ситуация была весьма сходна с появлением в лагере Тэмуджина Хорчи, однако на самом деле обстоятельства в данном случае были принципиально иными: эти два нойона со своими подданными покинули Джамуху в разгар его войны с Чингис-ханом, т.е., объективно говоря, совершили измену, перейдя на сторону противника. Любопытно, исследователи склонны обвинять в этом поступке не самих Чжурчеда и Хуилдара, а как раз... Джамуху, считая, что нойоны покинули его из-за его жестокости, хитрости и коварства – качеств, которые считались недостойными степного предводителя (см., напр.: [4. С. 298; 9. С. 73]).

Несмотря на явное проявление предательства по отношению к побратиму (3), Чингис-хан отнесся к новообретенным вассалам не менее благосклонно, чем прежде к Хорчи. Во-первых, он сильно нуждался в пополнении своих войск после только что понесенного разгрома в битве у Цзеренского ущелья. Во-вторых, как отмечают исследователи, Чжурчеда и Хуилдар явились не с группой родичей (как сделал, вероятно, Хорчи), а во главе довольно многочисленных подданных (см., напр.: [4. С. 298]), в боевых качествах которых хан только что имел возможность убедиться в битве. Прогнать нойонов или, тем более, наказать их за измену (к тому же по отношению к его собственному противнику!) он не то что не посчитал нужным, а просто-напросто не имел реальной возможности – даже если бы и захотел. Наконец, в-третьих, вместе с ними к Чингис-хану явился также и «Хонхотанский Мунлик-эциге, который в это время, оказывается, был с Чжамухой» [2. С. 112]. В отличие от Чжурчеда и Хуилдара, которым Чингис-хан ничем не был обязан прежде, к Мунлику он должен был испытывать благодарность, поскольку тот был последним из приверженцев его отца Есугая, покинувшим его семейство в тот

период, когда оно, лишившись своего главы, стремительно теряло авторитет среди своих подданных. Естественно, даже усмотрев в нынешних действиях Мунлика признаки измены по отношению к Джамухе, Чингис-хан не стал бы упрекать его в силу его прежних заслуг. Но, приняв Мунлика, он не мог, соответственно, отказать и его спутникам – нойонам племен урут и мангут. Более того, он выделил этих предводителей среди своих приверженцев, сделав Хуилдара своим *андой*-побратимом, а Чжурчедая величая «дядюшкой» [10. С. 184. См. также: 5. С. 660, 717].

Еще одно компромиссное решение, принятое Чингис-ханом в связи с проявлением то ли верности, то ли предательства, было связано с приходом к нему на службу человека, впоследствии прославившегося как один из его крупнейших полководцев – Джэбэ из племени йесут. Обстоятельства, при которых он явился к Чингис-хану, казалось, однозначно должны были бы склонить последнего в пользу наказания этого воина. Во-первых, в битве при Койтене именно он ранил, по одним сведениям, любимого коня Чингис-хана, по другим – даже его самого [2. С. 117, 119–120; 11. С. 116]. Во-вторых, он оставил своих «природных» правителей из племени тайджиут, которым его племя йесут служило в течение поколений, причем тогда, когда они находились в затруднительном положении (4).

Что же заставило Чингис-хана простить и принять на службу такого явного врага, причинившего вред ему лично, да еще и столь откровенно предавшего своих прежних господ? Полагаем, что и в данном случае он мог руководствоваться двумя соображениями. Одно было связано с тем, что вместе с Джэбэ к нему пришел еще один подданный («крепостной») тайджиутов Сорган-Шира, который, как и Мунлик, оказал поддержку Тэмуджину в его юные годы; соответственно, приняв на службу его, хан сделал то же самое и в отношении его спутника. Кроме того, репутация Джэбэ как искусного стрелка также могла склонить Чингис-хана к решению принять его на службу. Однако чтобы вынести официальное решение при обстоятельствах, сложившихся настолько не в пользу Джэбэ, основателю Монгольской империи пришлось пойти на такой шаг, который впоследствии стали называть «юридической фикцией».

Чингис-хан публично задал вопрос, кто именно попал в его коня во время битвы при Койтене, на что Джэбэ честно признался, что это был он, и выразил готовность принять наказание за свои действия, но пообещав в дальнейшем честно служить Чингис-хану и возместить причиненный ущерб. На это хан сам произнес целую защитную речь в пользу «подсудимого»: «Подлинный враг всегда таит про себя свое душегубство и свою враждебность. Он придерживает свой язык. Что же сказать об этом вот? Он не только не запирается в своем душегубстве и вражде своей, но еще и сам себя выдает головой. Он достоин быть товарищем. Прозывался он Чжиргоадай, а мы прозовем его Чжебе за то, что он прострелил моего Чжебелгу, моего саврасого, беломордого. Ну, Чжебе, мы еще повоюем пиками-чжебе! Называйся ты теперь Чжебе и будь при мне!» [2. С. 119–120; 11. С. 117]. Легко увидеть, что своим решением он, во-первых, оправдал проступок йесутского воина

его раскаянием – честным признанием своей вины. Во-вторых, он дал ему новое имя, тем самым Чжиргоадай, враг Чингис-хана и предатель тайджиутов de-facto исчез, и на сцене появился совсем новый субъект правоотношений Джэбэ, чьи прежние деяния были как бы «обнулены» с получением нового имени (5).

Политика компромиссов с собственными представлениями о верности и предательстве и традиционными степными обычаями, которая проявилась в проанализированных выше случаях, не всегда практиковалась Чингис-ханом. В ряде случаев он получил возможность проявить свою приверженность тем ценностям, которые разделяла кочевая знать Великой Степи, к которой принадлежал и он сам [14. С. 71–72]. Ярким примером демонстрации правосудия в таком контексте стало решение Чингис-хана в отношении Ширгэту-Эбугена и его сыновей Алака и Наяа.

Согласно монгольским источникам они являлись представителями племени баарин, которое, подобно йесутам, находилось в подчинении у тайджиутов. После очередного поражения они схватили своего «природного» господина Таргутая-Кирилтуха – многолетнего врага и соперника Чингис-хана, к которому и намеревались его привезти. Однако по пути между отцом и сыновьями разгорелся спор. В «Сокровенном сказании» приводятся слова Наяа, которые можно истолковать как квинтэссенцию средневековых монгольских представлений о вассальной верности: «Если мы приедем с этим захваченным нами Таргутаем-Толстым, то Чингис-хан присудит нас к смертной казни. “Они, – скажет он, – наложили руки на своего природного хана. Какое может быть доверие, скажет он, какое может быть доверие к холопам, которые наложили руки на своего природного государя? Такими же верными друзьями будут они и нам! Холопов же, нарушивших верность, холопов, наложивших руки на своего природного хана, только и следует, что укорачивать на голову!” – скажет он. И вы думаете он не снесет нам головы? Давайте-ка лучше поступим не так. Давайте отпустим отсюда Таргутая, поедем и скажем, что мы пришли с тем, чтобы отдать себя целиком на служение Чингис-хану. Что мы схватили, было, Таргутая и везли сюда, но видим, что не в силах погубить своего природного государя. И мы отпустили его. Как могли мы предать его на смерть? И вот мы, с полной верой в тебя, пришли отдать свои силы. Вот как давайте мы скажем!». Отец и брат оказались достаточно разумными, чтобы признать его правоту [2. С. 121. См. также: 3. С. 74–75; 15. С. 156; 16. С. 49–51. Ср.: 10. С. 187–188] (6). Соответственно, в данном случае Чингис-хан не должен был поступаться никакими принципами выстраивания социально-политических отношений в Великой Степи, которым он столько раз бросал вызов ранее. Напротив, он получил возможность продемонстрировать кочевой аристократии, что в полной мере разделяет их ценности, не наказав бааринов за то, что они отпустили его врага и, более того, похвалив, а впоследствии и возвысив Наяа за приверженность к тем же ценностям [2. С. 121; 11. С. 156].

Вполне можно допустить, что ранее, стремясь всеми доступными ему средствами увеличить число своих приверженцев любого происхождения,

Чингис-хан готов был закрывать глаза на нарушение ими системы степных ценностей. Теперь обстановка изменилась: к нему стали являться не отдельные воины или семейства, а целые многочисленные роды и племена во главе со своими потомственными нойонами – ревнителями степных традиций. Чтобы не оттолкнуть их от себя, Чингис-хан просто был обязан своими действиями показывать единство с ними, в том числе на уровне общих ценностей.

В свете его изменившейся позиции довольно противоречивым видится очередной сюжет, связанный с приходом к нему на службу неких Бадая и Кишлика, которые служили Еке-Цэрену, брату Алтана – еще одного родича Тэмуджина, некогда даже являвшегося его конкурентом в борьбе за ханский титул. Алтан с рядом других родственников поначалу поддержал воцарение Чингис-хана, однако позднее откочевал от него и неоднократно участвовал в военных действиях против него на стороне Джамухи и Ван-хана. Соответственно, Алтан и Еке-Цэрен приняли участие в заговоре Сангума, сына Ван-хана, который замыслил заманить Чингис-хана в западню под предлогом обсуждения женитьбы Джучи, старшего сына монгольского хана, на своей дочери Чайр-беки. Еке-Цэрен, придя домой, рассказал о замысле своей жене, и этот разговор был подслушан Бадаем, который передал его Кишлику, вместе с которым решил предупредить Чингис-хана о заговоре, причем для своего бегства они забрали хозяйских коней [2. С. 128–129].

Казалось бы, налицо прямое предательство своего «природного» господина, да еще и кража у него имущества – коней (а мы помним, как сурово наказывалось у монголов конокрадство!). Однако когда Бадай и Кишлик явились к Чингис-хану, он не только сразу поверил им (и принял соответствующие меры в отношении Ван-хана и его союзников), но и впоследствии щедро наградил их за совершенный поступок: оба они стали тарханами, т.е. лицами, обладавшими налоговым и судебным иммунитетом [2. С. 141; 3. С. 85–86; 11. С. 155; 15. С. 167–169]. Впоследствии их потомки в Средней Азии (Чагатайском улусе), апеллируя к тому, что их предки были возвышены самим Чингис-ханом, на равных соперничали за власть с потомками Чингис-хана и Амира Тимура (см. подробнее: [17. С. 156–157]).

Столь высокое доверие словам перебежчиков и столь щедрая награда им кажутся настолько необъяснимыми, что и средневековые авторы, и современные исследователи стали предлагать самые разные, порой даже фантастические объяснения их причин. Так, хотя в «Сокровенном сказании» Бадай и Кишлик прямо именуются табунщиками, ряд средневековых авторов склонен повысить их социальный статус. Например, Рашид ад-Дин называет их конюшими, т.е. довольно высокопоставленными чиновниками, отвечавшими за стада – причем на службе не у какого-то Еке-Цэрена, а у самого Ван-хана [1. С. 134]! В таком случае их измена «природному» господину фактически трансформируется в вышеупомянутое право лиц с определенным статусом самим выбирать себе сюзерена. А некоторые современные авторы вообще считают, что Бадай и Кишлик были осведомителями Чингис-хана в лагере его противников – отсюда и доверие к их информации [18. С. 114; 19. С. 39].

Однако, как представляется, подобные суждения не имеют оснований. Во-первых, практически во всех источниках сообщается, что Бадай и Кишлик решили уведомить Чингис-хана о заговоре в надежде на получение вознаграждения (которое упомянул в разговоре с женой сам же Еке-Цэрен). Во-вторых, доверие Чингис-хана к их словам о заговоре, на наш взгляд, объясняется очень просто: несомненно, он сам ожидал чего-то подобного если не от самого Ван-хана, то уж точно от его сына, и информация перебежчиков лишь подкрепила его опасения. Последующее же награждение Бадаю и Кишлика вновь стало демонстрацией приоритета целесообразности над законностью (вернее, над степными обычаями верности своим хозяевам – которые нигде, впрочем, не были зафиксированы им, следовательно, могли толковаться и применяться по-разному при различных обстоятельствах).

Тем не менее, во многих других случаях Чингис-хан по-прежнему продолжал демонстрировать поощрение верности людей своим «природным» господам, причем не только в отношении тех, кто являлся к нему на службу. Например, когда в 1203 г. были окончательно разгромлены кераиты, Ван-хану и его сыну Сангуму удалось скрыться благодаря одному их приверженцу – Хадак-багатуру, который отважно прикрывал их отход. Захватив его в плен, Чингис-хан не только похвалил его за приверженность к своим врагам, но и простил убийство в бою собственного побратима Хуилдара, всего лишь подчинив его вместе с его воинами семейству последнего [2. С. 140; 3. С. 97–98. См. также: 5. С. 621; 9. С. 112].

И напротив, когда слуга предавал своего господина, это являлось основанием для его сурового наказания, что и проявилось в отношении некоего Кокочу, который бросил на произвол судьбы своего хозяина Сангума, при котором был «конюшим». Согласно «Сокровенному сказанию», он не просто хотел оставить его в бедственном положении, но еще и ограбить его, захватив золотую чашу, принадлежавшую сыну хана кераитов. Лишь после увещеваний собственной жены он бросил чашу, но сам ускакал на хозяйском мерине. Явившись к Чингис-хану, он в подробностях рассказал о своих деяниях, рассчитывая на вознаграждение. Однако хан приказал наградить его жену, тогда как самого Кокочу приказал зарубить, обосновав свое решение следующими словами: «Этот самый конюх Кокочу явился ко мне, предав так, как он рассказывал, своего природного хана! Кто же теперь может верить его преданности?» [2. С. 141. Ср.: 3. С. 99–100. См. также: 5. С. 331; 9. С. 116]. Остается только удивляться наивности Кокочу, решившегося явиться к Чингис-хану в надежде получить награду за неверность своему «природному» господину. Полагаем, однако, что «конюшего» могла сбить с толку вышеописанная непоследовательность решений Чингис-хана, который, как мы уже отмечали, в одних сходных случаях мог эту неверность счесть преступлением, а в других – чуть ли не подвигом.

Наверное, едва ли не самым триумфальным событием в судебной практике Чингис-хана стало дело Джамухи и его нукеров, которые схватили и доставили своего хозяина в ставку монгольского властителя как раз в тот период, когда тот готовился стать ханом всех кочевников Центральной Азии. Поимка

главного недруга в столь значимый момент, казалось, должна была расположить Чингис-хана к неверным подданным его бывшего побратима. Однако и на этот раз хан продемонстрировал приверженность традиционным ценностям кочевой знати, среди которой верность «природному» господину ценилась выше, чем учет сиюминутной политической ситуации.

Согласно «Сокровенному сказанию», Джамуха, доставленный нукерами к своему *анде*, сам прямо заявил ему: «Черные вороны вздумали поймав селезня. Рабы-холопы вздумали поднять руку на своего хана. У хана, анды моего, что за это дают? Серые мышеловки вздумали поймать курчавую утку. Рабы-домочадцы на своего природного господина вздумали восстать, осилить, схватить. У хана, анды моего, что за это дают?» На что Чингис-хан вполне предсказуемо ответил: «Мыслимо ли оставить в живых тех людей, которые подняли руку на своего природного хана? И кому нужна дружба подобных людей?» и тут же, в присутствии Джамухи приказал казнить «посягнувших на него аратов» [2. С. 155. См. также: 3. С. 112. Ср.: 18. С. 119–120].

Тут мы считаем целесообразным обратиться к вопросу, который до сих пор не получил освещения в нашем исследовании – процессуальной стороне принятия Чингис-ханом его решений. Как можно увидеть, в большинстве случаев источники ничего не сообщают о процедуре разбирательства дел основателем Монгольской империи. По сути, все оно сводится к изложению обстоятельств дела самими же лицами, явившимися к Чингис-хану, которым он предлагает высказать причины, по которым он должен простить их и принять на службу, после чего тут же выносит свое решение, либо признавая их правоту, либо толкуя сказанное ими как признание вины. Лишь в отдельных случаях, помимо самого «подсудимого», хан выслушивал показания и свидетелей – например, жены упомянутого Кокочу. Надо сказать, что такая процедура разбирательства судебных дел, видимо, и в самом деле, была характерна для средневековых монголов, поскольку нашла отражение даже в ряде сказочных сюжетов [20. С. 9–10; 21. С. 80–81]. Вместе с тем эту простоту судебного процесса можно объяснить еще и тем, что она происходила в условиях непрекращающегося противостояния Чингис-хана с его соперниками, т.е. «по законам военного времени».

Однако в случае с Джамухой мы наблюдаем некоторый отход от этой упрощенной процедуры судебного разбирательства. Согласно «Сокровенному сказанию» вначале Чингис-хан выслушивает Джамуху и его нукеров и выносит приговор в отношении последних тут же, в присутствии «потерпевшего». Однако последующие события выглядят довольно загадочно: принимая решение в отношении самого Джамухи, хан не ведет диалога непосредственно с ним, а говорит своим приближенным: «Передайте вы Чжамухе...», после чего тот, в свою очередь, передает свой ответ Чингис-хану, который, наконец, выносит ему смертный приговор, который так же приказывает своим приближенным огласить ему [2. С. 155–158].

Это противоречие снимается после обращения к сведениям Рашид ад-Дина, которые, по мнению исследователей, гораздо объективнее отражают события, связанные с Джамухой и его спутниками, чем «назидательный»

сюжет «Сокровенного сказания» [8. С. 131]. Согласно версии персидского историка Чингис-хан не соизволил вообще лично встречаться с Джамухой, и слова бывшего побратима о неверных нукерах были ему переданы через приближенных. Кроме того, Рашид ад-Дин упоминает, что нукеров было не пятеро, как в монгольской хронике, а около тридцати; наконец, вместе с Джамухой было пленено также и несколько его родичей, которые потом были освобождены и пощажены, тогда как всех нукеров казнили [10. С. 191] (8). Это сообщение позволяет сделать вывод, что в условиях стабилизации обстановки в степи и приобретения Чингис-ханом более высокого статуса, чем прежде, он решил несколько изменить (и усложнить) процедуру судебного разбирательства, в том числе и путем «заочного» разбирательства отдельных категорий дел (9).

Попытаемся подвести предварительный итог. По-видимому, для Чингис-хана значение имел не просто факт измены, а конкретные обстоятельства – тот самый контекст, который нам чаще всего неизвестен. Историкам редко выпадет удача получить исчерпывающую информацию об истинной подоплеке того или иного события, произошедшего даже совсем недавно; что же говорить о том, что случилось сотни лет назад и притом в совершенно другой культурной среде! Как правило, дошедшие до наших дней источники отражают позицию сторонников Тэмуджина / Чингис-хана, и говорить об их объективности не приходится. Поэтому реконструкция его действий, как и деяний остальных героев великой степной драмы XIII–XIV вв., весьма гипотетична.

Можно ли нащупать какую-либо систему в оценке Тэмуджином / Чингис-ханом тех людей, которые являлись к нему с выражением покорности, предав своих прежних господ? Для этого, прежде всего, следует прояснить вопрос с понятием верности применительно к кочевому обществу рассматриваемого в данной статье периода. В свое время Б.Я. Владимирцов отметил, что средневековые монголы до их консолидации под властью Чингис-хана могли свободно менять своих ханов, это было в порядке вещей [23. С. 83, 87–90, 93]. Собственно, наши источники единодушны в том, что такая смена больно отозвалась на семье самого Тэмуджина после смерти его отца, когда люди Есугая покинули овдовевшую Оэлун. Есть основания полагать, что его суровость к предателям проистекает именно отсюда, а не из неписаных правил степного вассалитета (10).

По-видимому, Чингис карал жестокой смертью пришедших к нему ближайших людей, слуг (*unagan bogol*), от которых зависела личная безопасность преданного ими лица, и не придавал большого значения тем перебежчикам, верность или неверность которых не была критической для их бывшего хозяина. При этом, очевидно, нельзя было придумать проступка тяжелее, чем доставить своего господина связанным на расправу к его врагу, в данном случае к Чингис-хану.

Однако и он, чтобы выжить и добиться своих целей, был вынужден подчиняться жесткому диктату *Realpolitik*, чем, по-видимому, и объясняется его амбивалентное отношение к предателям: одних он был обязан обласкать, а другим устроить «показательную порку». Затем рассказы об этих инцидентах

попали в анналы истории, и можно не сомневаться, что каждый такой рассказ появился в «Сокровенном сказании» далеко не случайно, причем чем более пространно описывается тот или иной эпизод с обстоятельствами казни либо сердечного принятия на свою службу очередного ренегата, тем значимее была эта фигура в степной политике тех лет.

Представляется, что рассказы об этом служили вполне определенной назидательной цели: они должны были продемонстрировать на примере чужих слуг, какая страшная судьба ждет тех, кто рискнет изменить самому Чингис-хану. Но умолчать о радушном принятии некоторых беглецов из вражеского стана тоже вряд ли было возможно, все-таки о подобных поступках быстро узнавала вся Степь. В «Сокровенном сказании» всем этим событиям надо было придать «оправдательное» либо «обвинительное» оформление, чтобы запечатлеть их как своего рода образцовые модели правильного и неправильного иерархического поведения в назидание потомкам. Возможно, по этим моделям в дальнейшем оценивались поступки тех, кто приходил на службу к монгольским ханам – либо принятые решения объявлялись со ссылкой на них (точнее, на Ясу Чингис-хана, но, как кажется, вместо кодекса законов, реальное существование которого до сих пор никем убедительно не доказано, здесь подразумевался его личный пример).

Все сказанное выше относится к представителям кочевой ойкумены, будь они монголо- или тюркоязычны. Для кочевника эталоном «настоящего» человека был такой же кочевник, как и он сам, а в отношении себе подобных действовали законы «своего», «внутреннего» мира в отличие от «чужого», «внешнего» мира оседлых земледельцев, поступки которых оценивались по иным критериям. Поэтому ситуация закономерно становится гораздо определенной, когда к Чингис-хану начинают приходиться на поклон изменники из стана его оседлых соседей: киданей, чжурчжэней, тангутов, китайцев. Нам неизвестно ни одного случая, чтобы кого-либо из них сразу же казнили бы за предательство. Напротив, они даже имели неплохие шансы попасть в ближний круг великого монгола, как, например, братья Елюй Ахай и Елюй Тухуа – выходцы из киданьской императорской фамилии, занимавшие высокое положение в Цзинь. Принимая во внимание старую вражду между монголами и чжурчжэнями, эти двое оказались для Тэмуджина большим подарком судьбы. Разумеется, он не мог осуждать их поступок явно, даже если не одобрял такое поведение внутренне. И чем более расширялись рубежи растущей Монгольской империи, тем большее количество вождей и полководцев разных рангов переходило на сторону Чингиса. Как правило, их оставляли во главе их воинских подразделений и без промедления отправляли в бой (11). В противном случае, даже при всем своем военном мастерстве, сломить сопротивление чжурчжэней, а равно и прочих сильных врагов, монголам едва ли удалось бы. Рискнем предположить, что все эти люди были в глазах Чингис-хана и его соплеменников чем-то ущербным, не соответствовавшим степным стандартам истинного мужа-воина, почему и судить их строго за измену своим прежним господам не имело смысла. Вместо этого был резон с их помощью расчищать себе путь к победе в чем-то подобно тому, как это испокон веков

делали в Поднебесной, «руками варваров подавляя варваров». Наверное, если такой человек погибал потом в схватке, монгольскому хану оставалось лишь заключить, что судьбу изменника решило само Вечное Небо. Однако если в плен сдавался военачальник, вышедший из кочевой среды, его поступок оценивался по степным стандартам, и вместо награды его могла ожидать казнь, как это произошло, например, с тюркским Карача-ханом, который состоял на службе у хоремшаха Ала ад-Дина Мухаммада (1200–1220) – одного из серьезнейших противников монголов в эпоху формирования их евразийской империи.

Рашид ад-Дин сообщает, что когда во время осады Отрара к сыновьям Чингис-хана Чагатаю и Угэдэю явился Карача-хан, бежавший из города, который он должен был защищать, те предали его казни. При этом их слова поразительно напоминают по смыслу некоторые вышеприведенные речи Чингис-хана: «Ты не соблюл верности в отношении своего властелина, несмотря на такое количество предшествующих случаев, [дающих] ему право [на твою] благодарность, у нас [поэтому] не может быть стремления к единодушию с тобой» [12. С. 198–199]. Следовательно, мы можем предполагать, что принципы награждения за верность и наказания за предательство, заложенные Чингис-ханом, находят отражение и в судебной практике его потомков, причем в некоторых случаях исследователи склонны усматривать в решениях Чингисидов прямые параллели с аналогичными действиями самого основателя Монгольской империи.

Целый ряд арабских историков, сообщая о конце знаменитого золотоордынского темника Ногая в 1299/1300 г., приводят подробности, связанные с судьбой убитого его «русского тысячника». Явившись с головой Ногая к хану Токте (1291–1312) за наградой, тот подтвердил, что знал, кого убивает. За это хан приговорил его к смерти, обосновав свой приговор следующими словами: «По закону ему (следует) смерть, дабы подобные ему не осмеливались убивать таких людей, как этот великий человек» [26. С. 122–123. Ср.: 26. С. 113–114]. Н.И. Веселовский при анализе этого сообщения проводит прямые параллели с сюжетами из «Сокровенного сказания» о вознаграждении Наяя и казни нукеров Джамухи [27. С. 182–183]. Само описание процедуры разбирательства (как обмена вопросами и ответами между ханом-судьей и провинившимся воином), как представляется, позволяет думать, что принципы судебного разбирательства и наказаний за преступления, заложенные Чингис-ханом на заре его политической деятельности, оставались актуальными для его потомков даже тогда, когда о единстве Монгольской империи уже говорить не приходилось. Между тем, хотя убийца Ногая и был виноват в том, что фактически совершил самосуд, да еще осмелился отрубить Чингисиду голову (вопиющее нарушение монгольского правила бескровного лишения жизни представителей «золотого рода» и, вообще, лиц благородного происхождения), но он не являлся подчиненным Ногая и, следовательно, не был предателем. Тем не менее, этот случай показателен в другом отношении: он наглядно демонстрирует императив социальной иерархии, который также попрали русский воин, подняв руку на человека, стоявшего гораздо выше его.

Возможно, здесь будет уместна аналогия с расправой над останками вышеупомянутого хорезмшаха Мухаммада. Это событие проливает свет на особую черту средневековой ментальности: враг только тогда считается ликвидированным полностью и бесповоротно, когда уничтожены его кости, но сделать это может не кто угодно. Мухаммад не был убит в бою или казнен, будучи пленником, он скончался на пустынном островке в Каспийском море, укрывшись там от преследовавших его по пятам монголов. Секретарь его сына – последнего из династии хорезмшахов Джалал ад-Дина Манкбурны сохранил эту историю в своем бесценном произведении: «Великий султан (Ала ад-Дин Мухаммад) был похоронен на острове, как мы выше упомянули в рассказе о его смерти, возвратив [Аллаху] жизнь, данную ему на срок. Султану, когда он был занят осадой Хилата, пришло на ум построить в память отца Мадрасу в Исфахане и перенести туда с острова его гроб (табут). Он направил в Исфахан Мукарраб ад-Дина – старшего конюшего, который был ранее постельничим. Это был тот, кто омывал Великого султана. [Ему было приказано] построить в Исфахане Мадрасу с куполом над могилой, со всеми другими необходимыми помещениями, такими, как отделение для одежды, отделение для постели, отделение для омовений, отделение для обуви и так далее. Султан послал с ним тридцать тысяч динаров для начала строительства. Он предупредил вазира Ирака, чтобы тот выдавал из поступлений дивана средства, необходимые для окончания строительства, и чтобы утварь была изготовлена из золота: и подсвечники, и тазы, и кувшины, – и чтобы у дверей стоял конный караул с бунчуком и украшенной амуницией. Ал-Мукарраб направился в Исфахан и приступил к строительству. Я прибыл через четыре месяца и увидел, что стены уже поднялись в рост человека. Султан написал своей тетке по отцу Шах-хатун – правительнице Сарийи, одного из округов Мазандарана, ее отец Текиш выдал ее замуж за малика Мазандарана Ардашира ибн ал-Хасана, а тот умер, – чтобы она сама и вместе с ней малики, эмиры и вазирьы Мазандарана отправились на остров и перевезли гроб с острова в крепость Ардахн. Она была самой неприступной крепостью на земле, и останки должны были оставаться там, пока не будет закончено строительство мадрасы в Исфахане, а затем перевезены туда. И клянусь жизнью, что я писал эти грамоты неохотно и считал их мнение неразумным. Я поведал ал-Мукаррабу некоторые свои мысли и открыл ему кое-какие тайны: ведь я знал, что его труп – да прохладит его Аллах освежающим ветром – не был сожжен татарами только потому, что к нему трудно было добраться. Они уже сожгли кости всех погребенных султанов, в какой бы земле они ни находились, так как они считали, что все эти султаны [имеют] общего предка и одного рода. Даже кости Йамин ад-Даулы Махмуда ибн Себюк-Тегина – да помилует его Аллах – были извлечены из его могилы в Газне и сожжены. Однако то, что я сказал, не понравилось Мукарраб ад-Дину, и поэтому я прекратил разговор. А дело было впоследствии именно так, как я предполагал: татары, покончив с султаном [Джалал ад-Дином] на границах Амида, о чем мы еще расскажем, осадили упомянутую крепость (Ардахн), захватили останки [султана Мухаммада] и отправили к ал-хакану, а тот сжег их» [28. С. 233–234].

Трудно сказать, действительно ли останки злосчастного хорезмшаха были отвезены в Монголию, где хаган Угэдэй (1229–1241) совершил ритуал их сожжения (а в том, что это был именно особый ритуал, сомневаться не приходится). К сожалению, нам не удалось найти ни одного подтверждения этой истории, но вполне допустимо полагать, что ан-Насави верно изложил общий принцип, согласно которому эффективная нейтрализация духовной силы, заключенной как в живом человеке, так и в его костях, была доступна лишь человеку, обладающему не меньшей силой (см. подробнее: [29. С. 128–130]). Поэтому посмертная расправа ожидала Мухаммада в Каракоруме, где тогда находился Угэдэй, а не в Ардахне, где, казалось бы, осуществить ее не составило бы труда и рядовому монгольскому воину. Хорезмшах и хаган, как великие правители, были достойны друг друга, ввиду чего история, поведенная ан-Насави, представляется нам основанной на реальных событиях, и она косвенно подтверждает правило, высказанное золотоордынским ханом Токтой: простолюдины не имеют права лишать жизни высокопоставленных людей. Можно сформулировать его более широко: низшие не могут судить высших.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что Чингис-хан в своей судебной деятельности далеко не всегда руководствовался едиными принципами и нормами при рассмотрении сходных дел. В значительной степени его решения зависели от обстоятельств, а также и от его собственного усмотрения (в т.ч. на основе личного отношения к тем или иным участникам разбирательств), которое тоже можно рассматривать как источник принятия ханом судебных решений. Тем не менее, не вызывает сомнений, что именно в период возвышения Чингис-хана и его борьбы за власть в Великой Степи начала формироваться та самая система ханского правосудия, которая обусловила статус будущих ханов-Чингисидов как верховных судей в Монгольской империи и ее улусах и легла в основу монгольского имперского суда – *дзаргу*, получившего широкое распространение во всех чингисидских государствах XIII–XIV вв.

Примечания

- (1) Как известно, Тэмуджин получил титул Чингис-хана лишь на курултае 1206 г., однако мы считаем возможным использовать его и при анализе более ранних событий во избежание запутанности в связи с упоминанием большого количества имен в рамках настоящего исследования.
- (2) На протяжении следующих десятилетий Хорчи ведет себя достаточно активно для человека, который пришел бы в преклонных летах к будущему Чингис-хану на заре его возвышения.
- (3) Согласно Рашид ад-Дину, племена урут и мангут были то ли в союзе с тайджиутами, то ли в подчинении у них [10. С. 184]. Однако поскольку тайджиуты в течение длительного времени находились в тесном союзе с Джамухой, как представляется, это сообщение не противоречит ситуации, описанной в «Сокровенном сказании».
- (4) По мнению В.А. Злыгостева, Джэбэ не «перебежал по причине изменившейся обстановки», а «по праву старого вассала вернулся на службу к сыну своего прежнего господина, Есугея» [5. С. 262–263]. Однако Рашид ад-Дин вполне однозначно

указывает: «Племя тайджиут потеряло свою силу, и Джэбэ долго блуждал одиноко по горам и лесам. Когда он увидел, что от этого нет никакой пользы, [то] по безвыходности [своего положения] и необходимости явился к Чингиз-хану с выражением рабской покорности [ему] и подчинился [ил шуд]» [12. С. 90]. Его действия могли бы быть оправданы после окончательно разгрома тайджиутов, когда все их наследие, включая подчиненные им родоплеменные подразделения, перешло бы к Чингиз-хану как к их правопреемнику – на правах победителя и по праву близкого кровного родства с тайджиутами (см. подробнее: [13. С. 122, 124]. Однако, поскольку тайджиуты еще не были разгромлены, а их элита не уничтожена, вряд ли можно было трактовать действия Джэбэ как переход на службу к их «правопреемнику».

- (5) В этой связи можно вспомнить другие знаменитые переименования, которых по той же самой причине удостоились от монгольских предводителей главы враждебных государств: последний тангутский император Ли Сянь (1226–1227), получивший прозвище Шидургу («Честный»), и чжурчжэньский император Ай-цзун (1224–1234), которого Угэдэй прозвал «Сяосы», т.е. «Прислужник» [2. С. 191, 193].
- (6) Судьба Таргутая в монгольских источниках остается неизвестной: авторы ограничиваются лишь намеком на то, что он, в конце концов, погибает в борьбе с Чингис-ханом. Согласно Рашид ад-Дину, он был убит в бою Чилауном, сыном Сорган-Шира [12. С. 116]. Эта неопределенность вызывает некоторые сомнения по поводу истинности рассказа «Сокровенного сказания» о том, что Таргутай был отпущен своими людьми. Многословие безвестного автора этого произведения в рассмотренном эпизоде оправдания благородного поступка могло быть вызвано финалом как раз прямо противоположным: тайджиутского хана могли или убить по дороге, или благополучно доставить Тэмуджину и уже там казнить без лишнего шума.
- (7) Лубсан Данзан называет Бадаю табунщиком, а Кишлика – просто пастухом, а это указывает на их разный статус: смотреть за лошадьми было гораздо почетнее, чем за скотом.
- (8) Согласно персидскому историку, Чингис-хан так и не принял решения о казни Джамухи, передав его на волю своего племянника Эльджигитая, который и умертвил его несколько дней спустя [10. С. 191–192].
- (9) Подобная же процедура описана, в частности, в житии Михаила Черниговского, казненного в Золотой Орде в 1246 г.: Бату, правитель Улуса Джучи, не общается с ним напрямую, а получает его показания и объявляет собственную волю через своего «стольника Елдегу», т.е. сановника Элдегая (см. подробнее: [22. С. 231]).
- (10) О них мы можем в какой-то мере судить по высказываниям древнетюркских каганов, запечатленных руническим письмом на стелах. Для кочевых вождей не было более опасного врага, чем свой собственный народ, который легко мог перевернуться к новому лидеру, в котором становились заметны признаки небесного благоволения (тюрк. *күт*), именуемого современными исследователями харизмой (см., напр.: [24. С. 61–63 и след.]).
- (11) Этот вопрос подробно рассмотрел еще И. де Рахевильц [25]. Один из примеров признания Чингис-ханом цзиньского перебежчика описан Палладием [15. С. 183–184].

Библиографический список

1. Почакаев Р.Ю. Расправа Чингисхана с Сача-бэки и начало эпохи ханского правосудия // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 7–16.
2. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.

3. *Палладий*. Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб.: Типогр. В. Безобразова и Ко, 1866. С. 1–260.
4. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Тов-во Клышников, Комаров и Ко, 1992. 512 с.
5. *Злыгостев В.А.* Герои «Сокровенного сказания». Уфа: Альфа-реклама, 2018. 808 с.
6. *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. and comments by I. de Rachewiltz. Vol. I. Leiden; Boston: Brill, 2004. 642 p.*
7. *Владимирцов Б.Я.* Чингис-хан // Чингис-хан. СПб.: Лань, 1998. С. 77–230.
8. *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан. Личность и эпоха / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Восточная литература; Школа-Пресс, 1995. 272 с.
9. *Груссе Р.* Чингисхан. Покоритель Вселенной / пер. и вступ. ст. Е.А. Соколова; послесл. А.С. Железнякова. М.: Молодая гвардия, 2000. 285 с.
10. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / пер. с перс. Л.А. Хетагурова; ред. и примеч. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952а. 221 с.
11. *Лубсан Данзан*. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 440 с.
12. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / пер. с перс. О.И. Смирновой; примеч. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой; ред. А.А. Семенов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952б. 315 с.
13. *Скрынникова Т.Д.* Монголы и тайджиуты – братья-соперники? // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С. 110–126.
14. *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М.: Наука, 1978. 320 с.
15. *Палладий*. Старинное китайское сказание о Чингисхане // Восточный сборник. Т. I. 1877. С. 149–202.
16. *Панкратов Б.И.* Переводы из «Юань-чао би-ши» / Публ. Ю.Л. Кроля и Е.А. Кузьменкова // Страны и народы Востока. Вып. XXIX. 1998. С. 44–65.
17. *Почекаев Р.Ю.* Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань: Татарское книжное изд-во, 2016. 311 с.
18. *Мэн Д.* Чингисхан. Жизнь, смерть и воскрешение / пер. с англ. В. Артемова. М.: Эксмо, 2006. 416 с.
19. *Хартог Л. де.* Чингисхан. Завоеватель мира / пер. с англ. Е.А. Ерохина. М.: АСТ; Астрель, 2007. 285 с.
20. *Носов Д.А.* Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае» из собрания ИВР РАН / Пред., транскр., пер. с монг., прим. // Письменные памятники Востока. 2015. № 1 (22). С. 5–11.
21. *Носов Д.А., Эзэнбат.* Сказки о Мастере-Аргачи на просторах Центральной Азии // *Mongolica*. Т. XXIII. 2020. № 2. С. 76–81.
22. *Почекаев Р.Ю.* Жития русских князей XIII в. как источник сведений об ордынском судебном процессе // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 227–237.
23. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 223 с.
24. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. От древности к Новому времени / 3-е изд., испр. и доп.. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 432 с.
25. *Rachewiltz I. de.* Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1966. Vol. 9. № 1–2. P. 88–144.

26. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд. графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.
27. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Веселовский Н.И. Труды по истории Золотой Орды. Казань: Фэн, 2010. С. 132–191.
28. Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер., предисл., коммент., примеч. и указат. З.М. Буниятова. М.: Наука, 1996. 798 с.
29. Дробышев Ю.И. Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 119–140.

References

1. Pochekaev RYu. Rasprava Chingiskhana s Sacha-beki i nachalo epokhi khanskogo pravosudiya [The punishment of Sacha-Beki by Chinggis Khan and beginning of the epoch of khans' justice]. *Narody i religii Evrazii [Nations and religions of the Eurasia]*. 2019;4(21):7–16. (In Russian).
2. Kozin SA. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. [Secret history. Mongolian chronicle of 1240]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR publ., 1941. 620 p. (In Russian).
3. Palladius. Starinnoe mongol'skoe skazanie o Chingiskhane [Old Mongolian tale on Chinggis Khan]. *Trudy chlenov rossiyskoy dukhovnoy missii v Pekine [Proceedings of members of the Russian Ecclesiastical mission in Beijing]*. Vol. IV. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i Ko publ., 1866, p. 1–260. (In Russian).
4. Gumilev LN. *Drevnyaya Rus' i Velikaya Step' [Old Rus and Great Steppe]*. Moscow: Klyshnikov, Komarov i Ko; 1992. 512 p. (In Russian).
5. Zlygostev VA. *Geroi "Sokrovennogo skazaniya" [Heroes of the "Secret history of Mongols"]*. Ufa: Alpha-reklama publ.; 2018. 808 p. (In Russian).
6. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. and comments by I. de Rachewiltz. Vol. I. Leiden; Boston: Brill; 2004. 642 p.
7. Vladimirtsov BYa. Chingis-khan, in: Chingis-khan. St. Petersburg: Lan' publ., 1998, p. 77–230. (In Russian).
8. Kychanov EI. *Zhizn' Temuchzhina, dumavshego pokorit' mir: Chingis-khan. Lichnost' i epokha [The life of Temujin who was about conquer the world: Chinggis Khan. Person and epoch]*, 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Vostochnaya literatura; Shkola-Press; 1995. 272 p. (In Russian).
9. Grousset R. *Chingiskhan. Pokoritel' Vselennoy [Chinggis Khan. Conqueror of the world]*, transl. and intr. by EA. Sokolov, concl. By AS. Zheleznyakov. Moscow: Molodaya gvardiya publ.; 2000. 285 p. (In Russian).
10. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey [Compendium of chronicles]*. Vol. I. Bk. 1, transl. from Pers. by L.A. Khetagurov, ed. and notes by A.A. Semenov. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR publ.; 1952. 221 p. (In Russian).
11. Lubsan Danzan. *Altan Tobchi ("Zolotoe skazanie") ["Golden tale"]*, transl., intr., comments and appl. by NP. Shastinf. Moscow: Nauka publ.; 1973. 440 p. (In Russian).
12. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey [Compendium of chronicles]*. Vol. I. Bk. 2, transl. from Pers. By OI. Smirnova, notes by BI. Pankratov and OI Smirnova, ed. by AA. Semenov. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR publ.; 1952. 315 p. (In Russian).
13. Skrynnikova TD. *Mongoly i taydzhiuty – brat'ya-soperniki? [Mongols and Tayjiuts: rival brothers?]*. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir [Mongol Empire and nomadic world]*. Bk. 2. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN publ.; 2005, p. 110–126 (In Russian).

14. Bira Sh. *Mongol'skaya istoriografiya (XIII–XVII vv.)* [*Mongolian historiography (13th–17th cc.)*]. Moscow: Nauka publ.; 1978. 320 p. (In Russian).
15. Palladius. Starinnoe kitayskoe skazanie o Chingiskhane [Old Chinese tale on Chinggis Khan]. *Vostochniy sbornik* [*Oriental collection*]. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva putej soobshcheniya publ.; 1877, p. 149–202. (In Russian).
16. Pankratov BI. Perevody iz “Yuan’-chao bi-shi” [Translations from “Yuan-chao bi-shi”], publ. by YuL. Krol’ and E.A. Kuz’menkov. *Strany i narody Vostoka* [*States and peoples of the Orient*]. Vol. XXIX. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie publ.; 1998, p. 44–65. (In Russian).
17. Pochekaev RYu. *Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoy imperii v tyurkotatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noy Azii* [*Chinggis' law: legal heritage of the Mongol Empire in the Turkic-Tatar khanates and states of the Central Asia*]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ.; 2016. 311 p. (In Russian).
18. Man J. *Chingiskhan. Zhizn', smert' i voskreshenie* [*Genghis Khan: Life, death and reurrection*], transl. by V. Artemov. Moscow: Eksmo Publ.; 2006. 416 p. (In Russian).
19. Khartogh L. de. *Chingiskhan. Zavoevatel' mira* [*Genghis Khan: conqueror of the world*], transl. by E.A. Erokhin. Moscow: AST; Astrel' publ.; 2007. 285 p. (In Russian).
20. Nosov DA. Rukopis' mongol'skoy skazki “O starike Borontae” iz sobraniya IVR [Manuscript of Mongolian folktale “A tale of the old man Borontai” from Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [*Written monuments of the Orient*]. 2015;1(22):5–11 (In Russian).
21. Nosov DA., Siqinbatu. Skazki o Mastere-Argachi na prostorakh Tsentral'noy Azii [Tales about Argachi in the Central Asia]. *Mongolica*. 2020;(23):76–81 (In Russian).
22. Pochekaev RYu. Zhitiya russkikh knyazey XIII v. kak istochnik svedeniy ob ordynskom sudebnom protsesse [Hagiographic biographies (Lives) of Russian princes of the 13th c. as a source of information on judicial proceedings in the Golden Horde]. *Khristianskoe chtenie* [*Christian reading*]. 2021;(4):227–237 (In Russian).
23. Vladimirtsov BYa. *Obschestvenniy stroy mongolov. Mongol'skiy kochevoy feodalizm* [*Social system of Mongols. Mongolian nomadic feudalism*]. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR publ., 1934. 223 p. (In Russian).
24. Klyashtorniy SG., Sultanov TI. *Gosudarstva i narody Evraziyskikh stepey. Ot drevnosti k Novomu vremeni* [*States and peoples of Eurasian steppes. From ancient times to the modern age*], 3rd ed., rev. and suppl. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie publ.; 2009. 432 p. (In Russian).
25. Rachewiltz I. de. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1966;9(1–2):88–144.
26. Tizengauzen VG. Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. T. I. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh [Collected materials on history of the Golden Horde. Vol. 1: Extracts from Arabian sources]. St. Petersburg: Izdanie grafa SG. Stroganova publ.; 1884. 564 p. (In Russian).
27. Veselovskiy NI. Khan iz temnikov Zolotoy Ordy Nogay i ego vremya [Khan from temniks of the Golden Horde Nogay and his age]. Veselovskiy NI. *Trudy po istorii Zolotoy Ordy* [*Works on history of the Golden Horde*]. Kazan: Fen, 2010, p. 132–191. (In Russian).
28. Shikhab ad-Din Mukhammad an-Nasavi. *Sirat as-sultan Dzhalal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhalal ad-Dina Mankburny)* [*Biography of Sultan Jalal ad-Din Mankburny*], crit. text, transl., intr., comments, notes and index by ZM. Bunyatov. Moscow: Nauka publ.; 1996. 798 p. (In Russian).
29. Drobyshev YuI. Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' srednevekovykh mongolov i ee mirovozzrencheskie osniovy [Mortuary and mourning ritualism of the medieval Mongols and its worldview foundations]. *Etnograficheskoe obozrenie* [*Ethnographic review*]. 2005;(1):119–140 (In Russian).

Информация об авторах:

Дробышев Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Истории Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, e-mail: altanus@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9318-4560

Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург, e-mail: rpochekaev@hse.ru. ORCID: 0000-0002-4192-3528

Information about authors:

Drobyshev Yuliy Ivanovich – PhD in History, senior researcher of the Department of History of East, the Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, e-mail: altanus@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9318-4560

Pochekaev Roman Yulianovich – Dr. Habil. In History, PhD in Law, head of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, e-mail: rpochekaev@hse.ru. ORCID: 0000-0002-4192-3528

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ HISTORY OF HISTORICAL SCIENCE

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-122-131

Научная статья / Research article

Исследование Ю.Н. Рерихом эпоса о Гесэре

А.М. Шустова

Институт востоковедения РАН,
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12
✉ ashustova@ivran.ru

Аннотация. В статье анализируется вклад Ю.Н. Рериха в изучение тибетского эпоса о Гесэре. Долгие годы, проведенные в экспедициях, общение с аутентичным населением в труднодоступных местах Центральной Азии, непредвзятое отношение к местным жителям, а также знание местных языков позволили ему собрать уникальный материал, касающийся бытования легенд, рассказов, песен и эпических сказаний о царе-воине Гесэре. На основе анализа полученных данных Ю.Н. Рерих приходит к выводу о единстве древней культуры населения Тибета. Эпос о Гесэре, на взгляд ученого, был связан с древней религией почитания сил природы и космоса, сопряженной с искусством звериного стиля, а также с курганной и мегалитической культурой. Исследования эпоса о Гесэре открывают пути для анализа более глубокой и обширной темы существования в Азии культурно-исторической общности народов в древнюю эпоху, а также темы больших миграций древних племен, разносящих по всему евразийскому континенту сходные по своему смысловому содержанию символы и образы.

Ключевые слова: Ю.Н. Рерих, история востоковедения, Гесэр, культура Тибета, фольклор

История статьи: Поступила в редакцию: 15.01.2022. Принята к публикации: 10.02.2022.

Для цитирования: Шустова А.М. Исследование Ю.Н. Рерихом эпоса о Гесэре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 122–131. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-122-131>

G.N. Roerich's study of the epic about Gesar

Alla M. Shustova

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka St, Moscow, Russia, 107031
✉ ashustova@ivran.ru

Abstract. This article analyzes the contribution of G.N. Roerich in the study of Tibetan epic of Gesar. Long years spent on expeditions, communication with the authentic population in remote

© Шустова А.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

places of Central Asia, an open-minded attitude towards the natives, as well as knowledge of local languages allowed him to collect unique material concerning the existence of legends, stories, songs and epic tales about the king-warrior Gesar. Based on the analysis of the data obtained, G.N. Roerich came to the conclusion about the unity of the ancient culture of the population of Tibet. The epic about Gesar, in his opinion, was associated with the ancient religion worshipping the forces of nature and space, associated with the art of the animal style, as well as with the barrow and megalithic culture. Studies of the epic about Gesar open the way for a deeper and broader analysis concerning the presence in Asia of the cultural and historical community of peoples in the ancient era, as well as the theme of large migrations of ancient tribes that spread throughout the Eurasian continent symbols and images that are similar in their semantic content.

Keywords: G.N. Roerich, history of the oriental studies, Gesar, culture of Tibet, folklore

Article history: Received: 15.01.2022. Accepted: 10.02.2022.

For citation: Shustova AM. G.N. Roerich's study of the epic about Gesar. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(2):122–131. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-122-131>

Введение

Научное наследие Ю.Н. Рериха является уникальным достоянием востоковедной науки как в России, так и во всем мире. Основной областью научных интересов Ю.Н. Рериха являлась тибетология. Он стал пионером во многих направлениях тибетологических исследований. Его работы по тибетскому искусству, лингвистике, кочевниковедению, археологии, истории и культуре стали вехой в развитии научных знаний о Тибете. Кроме того, ему удалось восстановить в России прерванную в ходе репрессий преемственность научной школы тибетологов, подготовив целый ряд выдающихся специалистов.

Особенностью научного подхода Ю.Н. Рериха к изучению Тибета являлось то, что он рассматривал Тибет не только с точки зрения уникальных природно-климатических условий и как очаг развития культуры тибетского буддизма, но и как своеобразный реликварий, где из-за труднодоступности и многовековой изоляции сохранились памятники архаических времен, артефакты давно ушедших с исторической арены народов, свидетельства, которые в других местах были стерты войнами и цивилизационным развитием.

Рерих делил тибетскую культуру на культуру добуддийского и культуру буддийского периодов. Приход буддизма в Тибет он считал важным водоразделом в тибетской истории. Добуддийская история Тибета, по его мнению, заслуживает пристального внимания ученых. Он рассматривал ее общей для большой территории внутри Азии, откуда мигрирующие племена разнесли ее по всему евразийскому континенту. Именно в акценте на архаичность и поиске везде архаических черт выражается особенность и новаторство его подхода к изучению тибетской истории и культуры.

Методология научного подхода Рериха также была основана на широком охвате проблемы, попытках дать многогранный анализ, сравнить с уже имеющимися данными и включить исследуемую тему как можно в больший контекст. Так, изучение для Рериха никогда не было оторванным от культурно-

исторического и этно-ландшафтного контекста, от поисков параллелей в других культурных традициях. В его трудах всегда имеется обширный исторический и библиографический обзор. Синтетический взгляд на проблему позволял выявить тонкие закономерности развития культуры как отдельного древнего народа, так и большого этноса.

Ю.Н. Рерих особое внимание уделял тибетскому фольклору. Он считал, что легенды, баллады, рассказы и эпические сказания являются значимыми для выявления характеристик и закономерностей древней истории и культуры. Он был убежден, что далекое прошлое азиатских народов было великим, несмотря на явные признаки деградации и вырождения некоторых племен в настоящее время. Рерих замечал, что в символической, образной форме фольклора могло быть скрыто знание о реальных событиях давно ушедших эпох.

Он рассматривал тибетский фольклор как своеобразную кладовую элементов древних культур Центральной Азии, Индии, Китая и Монголии. Однако их изучение наталкивалось на целый ряд трудностей. Рерих описывает свой опыт изучения древней тибетской медицины, источники которой насыщены фольклорным материалом, следующим образом: «Трудности в этой области исследования многообразны. Необходимо заслужить доверие туземных лекарей, терпеливо проработать тысячи страниц рукописей, часто написанных чрезвычайно сложным техническим языком, близко познакомиться с туземным мировоззрением и, помимо всего, сохранить к нему непредвзятый подход, поскольку прежде чем вы получите точные данные, вам придется изучить богатый фольклорный материал, в котором народная мудрость часто перемешана с фантастическими легендами примитивных религиозных верований, проникшими в профессиональные учебники туземной медицины» [1. С. 205]. Рериху удалось преодолеть все эти преграды благодаря знанию тибетского языка и тибетских диалектов, а также уважительному отношению к местной культуре. Многие из того, с чем ему приходилось сталкиваться в экспедиции в Тибете, исчезло под натиском цивилизации.

Ученица Рериха, тибетолог М.И. Воробьева-Десятовская писала о своем наставнике: «Он обладал редким комплексом знаний, позволяющих ему читать и переводить на европейские языки древнейшие письменные источники и записывать в юртах аборигенов местный фольклор – песни, рассказы и даже целые эпические сказания. Благодаря его записям они вошли в сокровищницу мировой культуры. Никто в Европе не знал так тонко быт и нравы тибетских и монгольских племен – кочевников и домохозяев, – как постиг их Ю.Н. Рерих» [2. С. 5].

При изучении тибетского фольклора Ю.Н. Рерих одно из важных мест отводил героической саге о Гесэре [3]. Во время Центрально-азиатской экспедиции он получил множество свидетельств о широком распространении среди азиатских народов различных легенд, сказаний и рассказов о подвигах и жизни Гесэра. Как было им замечено, в каждой местности бытовала своя версия Гесэриады, в некоторых селениях в честь Гесэра устраивались праздники с песнями и стрельбой из лука. По наблюдениям Рериха, имя Гесэра нашло отражение в названиях тех или иных особенностей ландшафта. Так

появились «седло Гесэра», «дворец Гесэра», «дверь во владения Гесэра», «граница Гесэра», «каменная лестница, выстроенная Гесэром». Характерные вмятины на камнях местные жители называли «следами подков коня Гесэра», а древние рисунки на скалах в виде меча, как считалось, изображали «меч Гесэра». В северо-восточном Тибете, как упоминал Рерих, имелся храм или лакханг Гесэра, балки потолка которого были украшены мечами «воинов Гесэра». Согласно преданию, западно-тибетское княжество Ладакх является родиной Гесэра, а ее правители – прямые его потомки. В ладакхской настенной росписи можно было встретить сцены из жизни Гесэра.

Рерих отмечал, что символика Гесэриады проникла и в буддийскую культуру. Гесэра изображали на буддийских танках, а также в форме глиняных и металлических статуэток, напоминающих по стилю изображения великих буддийских учителей и святых. Исследуя буддийскую живопись, ученый обнаружил, что танкхи с изображением Гесэра принадлежали как школе ньингмапа, так и гелугпа. На некоторых гелукпинских картинах с Гесэром можно встретить Цонкапу, родоначальника школы гелугпа.

Эпос о Гесэре был трансформирован буддизмом и в религиозные театральные представления. Некоторые мистерии цам, которые Рерих мог видеть в монгольских буддийских монастырях, проводились и в честь Гесэра. По поводу интеграции буддизма и образов Гесэриады он писал следующее: «Буддийские элементы, проникшие в эпос, заменили Индру, brGya-byin, на Гуру Падмасамбхаву, а сам Кэсар стал защитником буддийской веры и строителем буддийских монастырей. В начале стихотворных частей теперь можно найти обычные буддийские обращения к Триратне (sKyabs-dkon-mchog gsum-la gsol-ba-'debs). В последнее время последователи школы „староверов“ (ньингмапа) и гелугпа пытаются присвоить популярный эпос. В Каме среди ньингмапинцев бытует служба, чога, и церемония подношения тарма в честь царя Кэсара, почитаемого защитником веры, чойджоном. В Амдо среди последователей школы гелугпа часто можно услышать неожиданное утверждение, что сам Цзонхава, тибетский реформатор, был когда-то жрецом (амчод) царя Кэсара Лингского!» [4. С. 63].

Как установил ученый, эпос о Гесэре – сложное, многоуровневое произведение, созданное многими народностями; произведение, в котором сочетаются как древние культы почитания природы и космоса, так и героическая история великого царя-воина. Несмотря на то, что эпос существует в многочисленных версиях, у него есть основное ядро, имеющее характер записанного в поэтической форме героического сказания, повествующего о войнах между древними племенами.

Рерих обращает внимание на то, что в эпосе о Гесэре рассказывалось не только о прошлых подвигах и событиях. Согласно легендам, Гесэр не исчезает с исторической арены после своей смерти, а, как ожидается, появится в будущем как победоносный вождь. Как замечал Рерих, эпос о Гесэре не был чем-то застывшим, он постоянно пополнялся новыми эпизодами и песнями. В 1926 году в Монголии ученому удалось зафиксировать подобные случаи. В эпос о Гесэре были добавлены новые главы о возвращении Гесэра на землю

и о том, как он поведет народы против могущественного злого врага, который захотел установить на земле царство тьмы.

Рериха интересовал не только богатый фактологический материал, но и важные вопросы, касающиеся происхождения, а также глубокой символики и многослойности смыслов эпоса о Гесэре. Он пытался ответить на вопросы: почему этот эпос обладал такой «живучестью» в веках и такой проникающей способностью в сознание буквально всех центрально-азиатских народов, становясь частью их обрядовой и религиозной жизни? Почему не устоял под его натиском даже тибетский буддизм, который имел и свою достаточно большую идейную наполненность и психическую силу?

Отвечая на эти вопросы, он пришел к выводу о единстве культуры древних народов, одним из важных архетипов которой являлся доблестный воинский путь. Такие качества, как мужество, подвиг, честь и достоинство, победа над врагом, защита слабых, установление справедливого порядка, были присущи характеру многих древних народов. Культурный архетип воина-победителя можно обнаружить у тибетских, монгольских и корейских воинов, у китайских мастеров всевозможных боевых искусств, у японских самураев, у индийских раджпутов, его также можно найти у древнерусских дружинников и русских казаков, скандинавских викингов, британских и ирландских кельтов, во всевозможных воинских культурах Македонии, Малой Азии, Персии и других древних государств. Это именно те качества, которые в арийской культуре приписывались кшатриям, царственным воинам. Родоначальник буддизма Гаутама Будда был кшатрием по рождению, его учение несло кшатрийские черты. Поэтому символизм Гесэриады, в котором они были хорошо проявлены, органично вошел в буддизм. Заметим, что в буддизме путь воина переосмыслился в духовной плоскости, где борьба происходит с собственными недостатками.

Накопленный в результате исследования достаточно большой и интересный материал Ю.Н. Рерих изложил и проанализировал в работе «*The Epic of King Kesar of Ling*» [3, русск. перев. 4]. В северо-восточной тибетской провинции Амдо ученому удалось найти и записать неизвестную версию легенды о Гесэре, которую он вместе со своими комментариями опубликовал в монографии «*Le Parler de l’Amdo. Etude d’un dialecte archaïque du Tibet*» [5], вышедшей на французском языке в Риме.

Вначале статьи «*The Epic of King Kesar of Ling*» автор делает обзор известных западной науке сведений об эпосе о Гесэре, анализирует особенности его различных версий, а также то, как сюжеты Гесэриады отражены в тибетском искусстве. Выделим наиболее значимые положения этого исследования, на которые, на мой взгляд, следует обратить пристальное внимание.

Все источники Гесэриады Рерих разделяет на устные, рукописные и печатные версии. Как он заметил, рукописные источники содержат наибольшее количество архаизмов. Тибетскую культуру он мыслил как сложное и многогранное явление, в котором культура тибетского буддизма является лишь ее частью. Рерих считал, что Тибет являлся местом развития не одного определенного народа, а многих, причем различного этнического корня, в

особенности он выделял регион северо-востока Тибета, области Амдо и Северный Кхам. Именно в Тибете, по его мнению, «скрыта разгадка многих проблем, связанных с вопросом обитания человека в Азии» [6. С. 88].

Анализируя содержание сказаний о Гесэре, а также их язык, ученый сделал вывод о том, что эпос о Гесэре является автохтонным произведением племен северо-восточных областей Тибета, откуда миграционными потоками его элементы были разнесены буквально по всему евразийскому континенту. Как он замечает, подобные сказания можно обнаружить не только в фольклоре азиатских народов, но и европейских. Рерих писал: «Эпос о царе Кэсаре содержит многочисленные параллели с европейским фольклором» [4. С. 61]. Не исключение здесь и русский фольклор, богатый героической тематикой (например, русский былинный эпос о богатырях).

В то же время могли быть и обратные влияния со стороны древних европейских культур. Рерих поддерживал гипотезу, по которой тибетское слово Кэсар, или по-монгольски Гесэр, ставшее личным именем человека, могло иметь происхождение в римском титуле «цезарь», который был принят царями Кушанской империи, а от кушан, через Хотан и древние государства Таримского бассейна был принят тангутскими и тибетскими племенами северо-востока Тибета. В работе [7] Рерих отмечал, что «Грюнведель и Потанин пытались доказать, что на сказание о Гесэре оказали влияние легенды об Александре Великом, так популярные на Востоке, что имя Гесэр было не чем иным, как тибетским переложением слова Кайзер-Цезарь» [7. С. 331]. Это предположение, хотя он относился к нему достаточно серьезно, по его мнению, нуждалось в дальнейших исследованиях. М.И. Воробьева-Десятовская замечала: «Спорной представляется точка зрения Ю.Н. Рериха, поддержанная многими учеными, что само имя этого героя – Кэсар – отражает латинское Цезарь. Лингвистические доказательства, приведенные в пользу этой гипотезы, кажутся недостаточно убедительными. Тем не менее сама гипотеза довольно любопытна и предполагает глубинные связи, существовавшие в древности между отдельными центрами цивилизаций» [2. С. 7–8].

Точную датировку эпоса о Гесэре, как справедливо отмечал Рерих, сделать не представляется возможным. Параллели с историей первого буддийского царя в Тибете Сонгценгампо (569–650) лишь показывают его добуддийское происхождение. Корни же его, по мнению ученого, надо искать в более далеком прошлом, «вероятно, домонгольского и дотибетского» [7. С. 332] периода.

Рерих также пришел к выводу, что для древних людей эпос был не просто героической поэмой, а носил характер религии и во многом отражал культуру империи кочевников. В нем можно найти частые аллюзии с древней формой религии бон, которая в свою очередь, может иметь параллели с религией друидов.

В отличие от рукописных версий эпоса о Гесэре его печатные версии, как установил Рерих, были написаны на языке, близком классическому тибетскому, и часто были отредактированы буддийскими учеными. Устные же версии многочисленны и сильно окрашены местным фольклором.

С эпосом о Гесэре, по мнению ученого, связано искусство звериного стиля. В этой связи Рерих обращает внимание на работу М.И. Ростовцева [8], в которой он анализирует серию сибирских и китайских блях, выполненных в зверином стиле и изображающих сцены охоты, борьбы и битвы. Свою лепту в изучение звериного стиля внес и сам Ю.Н. Рерих, опубликовав монографию «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» [9]. В ней он описал и проанализировал найденные Центрально-азиатской экспедицией Н.К. Рериха в северном Тибете предметы, украшенные звериным орнаментом. Также в указанной работе дается описание открытых экспедицией памятников древней мегалитической культуры, обнаруженных в районе с распространением искусства звериного стиля. На основе своих исследований Ю.Н. Рерих пришел к выводу, что искусство звериного стиля и древняя мегалитическая и курганная культура связаны между собой и с эпосом о Гесэре.

Заключение

На основе анализа полученных данных Ю.Н. Рерих приходит к выводу о единстве древней культуры населения Тибета, в которой эпическое творчество о герое Гесэре занимало важное место. Оно было связано с другими элементами единой древней культуры, каковым является искусство звериного стиля, тесно связанное с древней религией почитания сил природы и космоса, а также с традицией возведения курганов и мегалитов. Этой культурой были охвачены огромные пространства евразийского материка.

Исследование Рерихом эпоса о Гесэре открывают пути для анализа более глубокой и обширной темы существования в Азии культурно-исторической общности народов в древнюю эпоху, а также темы больших миграций древних племен, разносящих по всему евразийскому континенту сходные по своему идейному содержанию символы и образы. Осмысляя культурно-исторический опыт азиатских народов, Рерих пытался экстраполировать его и на будущее Азии, которое он представлял как новое культурно-историческое единство уже в новом цикле истории. Так, он писал: «В поисках единства, в попытках наведения новых мостов для объединения народов нам не следует забывать уроки прошлого, но, напротив, следует тщательно оберегать остатки былого единства и везде, где возможно, разжигать заново священный огонь культурного единения, культурного обмена, который когда-то принес человечеству благие плоды и которого так недостает нашему современному миру» [10. С. 27].

Ученый считал, что его труды – только начало большого пути в исследовании Гесэриады, и придавал большое значение его дальнейшему продвижению. Действительно, последовавшие затем работы ученых, посвященные этой теме, показали много интересных результатов. Изучение Гесэриады вылилось в целостное научное направление. Обзор всех работ по данной теме займет много места. Отметим некоторые из них: это работы Ц. Дамдисурина [11], И.Б. Молдобаева [12, 13], Л.Ц. Санжеевой [14], они сделали анализ соответственно монгольской, киргизской и бурятской Гесэриады.

Л.В. Федорова исследовала якутский героический эпос [15], а Е.В. Троянова [16] и В.А. Воропаева [17] посвятили свои статьи культурно-историческим вопросам Гесэриады.

Исследование Рерихом эпоса о Гесэре, а также его работа «The Epic of King Kesar of Ling» продолжают быть значимыми для ученых. И не только описанием и анализом неизвестных сведений и фактов, но, прежде всего, теми масштабными задачами, которые он, раскрывая эту тему, поставил перед наукой и которые ученые продолжают решать и поныне.

Библиографический список

1. *Рерих Ю.Н.* Лекари в Тибете // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы. Ред. М.И. Воробьева-Десятовская. Самара: Агни, 1999. С. 205–210.
2. *Воробьева-Десятовская М.И.* Предисловие // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Научный ред. М.И. Воробьева-Десятовская. Самара: Агни, 1999. С. 5–12.
3. *Roerich G.N.* The Epic of King Kesar of Ling // Journal of the Royal Asiatic Society of Bengal. Letters. 1942. Vol. 8. No. 7. P. 277–311.
4. *Рерих Ю.Н.* Сказание о царе Кэсаре Лингском // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы. Ред. М.И. Воробьева-Десятовская. Самара: Агни, 1999. С. 56–87.
5. *Roerich G.N.* Le Parler de l’Amdo. Etude d’un dialecte archaïque du Tibet. Roma: ISMEO. 1958. (Institute Italiano il Medio ed Estremo Oriente. Ser. Orientale. 18)
6. *Рерих Ю.Н.* Кочевые племена Тибета // Страны и народы Востока. Вып. 2. М.: Изд-во восточной литературы. 1961. С. 7–12.
7. *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994.
8. *Rostovtseff M.* The Great Hero of Middle Asia and his Exploits // Artibus Asiae. 1930–1932. № 2/3. P. 99–117. With a note by G. Roerich.
9. *Roerich G.* Animal style among the nomad tribes of Northern Tibet. Prague: Seminarium Kondakovianum, 1930. *Рерих Ю.Н.* Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. Прага: Seminarium Kondakovianum, типография «Политика», 1930 (Eng./Russ).
10. *Рерих Ю.Н.* Культурное единство Азии // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы / ред. М.И. Воробьева-Десятовская. Самара: Агни, 1999. С. 20–27.
11. *Дамдинсүрен Ц.* Исторические корни Гэсэриады / Ответственный редактор Б.И. Панкратов. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. 239 с.
12. *Молдобаев И.Б.* «Манас» – историко-культурный памятник кыргызов. Бишкек: Кыргызстан, 1995.
13. *Молдобаев И.Б.* К вопросу о сравнительном изучении эпосов «Гесэр» и «Манас» в свете трудов Ю.Н. Рериха // Международный Фонд Исследования Тенгри, 2012. URL: <http://tengrifund.ru/k-voprosu-o-sravnitelnom-izuchenii-eposov-geser-i-manas-v-svetetrudov-yu-n-rerixa.html> (дата обращения: 04.05.2021).
14. *Хундаева Е.О., Санжеева Л.Ц.* Бурятская Гэсэриада: вопросы теории поэтики, стиля, образности // Актуальные проблемы Гэсэриады: эпический текст и этнокультурные традиции: междунар. науч. сб. ст., посвящ. 100-летию со дня рождения А.И. Уланова. Улан-Удэ, 2010. С. 181–188.
15. *Федорова Л.В.* Эпос о Кесаре Лингском как источник в исследовании религий тенгри и бон // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2016. № 4 (04). С. 31–39.

16. Троянова Е.В. Ю.Н. Рерих: эпос о царе Гесаре как исторический источник // Мир науки, культуры, образования (Горно-Алтайск). 2014. № 2 (45). С. 374–377.
17. Воронаева В.А. Идея единения культурного наследия в эпосах номадов «Гэсэр» и «Манас» // 75 лет Пакту Рериха. Материалы Международной научно-общественной конференции. 2010. М.: МЦР. 2011. С. 411–422.

References

1. Roerich GN. Doctors in Tibet. *Roerich G. Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Ed. M.I. Vorob'ova-Desyatovskaya. Samara: Agni; 1999, p. 205–210. (In Russ.).
2. Vorobieva-Desyatovskaya M.I. Foreword. *Roerich G. Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Ed. M.I. Vorobieva-Desyatovskaya. Samara: Agni; 1999, p. 5–12.
3. Roerich GN. The Epic of King Kesar of Ling. *Journal of the Royal Asiatic Society of Bengal. Letters*. 1942;8(7):277–311.
4. Roerich GN. The Legends of Kesar of Ling. *Roerich G. Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Ed. M.I. Vorob'ova-Desyatovskaya. Samara: Agni; 1999, p. 56–87. (In Russ.).
5. Roerich GN. *Le Parler de l'Amdo. Etude d'un dialecte archaïque du Tibet*. Roma: ISMEO; 1958. (Institute Italiano il Medio ed Estremo Oriente. Ser. Orientale. 18)
6. Roerich GN. Nomadic tribes of Tibet. *Strany i narody Vostoka*. Vol. 2. Moscow: Izd-vo vost. lit.; 1961, p. 7–12. (In Russ.).
7. Roerich GN. Trails to Inmost Asia. Samara: Agni; 1994. (In Russ.).
8. Rostovtseff M. The Great Hero of Middle Asia and his Exploits. *Artibus Asiae*. 1930–1932(2/3):99–117. With a note by G. Roerich.
9. Roerich G. *Animal style among the nomad tribes of Northern Tibet*. Prague: Seminarium Kondakovianum; 1930. (Eng./Russ).
10. Roerich GN. Cultural unity of Asia. *Roerich G. Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Ed. M.I. Vorob'ova-Desyatovskaya. Samara: Agni; 1999, p. 20–27. (In Russ.).
11. Damdinsuren Ts. *Historical roots of the Geseriada*. Executive editor B.I. Pankratov. Moscow: Izd-vo of the Academy of Sciences of the USSR; 1957.
12. Moldobaev IB. “Manas”. *Historical and cultural monument of the Kyrgyz*. Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. (In Russ.).
13. Moldobaev IB. To the question of the comparative study of the epics “Gesar” and “Manas” in the light of the works of Yu.N. Roerich. Website of the International Tengri Research Foundation, 2012. Available from: <http://tengrifund.ru/k-voprosu-ot-sravnitelnom-izuchenii-eposov-geser-i-manas-v-svetetrudov-yu-n-rerixa.html> [Accessed: 05.04.2021]. (In Russ.).
14. Khundaeva EO., Sanzheeva LTs. Buryat Geseriada: questions of the theory of poetics, style, imagery. *Actual problems of the Geseriada: epic text and ethnocultural traditions: International scientific digest of the articles, dedicated to the 100-th anniversary of the birth of A.I. Ulanov*. Ulan-Ude; 2010, p. 181–188. (In Russ.).
15. Fedorova LV. Epic about Caesar Ling as a source in the study of the Tengri and Bon religions. *Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Vestnik of North-Eastern Federal University. Epic Studies series*. 2016;(04):31–39. (In Russ.).
16. Troyanova EV. Yu.N. Roerich: the epic about Tsar Gesar as a historical source. *World of science, culture, education (Gorno-Altaiisk)*. 2014;2(45):374–377. (In Russ.).

17. Voropaeva VA. The idea of the uniting cultural heritage in the epics of the nomads “Geser” and “Manas”. *75 years of the Roerich’s Pact. Materials of the International Scientific and Public Conference*. 2010. Moscow: MCR; 2011, p. 411–422. (In Russ.).

Информация об авторе:

Шустова Алла Михайловна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра Индийских исследований, Институт востоковедения РАН, e-mail: ashustova@ivran.ru. eLibrary SPIN-код: 9589-1579

Information about the author:

Shustova Alla Mikhailovna – PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, e-mail: ashustova@ivran.ru. eLibrary SPIN-код: 9589-1579

СОВРЕМЕННЫЙ МИР CONTEMPORARY WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-132-143

Научная статья / Research article

Канадская цивилизация: сущность и особенности ее формирования

А.Н. Комаров

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Россия, Москва, ГСП-3, Миусская площадь, 6
✉ ruslan10@inbox.ru

Аннотация. Цель исследования состоит в раскрытии ключевых особенностей канадской цивилизации, сформировавшейся в Новое время на североамериканском континенте. Научная новизна статьи состоит в том, что впервые в отечественной историографии были выделены ключевые особенности канадской цивилизации, которую автор считает особой социокультурной общностью. В статье подчеркивается, что канадская цивилизация отличается рядом специфических признаков, отличных от традиционного понимания североамериканской цивилизации в целом. Автор опирается на достижения отечественного и зарубежного канадоведения, а также источниковую базу, иллюстрирующую выводы автора. В ходе работы над исследованием автор анализирует предвыборные программы канадских политических партий, и, прежде всего, Квебекской, Акт о Британской Северной Америке 1867 г., Акт о Конституции 1982 г. и другие важнейшие источники. Важную роль для автора в процессе написания статьи сыграло ознакомление с существующими теориями цивилизаций. Результаты исследования позволили прийти к выводу о том, что канадскую цивилизацию отличает длительное сосуществование в ее рамках двух наций: франко-канадской и англо-канадской, тесные связи с политическими традициями Великобритании, США и Франции, а также ее северность. Подчеркнуто, что канадская цивилизация отличается от традиционной англосаксонской именно наличием романского фактора, т.е. присутствием франко-канадского вопроса. Последний в течение длительного времени определяет истоки существования канадской цивилизации и формирует ее ключевые особенности на настоящем этапе развития. Для достижения результата в своей работе автор использует сравнительно-исторический метод и междисциплинарный подход.

Ключевые слова: теория, цивилизация, Канада, франко-канадский вопрос, политические традиции, суверенитет, Квебекская партия, северность

История статьи: Поступила в редакцию: 20.12.2021. Принята к публикации: 28.01.2022.

© Комаров А.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Комаров А.Н. Канадская цивилизация: сущность и особенности ее формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 132–143. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-132-143>

Canadian civilization: the essence and features of its formation

Andrey N. Komarov

Russian State University of Humanities,
6 Miusskaya Square, GSP-3, Moscow, Russia, 125993

✉ruslan10@inbox.ru

Abstract. The purpose of research is to reveal the key features of the Canadian civilization formed in the Modern history on the North American continent. The significance of this scientific research is that for the first time in Russian historiography, presents the key features of the Canadian civilization, which the author considers a special socio-cultural community. The article emphasizes that the Canadian civilization is distinguished by a number of specific features that differ from the traditional understanding of North American civilization as a whole. To achieve the result in his work, the author uses a comparative historical method and an interdisciplinary approach. When writing the article, the author relies on the achievements of domestic and foreign Canadian studies, as well as a source base illustrating the author's conclusions. In the course of writing the work, the author analyzes the election programs of Canadian political parties, the British North America Act and other important sources. A positive role for the author in the process of writing his article was played by his familiarization with the existing theories of civilizations. The results of the study led to the conclusion that the Canadian civilization is distinguished by the long-term coexistence within its framework of two nations: French-Canadian and Anglo-Canadian, close ties with the political traditions of Great Britain, the USA and France, as well as its northerness. Emphasizes that the Canadian civilization differs from the traditional Anglo-Saxon one precisely by the presence of the Roman factor, i.e. the presence of the French-Canadian question. The latter for a long time determines the origins of the existence of the Canadian civilization and forms its key features at the present stage of development. To achieve the result in his work, the author uses a comparative historical method and an interdisciplinary approach.

Keywords: theory, civilization, Canada, French-Canadian question, political traditions, sovereignty, Quebec Party, northerness

Article history: Received: 20.12.2021. Accepted: 28.01.2022.

For citation: Komarov AN. Canadian Civilization: the Essence and Features of its Formation. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(2):132–143. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-132-143>

Введение

Весь опыт развития человечества показывает, что переход от одной эпохи к другой неизбежно порождает не только конкретные проблемы изменения жизнедеятельности людей, но и фундаментальные теоретические вопросы. Совершенно ясно, что это в полной мере относится и к настоящему времени, к современной эпохе постмодерна. Без решения данных проблем

представляется невозможным не просто дать достойный ответ глобальным вызовам XXI в., но и определить будущие пути развития современной цивилизации, а применительно к какой-либо конкретной стране определить реальные пути развития научно-технического прогресса, модернизации экономики, развития ее культуры. В связи с этим, рассматривая вопрос о будущем современной цивилизации (в том числе североамериканской), возникает необходимость понимания того, в чем состоит сущность цивилизации, каковы пути развития и специфика в различных странах. Отсюда становится ясно, что борьба человечества с глобальными вызовами современности в первой четверти XXI в. и развитие общества постмодерна возобновила научные дискуссии о сущности и характере цивилизаций, которые получили глубокое звучание в отечественной и зарубежной историографии. Без глубинного понимания специфики развития цивилизации невозможно определить правильные пути выхода из современных кризисов, потрясающих человечество с конца XX – начала XXI в. (борьба с коронавирусом, глобальное потепление, продовольственная проблема, энергосырьевой кризис, несовершенство и незавершенность глобализационных процессов и т.д.). Невозможно найти наиболее эффективные пути решения вышеперечисленных проблем. Таким образом, приобретает особую актуальность рассмотрение сущности самого понятия «цивилизация».

Общеизвестно, что различные подходы к истории цивилизаций, предложенные О. Шпенглером, А. Данилевским, А. Тойнби выработывавшиеся во второй половине XIX – начале XX в., остаются актуальными и по сей день. В то же время стоит отметить, что теория цивилизации получила дальнейшее развитие и в работах других современных ученых, в частности С. Хантингтона, И. Валлерстайна. К примеру, С. Хантингтон был автором геополитической модели цивилизации, и рассматривал ее, прежде всего, как наивысшую форму культурной общности, отличающейся единством языка, определенными особенностями религиозного и исторического развития [1. С. 33–48]. В развитии цивилизации С. Хантингтон значительное внимание уделял геополитическому фактору, выделяя как цивилизационно целостные государства, так и цивилизационно расколотые. Напротив, И. Валлерстайн рассматривал понятие цивилизации в миротехнической модели истории. В его понимании цивилизация представляет собой так называемую миротехнику со своим центром, опирающуюся на ряд социально-политических и культурных особенностей [2. С. 215]. Отечественные философы В.М. Найдыш и О.В. Найдыш, характеризуя цивилизацию как устойчивую общность людей, выделяют ее признаки, к которым они относят ее неоднородность, собственное самосознание, природную и социальную среду [3. С. 57]. Рассматривая различные концепции цивилизаций, можно предложить ее собственное определение. Она выступает в роли социокультурной общности, отличающейся едиными природно-географическими, геополитическими, историческими, экономическими, идейно-философскими составляющими.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать и исследовать специфические особенности канадской цивилизации – исторического

феномена, который ранее не рассматривался ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Вышеуказанная цель предполагает решения ряда задач.

Во-первых, выявить ключевые особенности канадской цивилизации. В этой связи важно отметить, что замысел статьи заключается в том, чтобы выделить не просто сущность североамериканской цивилизации в целом, что неоднократно было сделано в научной литературе, а остановиться именно на ключевых особенностях канадской цивилизации. Необходимо отметить, что она отличается от традиционной англосаксонской именно наличием романского фактора, т.е. присутствием франко-канадской общности. Последняя в течение длительного времени определяет истоки существования канадской цивилизации и формирует ее ключевые особенности на настоящем этапе развития.

Во-вторых, вывести само определение канадской цивилизации. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в научной литературе рассматривается сущность канадской цивилизации как самобытного исторического феномена. Данная тема является принципиально важной в свете изучения новой и новейшей истории стран Северной Америки, и, в частности, такого высокоразвитого государства, как Канада. Это, безусловно, обосновывает интерес к данной проблематике.

При изучении данной темы был задействован значительный корпус источников и литературы.

Необходимо подчеркнуть, что в отечественной историографии существует целый ряд известных и авторитетных публикаций по теме национальной самобытности и специфики общественно-политического развития Канады, которые охватывают различные аспекты интересующей нас проблематики. История франко-канадского вопроса последовательно излагается в статье В.А. Тишкова [4. С. 76–90]. Влияние федерализма на государственность Канады и США анализируется в научной работе В.Е. Шило [5. С. 61–77].

Причины миграции в Канаду в XIX в. последовательно излагаются в работе известного канадского историка Дж. Сэйвелла [6. С. 42–43]. Политическая культура Канады и участие политических партий в парламентских выборах последних лет было рассмотрено в работах Дж. Паммета и К. Дорнана [7. С. 265–271]. В то же время единое научное исследование, посвященное сущности и особенностям канадской цивилизации как историческому феномену, отсутствует. Именно это «белое пятно» в исследуемой проблематике и призвана ликвидировать данная статья, которая будет опираться на соответствующую источниковую базу и методологию. Источниковая база статьи представлена программными документами Квебекской партии и выступлениями ее лидеров, статистикой парламентских выборов, Актом о Британской Северной Америке 1867 г., Мичлейкским и Шарлоттаунским конституционными соглашениями и т.д. Она необходима, прежде всего, для раскрытия интересующей нас проблематики.

Методология исследования строится на использовании междисциплинарного анализа и принципа историзма. В ходе применения первого в статье показана соответствующая связь всеобщей истории и политической науки, в

частности, в описании влияния политических традиций на формирование канадской цивилизации. Принцип историзма рассматривает этапы ее становления в историческом контексте.

Особенности канадской цивилизации

Первой важнейшей особенностью формирования канадской цивилизации является длительное сосуществование в ее рамках двух наций: франко-канадской и англо-канадской. Именно они во многом и определили цивилизационную составляющую цивилизации. Формируя единую государственность, в то же время франко-канадцы и англо-канадцы прошли через сложные этапы становления своей национальной идентичности. Геополитическое противостояние Британской и Французской колониальных империй в Северной Америке в течение длительного времени формировало уникальный характер канадской цивилизации, когда две нации, с одной стороны, конкурировали друг с другом и вели борьбу за существование, а, с другой стороны, способствовали поступательному экономическому развитию будущего государства. Это течение событий изменилось во второй половине XVIII в., в годы Семилетней войны 1756–1763 гг., когда Британской империи удалось одержать верх в противостоянии с Французской. Англия завоевала Канаду, что явилось настоящей трагедией для франко-канадского населения. Британская колониальная администрация сразу же стала относиться с пренебрежением к традициям и национальному самосознанию франко-канадцев, зачастую нарушая также и их языковые права.

Это приводило к неоднократным выступлениям франко-канадцев против британской колониальной администрации. Крупнейшим из них были восстание населения Квебека во главе с Л.Ж. Папино в 1837 г., а также выступление франкоязычных метисов провинций Манитобы и Саскачеван под руководством Г. Дюмона и Л. Риэля в 1885 г.

Недовольство франко-канадцев трансформировалось в этнополитический конфликт на североамериканском континенте – франко-канадский вопрос. В XX веке эта проблема получила еще большее звучание, начиная от школьного вопроса и заканчивая конскрипциями 1916 и 1942 гг., когда мужское население Квебека пыталось уклониться от мобилизации на театры боевых действий Первой и Второй мировой войн.

По своей сущности этнополитический конфликт является одним из самых сложных видов конфликтов в новое и новейшее время, поскольку в нем, как правило, интегрируются несколько взаимодополняющих друг друга составляющих: политическая, религиозная, национальная и экономическая. И в этом плане франко-канадский вопрос не является исключением и представляет собой хрестоматийный пример. Франко-канадцы, следуя принципам своей национальной самобытности, во многом поддерживают идею суверенитета Квебека и, тем самым, отделения его от англоязычной Канады. Официальным носителем этой идеологии на общенациональном уровне с 1990 г. является Квебекский блок, а на провинциальном уровне с 1968 г. Квебекская

партия. Ее лидер Р. Левек, одержав победу со своей партией на провинциальных выборах в Квебеке в 1976 г., четко указывал на существование двух наций в Канаде, франко-канадской и англо-канадской, со своими особенностями и интересами. Именно Р. Левеку принадлежала концепция «суверенитет-ассоциация», т.е. суверенитет Квебека при экономическом союзе с англоязычной Канадой. В то же время необходимо понимать, что число приверженцев суверенитета Квебека в самой провинции никогда не было постоянным и статичным. Оно увеличивалось или уменьшалось в зависимости от экономической и политической ситуации в этой части Канады. Показательным в этом плане является первая половина 1990-х гг., когда провал Мичлейкского и Шарлоттаунского конституционных соглашений, предложенных правящей Прогрессивно-консервативной партией Канады, привел к повышению влияния сторонников суверенитета Квебека. Не сумев получить особый статус своей провинции по этим двум соглашениям, франко-канадцы на парламентских выборах 1993 г. поддержали Квебекский блок во главе с Л. Бушаром, который не просто получил 54 места в палате общин канадского парламента, и 13,52% процента голосов, но и занял второе место, опередив Прогрессивно-консервативную, Новую демократическую и Реформистскую партии и уступив только Либеральной партии. Это изменило политический ландшафт в Канаде [8. С. 161]. В свою очередь, Квебекская партия во главе с Ж. Паризо подготовила внутривинциальный референдум об отделении Квебека от остальной Канады и провела его 30 октября 1995 г. По его итогам, 49,42% жителей Квебека высказались за независимость провинции и 50,58% против [9. С. 157]. Лишь минимальный однопроцентный разрыв в голосах не позволил Квебеку получить независимость.

В дальнейшем тенденция к суверенитету провинции отличалась непостоянством и неоднородностью, т.е. ослабевала, или, наоборот, усиливалась. Эта динамика была напрямую связана с кризисными явлениями в ведущих Либеральной и Консервативной партиях, харизмой и политическим профессионализмом лидеров Квебекского блока, экономической конъюнктурой в провинции и политической ситуации в стране в целом. На парламентских выборах 1997 г. Квебекский блок во главе с Ж. Дюсепом получил 44 места в канадском парламенте и 10,67% голосов избирателей. По итогам следующих парламентских выборов 2000 г. Квебекский блок Ж. Дюсепа мог рассчитывать на 38 мест в палате общин канадского парламента и 10,72% голосов избирателей [10. С. 135–148].

В то же время парламентские выборы 2004 г. продемонстрировали очередной рост сторонников суверенитета провинции и возвращение к результатам 1993 г. Квебекский блок вновь, как и ранее, получил 54 места в Палате общин и 12,39% голосов избирателей. Увидев нежелание правящих либералов, а затем и консерваторов разрешить франко-канадский вопрос и не доверяя им, сторонники суверенитета Квебека вновь обратили внимание на политические возможности Квебекского блока, что доказали итоги парламентских выборов не только 2004 г., но и 2006 и 2008 гг. [11. С. 139–169]. В частности, в 2006 г. Квебекский блок получил 51 место в канадском парламенте, а в 2008 г. –

49 мест в палате общин. Однако на парламентских выборах 2011 и 2015 гг. результаты Квебекского блока значительно ухудшились. В первом случае в 2011 году он получил всего 4 места в канадском парламенте и 6,04% голосов избирателей. Это было связано с тем, что большую часть надежд в разрешении франкоканадского вопроса избиратели Квебека возлагали на Новую демократическую партию во главе с Дж. Лейтоном, который публично обещал это сделать [12. С. 111–138]. Во втором случае, в 2015 г., Квебекский блок получил 10 мест в палате общин и 4,66% голосов избирателей. Эти цифры также объяснимы, поскольку франко-канадцы возлагали надежды на возможности нового лидера Либеральной партии – Дж. Трюдо по разрешению франко-канадского вопроса. Однако впоследствии по итогам парламентских выборов 2019 и 2021 гг. результаты Квебекского блока выросли и стали сопоставимыми с аналогичными в первой половине 2000-х гг. [13. С. 101–127]. Разочарование электората в деятельности Либеральной партии вновь привело к росту популярности Квебекского блока, который во главе с И. Бланше получил 32 места в парламенте в 2019 г. и 34 места в палате общин канадского парламента – в 2021 г. Все проанализированное свыше доказывает, что присутствие франко-канадского вопроса, то временно отходящего на второй план, то возвращающегося в программы федеральных партий, и, прежде всего, Квебекского блока, составляет важнейшую особенность канадской цивилизации, определяет во многом сердцевину ее социокультурного развития. Постоянные дискуссии сторонников и противников суверенитета Квебека, размышления о национальной самобытности Квебека – все это дополняет эту важнейшую особенность.

Второй важной особенностью канадской цивилизации являются ее тесные связи с политическими традициями Великобритании, США и Франции, которые оказывают на нее кардинальное влияние на всем протяжении истории североамериканского государства. Необходимо отметить, что британское политическое влияние на формирование канадской государственности было преобладающим с середины XIX до второй половины XX в. Это проявилось, как минимум, в нескольких направлениях. Во-первых, Канада во второй половине XX в. заимствовала на общенациональном уровне двухпартийную систему по британскому образцу с опорой на либералов и консерваторов. Первоначально объединенная Либерально – консервативная партия к 70-м гг. XIX в. разделилась на Консервативную и Либеральную партии. Эти две ведущие политические партии взяли на себя ответственность за управление государством на федеральном уровне. Безусловно, присутствующие в канадском парламенте Новая демократическая партия, Квебекский блок, Партия зеленых проводят активную политическую работу, однако именно Либеральная и Консервативная партии регулярно сменяют друг друга у власти в общенациональном масштабе. Вне зависимости от получения ими парламентского большинства или меньшинства именно они объединяют за собой большую часть канадского электората.

Во-вторых, британское политическое влияние на территорию Канады было трансформировано через Акт о Британской Северной Америке 1867 г.

[14. С. 465–483]. Будущему премьер-министру Дж. Макдональду и его соратникам удалось договориться с английским истеблишментом о том, что новое североамериканское государство получает статус доминиона, т.е. суверенного государства, но в составе Британской колониальной империи. Канадцы тем самым признавали верховную власть английского монарха, которая в доминионе была представлена генерал – губернатором. Для той далекой эпохи, с политической точки зрения, это было чрезвычайно удачным соглашением для двух сторон. С одной стороны, Акт о Британской Северной Америке 1867 г. позволял провинциям Онтарио, Квебек, Новой Шотландии и Нью-Брансуику объединиться в единое государство. Это было принципиально важным в свете возможной аннексии канадских территорий со стороны США, а также с точки зрения экономического развития самих провинций. Кроме того, франкоязычная провинция Квебек получила статус «государства в государстве», и, по сути дела, создавалась двунациональная государственная конструкция Канады, которая, во многом, и формирует одну из важнейших особенностей канадской цивилизации. С другой стороны, созданное государство в форме доминиона находилось под прямым контролем британских властей, которые, тем самым, сохранили свое геополитическое влияние в Северной Америке. Важной сферой его распространения оставалась внешнеполитическая сфера, поскольку доминион Канада был обязан участвовать во всех войнах, ведущихся Британской колониальной империей, тем самым подчеркивая принципы имперской солидарности. Это, безусловно, очень устраивало британский истеблишмент, который активно этим пользовался и требовал от Канады военной поддержки во всех крупнейших международных конфликтах. В частности, 5 августа 1914 г. Канада вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты, а 10 сентября 1939 г. Канада объявила войну нацистской Германии, тем самым принимая участие во Второй мировой войне на стороне антигитлеровской коалиции.

В-третьих, после принятия Вестминстерского статута 1931 г. и Акта о Конституции 1982 г. британское политическое влияние на канадскую цивилизацию стало ослабевать. Тем не менее, даже после этого Канада по-прежнему управляется генерал-губернатором, который представляет на территории этого государства английского монарха. Кроме того, Канада входит в Содружество наций, главой которого является Елизавета Вторая. Таким образом, английское политическое и культурное влияние, по сути дела, и по сей день остается немаловажным фактором, который оказывает воздействие на канадскую цивилизацию.

Существующие связи канадской цивилизации с США представляют собой весьма комплексное явление, поскольку они характеризуются как военно-политическим, так и экономическим сотрудничеством. Особенно они усилились с середины XX в., в период распада Британской колониальной империи, когда последняя уже не могла играть столь важную роль в жизнедеятельности канадцев, как это было ранее. В 1949 г. Канада вступила в военный альянс НАТО, где ведущую роль играли США, а в 1958 г. вместе с ними сформировала систему противовоздушной обороны НОРАД. Прочные

военно-политические связи Канады с США были дополнены во второй половине XX в. и первой четверти XXI в. рядом торговых соглашений, которые, по сути дела, сформировали единое экономическое пространство двух государств, основанное на свободной торговле. В частности, с 1 января 1989 г. стало действовать соглашение ФТА между Канадой и США. Далее североамериканская интеграция была продолжена, поскольку с 1 января 1994 г. вошло в силу НАФТА, подписанное ранее между США, Канадой и Мексикой [15. С. 1–2]. С 2020 г. вошло в силу соглашение ЮСМКА, подписанное ранее в 2018–2019 гг. между тремя государствами [16. С. 1–5]. Не менее значимым для канадской цивилизации являются и ее политические, торгово-экономические и культурные связи с Францией. Помимо вышесказанного о франко-канадском вопросе стоит упомянуть парадипломатию Квебека и участие представителей Квебека в саммитах Франкофонии. После тихой революции в Квебеке и прихода к власти Квебекской партии во главе с Р. Левеком в 1976 г. федеральное правительство оказалось перед сложной дилеммой: либо ожидать референдума о суверенитете провинции, либо пойти ей на определенные уступки. Это было осуществлено в период нахождения у власти в Канаде Прогрессивно-консервативной партии во главе с Б. Малруни, который склонился к уступкам Квебеку, и разрешил последнему самостоятельно, а не в рамках канадской федерации, участвовать в саммитах Франкофонии. В частности, в 1986 г. на первом саммите во Франции, помимо Канады, приняла участие и непосредственно провинция Квебек. На втором саммите в 1987 г., проведенном уже в Квебеке, франкоязычная делегация играла весьма внушительную роль. Далее традиция участия Квебека в саммитах Франкофонии была продолжена, и остается до сих пор средством защиты интересов франкоязычной провинции на международной арене. Феномен парадипломатии, т.е. самостоятельных внешних связей Квебека с другими государствами, характеризует политику франкоязычной провинции. Они были установлены в ходе визита премьер-министра Квебека Р. Бурассы во Францию, Бельгию, Великобританию, ФРГ и Италию еще в 1971–1972 г. В дальнейшем они были усилены и продолжены. Проблематика парадипломатии Квебека была раскрыта в работах известного ученого Ю.Г. Акимова [17. С. 143–165].

Третьей важнейшей особенностью канадской цивилизации является ее северность, что неоднократно было подчеркнуто в современной историографии. Природно-климатический фактор оказал значительное влияние на ментальность франко-канадцев и англо-канадцев, формируя национальную самобытность их цивилизации. Северность Канады придавала ей ряд преимуществ, которые выгодно выделяли ее среди других, и формировали, тем самым, ее неповторимую идентичность и уникальную культуру. В частности, канадский политический истеблишмент, еще в первой половине XIX в. исходя из идей эпохи Просвещения, считал, что феномен северности способствует стремлению канадских граждан к политической свободе, демократическому мышлению. Северность Канады очень часто отождествляется с ее арктической политикой. Причем, необходимо отметить, что, если политика Канады в области освоения Арктики при премьер-министре Ж. Кретьене (1993–2003 гг.) преследовала не

только чисто внутривосточные цели, но и была направлена на поиск компромисса и сотрудничества с другими арктическими державами, и, прежде всего с Российской Федерацией, то правительство С. Харпера (2006–2015 гг.), наоборот, вступило в жесткую геополитическую конкуренцию с последней по данной проблематике. С феноменом северности тесно связана уникальная культура аборигенных народов Канады, которые формируют ее национальную идентичность.

Четвертой особенностью, оказывающей влияние на существование канадской цивилизации, является наличие в стране крупной украинской диаспоры, которая оказывает значительное влияние на решения канадского руководства в области внешней политики. Во многом этим и объясняется курс антироссийских санкций, наложенный Канадой с 2014 г. Эта особенность в значительной степени раскрыта в современной канадоведческой научной литературе, в частности, в работах Т.Р. Кузьминой [18].

Заключение

Таким образом, подводя итоги, следует сказать, что канадская цивилизация представляет собой особенную социокультурную общность, отличающуюся рядом признаков. К ним, прежде всего, необходимо отнести длительное существование англо-канадской и франко-канадской наций. Этот фактор постоянно оказывает влияние на партийно-политическую систему как Канады, так и Квебека. Несмотря на то, что, начиная с 2014 г. Квебекская партия не находится у власти во франкоязычной провинции, ее роль остается, безусловно, важной в политике Квебека [19]. Кроме того, масштабное влияние политических традиций Великобритании, США и Франции на формирование канадской государственности, северность страны и т.д. – все это определяет ключевые особенности канадской цивилизации. В отличие от традиционной англосаксонской цивилизации в канадской значительную роль играет романский фактор, т.е. наличие франко-канадской общности. Именно поэтому, проведя научное исследование, необходимо отметить, что канадская цивилизация представляет собой самобытный исторический феномен.

Библиографический список

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48.
2. Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York: Academic Press, 1976.
3. Найдьш В.М., Найдьш О.В. Цивилизация и рациональность. Очерки по философии мифологии. М.: РУСАЙНС, 2020.
4. Тишков В.А. К истории возникновения франкоканадского национального вопроса // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 76–90.
5. Шило В.Е. Периодизация американского федерализма // США – Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 1. С. 61–77.
6. Saywell J. Canada. Pathways to the Present. Toronto: Stoddart Publishing Co. Limited, 1994.

7. *Pammett J.H., Dornan C.* The Canadian Federal Election of 2019. Montreal, London, Chicago: McGill – Queen’s University Press, 2020.
8. *Frizzell A., Pammett J.H., Westell A.* The Canadian General Election of 1993. Ottawa: Carleton University Press, 1994.
9. *Коленеко В.А.* Французская Канада в прошлом и настоящем: очерки истории Квебека XVII–XX века. М.: Наука, 2006.
10. *Bernard A.* The Bloc Quebecois // The Canadian General Election of 1997 / Ed. by A. Frizzell and J.H. Pammett. Toronto: Dundurn Press, 1997.
11. *Gagnon A.-G., Herivault J.* The Bloc Quebecois: The Dynamics of a Distinct // The Canadian General Election of 2004 / Ed. by J.H. Pammett and C. Dornan. Toronto: Dundurn Press, 2004.
12. *Belanger E., Nadeau R.* The Bloc Quebecois: Capsized by the Orange Wave // The Canadian General Election of 2011 / Ed. by J.H. Pammett and C. Dornan. Toronto: Dundurn Press, 2011.
13. *Montigny E.* The Battle for Quebec // The Canadian Federal Election of 2019 / Ed. by J.H. Pammett and C. Dornan. London, Chicago: McGill-Queen’s University Press, 2019.
14. *Маклаков В.В.* Конституции зарубежных государств. 2-е изд., исправл. и доп. М.: БЕК, 1999.
15. Canada – United States Free Trade Agreement // WorldTradeLaw.net. URL: <https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=nafta/Cusfta.pdf> [Accessed 29.11.2021].
16. United States – Mexico-Canada agreement. URL: <https://www.usmca.com> (дата обращения: 29.11.2021).
17. *Акимов Ю.Г.* Развитие квебекской парадипломатии во второй половине 1980-х–начале 1990-х гг. // Канадский ежегодник. 2017. Вып. 21. С. 140.
18. *Кузьмина Т.Р.* Роль национальных диаспор в политической жизни современной Канады на примере украинской диаспоры // Россия и Америка в XXI веке. 2019. Выпуск 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207054760004696-2-1/> (дата обращения: 07.11.2021).
19. Deuxième débat de la course à la direction du Parti Québécois / Parti Québécois. URL: <https://pq.org/videos/troisieme-debat-de-la-course-a-la-direction-du-parti-quebecois> (дата обращения: 13.12.2021).

References

1. Hantington S. Stolknovenie civilizacii [A Clash of Civilizations]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1994;(1):33–48. (In Russ.).
2. Wallerstein I. *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York: Academic Press; 1976.
3. Naidysh VM., Naidysh OV. *Civilizaciya i racionalnost. Oчерki po filosofii mifologii* [Civilization and Rationality. Essays on the History of Mythology]. Moscow: Rusains; 2020. (In Russ.).
4. Tishkov VA. К истории возникновения франкоканадского национального вопроса [On the History of the French-Canadian national question]. *Voprosi istorii*. 1974;(1):46–90. (In Russ.).
5. Shealo VE. Periodizaciya amerikanskogo federalizma [Periodization of American federalism]. *SSHА –Kanada: ekonomika_ politika_ kultura*. 2002;(1):61–77. (In Russ.).
6. Saywell J. *Canada. Pathways to the Present*. Toronto: Stoddart Publishing Co. Limited; 1994.
7. Pammett JH., Dornan C. *The Canadian Federal Election of 2019*. Montreal, London, Chicago: McGill – Queen’s University Press; 2020.
8. Frizzell A., Pammett JH., Westell A. *The Canadian General Election of 1993*. Ottawa: Carleton University Press; 1994.

9. Koleneko VA. *Francuzskaya Kanada v proshlom i nastoyaschem: ocherki istorii Kvebeka XVII–XX veka*. [French Canada in the Past and Present: Essays on the history of Quebec of the XVII–XX century]. Moscow: Nauka; 2006. (In Russ.).
10. Bernard A. *The Bloc Québécois*. In: *The Canadian General Election of 1997*. Ed. by A. Frizzell and J.H. Pammett. Toronto: Dundurn Press; 1997.
11. Gagnon A.-G., Herivault J. *The Bloc Québécois: The Dynamics of a Distinct*. *The Canadian General Election of 2004*. Ed. by J.H. Pammett and C. Dornan. Toronto: Dundurn Press; 2004.
12. Belanger E., Nadeau R. *The Bloc Québécois: Capsized by the Orange Wave*. *The Canadian General Election of 2011*. Ed. by J.H. Pammett and C. Dornan. Toronto: Dundurn Press; 2011.
13. Montigny E. *The Battle for Quebec*. *The Canadian Federal Election of 2019*. Ed. by J.H. Pammett and C. Dornan. London, Chicago: McGill-Queen's University Press, 2019.
14. Maklakov VV. *Konstitucii zarubejnih gosudarstv*. [Constitutions of the Foreign States]. Moscow; 1999. (In Russ.).
15. *Canada – United States Free Trade Agreement*. WorldTradeLaw.net. Available from: <https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=nafta/Cusfta.pdf> [Accessed: 29.11.2021].
16. *United States – Mexico-Canada agreement*. Available from: <https://www.usmca.com> [Accessed: 29.11.2021].
17. Akimov YuG. *Razvitie kvebeksnoi paradiplomatii vo vtoroi polovine 1980-h–nachale 1990-h gg*. [Quebec Paradiplomacy in late 1980–early 1990s]. *Kanadskii ejegodnik*. 2017;(21):140–163. (In Russ.).
18. Kuzmina TR. *Rol nacionalnih diaspor v politicheskoi jizni so_vremennoi Kanadi na primere ukrainskoi diaspori* [The role of national diasporas in the political life of modern Canada on the example of the Ukrainian Diaspor.] *Rossiya i Amerika v XXI veke*. 2019. V. 1. (In Russ.). Available from: <https://arxiv.gaugn.ru/s207054760004696-2-1> [Accessed: 07.11.2021]
19. *Deuxième débat de la course à la direction du Parti Québécois*. *Parti Québécois*. Available from: <https://pq.org/videos/troisieme-debat-de-la-course-a-la-direction-du-parti-quebecois> [Accessed: 13.12.2021]

Информация об авторе:

Комаров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ИАИ, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Миусская площадь, e-mail: ruslan10@inbox.ru. eLibrary SPIN-код: 2900-1319, AuthorID: 613577.

Information about the author:

Komarov Andrey Nikolaevich – Dr. in History, Professor, Russian State University for the Humanities, e-mail: ruslan10@inbox.ru. eLibrary SPIN-код: 2900-1319, AuthorID: 613577.

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-144-157

Научная статья / Research article

«Золотой треугольник сепаратизма» – проблемы релевантного взаимодействия стран региона

С.А. Михайлов

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
✉ wetter248@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа ситуации в Северо-Восточной Индии (СВИ) и всем регионе в контексте существующего и потенциального взаимодействия стран Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии по решению острой проблемы местного сепаратизма и терроризма. Автор констатирует, что даже поверхностное рассмотрение ситуации свидетельствует о весьма противоречивых подходах и действиях разных стран в данной области. Актуальность исследования заключается в изучении возможностей практического использования потенциала сотрудничества стран региона (на примерах позитивного взаимодействия Индии с некоторыми соседями) для выбора оптимальных путей решения проблемы сепаратизма и терроризма.

Ключевые слова: Северо-Восточная Индия, Южная Азия, Юго-Восточная Азия, Восточная Азия, взаимодействие и сотрудничество, противоречия и противостояние, пограничные силы безопасности, этнический сепаратизм, национализм, терроризм

История статьи: Поступила в редакцию: 26.08.2021. Принята к публикации: 16.11.2021.

Для цитирования: Михайлов С.А. «Золотой треугольник сепаратизма»: проблемы релевантного взаимодействия стран региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 144–157. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-144-157>

“Golden triangle of separatism” – problems of the relevant cooperation of countries of the region

Sergey A. Mikhailov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, Russia, 117198
✉ wetter248@mail.ru

Abstract. This article attempts to analyze the situation in North-East India (NER) and the entire region in the light of existing and potential interaction between countries of South, South East and East Asia for solving the serious problem of the local separatism and terrorism. The author

© Михайлов С.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

states that even a superficial glance at the situation demonstrates a very contradictory approaches and actions of the different countries in this field. The relevance of the research implies the possibilities of practical application of the potential of cooperation between countries of this region (using examples of the positive interaction between India and some of its neighbors) to choose the best ways to solve the problem of separatism and terrorism.

Keywords: North-East India, South Asia, Southeast Asia, East Asia, interaction and cooperation, contradictions and confrontations, border security operations, ethnic separatism, nationalism, terrorism

Article history: Received: 26.08.2021. Accepted: 16.11.2021

For citation: Mikhailov SA. “Golden triangle of separatism” – problems of the relevant cooperation of countries of the region. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(2):144–157. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-144-157>

Введение

Северо-Восточная Индия (СВИ) – уникальный регион с точки зрения его географического положения, а именно нахождения на стыке сразу трех крупных регионов Евразии – Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. Этот регион можно назвать «Золотым треугольником сепаратизма» (куда относятся, в частности, Индия, Китай и Бангладеш – страны с большим потенциалом). Нестабильная ситуация на границах СВИ и стран Южной Азии (Бангладеш, Бутан), Юго-Восточной Азии (Мьянма) и Восточной Азии (Китай), подогреваемая многочисленными сепаратистскими движениями, оказывает негативное влияние на геополитическую ситуацию в этом регионе в целом. Все это подтверждает и ярко иллюстрирует известную концепцию С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» (этнические, религиозные и иные разногласия, довольно характерные для данного пестрого региона).

Несмотря на то, что народы региона имеют тысячелетнюю историю совместного проживания и довольно высокий уровень культурного взаимодействия, зачастую взаимоотношения между ними складываются по принципу «каждый сам за себя», когда преследуются и ставятся во главу угла зачастую местечковые, порой эгоистические интересы. История местных взаимоотношений ярко демонстрирует нам, насколько трудно находить точки соприкосновения тогда, когда реальное эффективное взаимодействие способно снять напряжение и решить многочисленные проблемы, в том числе нивелировать сепаратистские настроения жителей региона. Складывается устойчивое ощущение, что ситуация здесь по-прежнему взрывоопасна и напоминает своеобразную «пороховую бочку», способную вызвать серьезный геополитический конфликт (последний крупный инцидент 2020-го года между Индией и КНР это лишь подтверждает).

Исследование проблемы

Индийский политолог Брахма Челани видит корень проблемы в том, что многочисленные радикальные сепаратистские группировки региона используются в конъюнктурных военно-политических целях Китая, Бангладеш,

а также Пакистана, не имеющего прямых границ с СВИ. По данным индийской разведки, представители пакистанской ISI (Inter-Services Intelligence) и других соответствующих служб соседей Индии продолжают поддерживать антиправительственные группировки в регионе [1].

Для подобных организаций и деятелей фундаментальные принципы борьбы с явлением, разрушающим устои государственности – «никаких переговоров с террористами» и «консолидация общих усилий» – остаются не более чем декларациями. По мнению индийских разведслужб, КНР, Пакистан и (возможно) Бангладеш осуществляют контакты с сепаратистами СВИ, и такие связи так или иначе провоцируют радикальные группировки на продолжение подрывной деятельности. Закулисное, а в некоторых случаях и прямое поощрение создает благоприятный фон для роста наркотрафика, потока оружия, нелегальных мигрантов, часто пополняющих ряды террористических движений. Все это дестабилизирует регион, включая индийский Северо-Восток, Мьянму, тем самым подрывая возможности экономической и политической стабилизации [2].

Угроза вооруженных инцидентов подрывает довольно хрупкий социально-экономический баланс, влечет за собой снижение туристической привлекательности региона, обрекая его жителей на нищету и отсутствие перспектив, пополняя тем самым ряды радикальных группировок. Разумеется, на высоком правительственном уровне ни одно из государств мира (в том числе Саудовская Аравия и Пакистан) никогда не признают поддержку террористических сепаратистских движений. Но официальные декларации мало согласуются с конкретными действиями различных (в том числе неправительственных) организаций и «компетентных служб» [3].

Современное положение дел в регионе по-прежнему остается стабильно напряженным. Пограничные конфликты происходят с завидной регулярностью. Недавний июльский взаимообмен ракетными ударами между пограничниками Индии и КНР вписывается в общую концепцию непростых взаимоотношений между соседями.

В этой связи анализ взаимоотношений Индии с Бангладеш, Мьянмой, КНР и другими странами позволяет пролить свет на проблемы поиска оптимального консолидированного регионального взаимодействия. Очевидно, что общая (в декларациях и на словах) заинтересованность зачастую разбивается на множество межгосударственных конфликтов, разногласий и противоречий, связанных с обоюдными претензиями различного характера. Тем не менее, в последнее десятилетие страны пытаются, по крайней мере, по возможности, синхронизировать борьбу с сепаратистами по обе стороны границы.

Взаимодействие Индии, НРБ и Мьянмы в борьбе с сепаратизмом

Бангладеш – непосредственный сосед Индии, и после прихода к власти в стране правительства «Авами Лиг» и Шейх Хасины Вазед (2009) страна довольно активно взаимодействовала с Нью-Дели в вопросе борьбы с терроризмом и сепаратизмом. Как жест доброй воли можно оценить выдачу Индии

лидеров радикальных группировок СВИ (ОФОА / Объединенный фронт освобождения Ассама; НССН-К / Национальный социалистический совет Нага-ленда, Кхапланг; НДФБ / Национальный демократический фронт Бодоленда и ряд других) еще в 2009–2015 годах [4].

Совместные операции пограничных сил безопасности двух стран по разгрому баз и лагерей сепаратистов как на территории НРБ (Народная республика Бангладеш), так и СВИ, заметно снизили уровень напряженности на границе. Нынешняя ситуация разительным образом отличается от той, что была еще в конце первого десятилетия XXI века. Однако все не так однозначно, как может показаться на первый взгляд.

Проблема в том, что Дакка не способна (даже с учетом желания Хасины Вазед) наладить однозначно конструктивные отношения с Дели, поскольку контролировать трафик наркотиков, оружия и нелегальной миграции, проникающим на территорию Индии, НРБ не может. Разгром же баз боевиков СВИ на территории НРБ является лишь одним из условий совместного диалога. Коррупционность чиновников и других заинтересованных лиц НРБ не поддается контролю, даже несмотря на угрозу жесткого наказания. Рэкет и преступные доходы – источник их обогащения. Следствием этого является увеличение трафика в Индию наркотиков и контрабанды с вытекающими негативными последствиями.

Взаимоотношения двух стран существенно осложнились после начала кризиса беженцев рохинджа и Ракхайнской войны (с 2017-го года) в Мьянме. Подход Нью-Дели и Дакки к ситуации с исламскими беженцами с этих территорий значительно отличается – для первых это потенциальные радикалы и террористы, нелегально пересекающие индийско-бангладешскую границу в районе СВИ. Для вторых – это пострадавшие единоверцы, бенгальцы-мусульмане, насильно вывезенные колониальными властями Англии после 1930–1940-х годов в Аракан (Бирма) [1].

Индия занимает в этом вопросе жесткую позицию и не поддерживает требования НРБ осудить геноцид против рохинджа, что вызывает, по меньшей мере, раздражение со стороны Бангладеш. Нью-Дели выражает беспокойство по поводу участвовавших случаев геноцида индуистов как в Ракхайне (Мьянма), так и на территории НРБ. Подобные явления зафиксированы индийскими экспертами и международными организациями (в частности, Amnesty International). В Мьянме проживает около 250 тысяч индусов (0,5% населения), в штате Аракан их численность оценивается примерно в 10 тысяч человек. В то же время здесь проживает 1 млн рохинджа (из 3 млн населения) [5].

В таких условиях взаимоотношения двух стран сталкиваются с целым рядом взаимных разногласий, мешая конструктивному диалогу, вне зависимости от хороших личных отношений Нарендры Моди и Хасины Вазед. Позиция НРБ, ее сил безопасности и разведки в этой ситуации остается своеобразной и неоднозначной, что в какой-то мере объясняется отсутствием прагматических экономических и инвестиционных интересов страны в Ракхайне. Защита же мусульман рохинджа – политический вопрос и личная заинтересованность для них [2].

Индийские и бирманские эксперты считают, что кампания агрессивного геноцида индустов, совершаемая в основном боевиками АСРА (Армия спасения рохинджа Аракана), ведется при негласной финансовой и моральной поддержке КНР, Пакистана и (возможно) Бангладеш. Заподозрить последних в желании подорвать региональную стабильность было бы смелым утверждением. Более понятным было бы желание минимизировать последствия укрепления двусторонних отношений Индии и Мьянмы, которые в последнее время выходят на новый этап развития [5].

В этой связи нельзя забывать про принцип «ищи, кому выгодно», который никто не отменял. Так что вполне понятен и объясним масштаб пропагандистской кампании сепаратистов АА (Армия Аракана) и АСРА, развивающих атмосферу «черного пиара» против бирманской армии, обвиняемой в геноциде рохинджа Аракана (хотя нельзя отрицать, что Нейпидо (нынешняя столица Мьянмы) порой ведет себя очень жестко) [2].

История знает множество примеров, когда малые страны являлись спусковым крючком для разжигания крупных региональных и даже мировых войн. В таких случаях подрывалась хрупкая конструкция систем мировой безопасности, нарушая политический баланс на целых континентах. Все углубляющаяся сейчас Ракхайнская война в Мьянме может быть угрозой не только непосредственно Мьянме, но и Индии с Бангладеш.

Сепаратизм в этом регионе – своеобразная система сообщающихся сосудов. Действия радикалов из АА и союзных ей группировок приносят нестабильность на границах как минимум трех стран. Радикальные организации СВИ и НРБ имеют взаимодействие с араканскими сепаратистами (в частности, АА имеет базы на территории Мизорама). Это не позволяет стабилизировать ситуацию в приграничных штатах Индии (Ассам, Манипур, Мизорам и Нагаленд) и Мьянмы (Ракхайн, Качин, Шан). Безнаказанные и кровавые действия радикалов создают серьезные препятствия для развития экономического сектора, отпугивают инвесторов, не готовых вкладывать средства в политически нестабильные регионы [2].

Казалось бы, для соседних стран пришло время объединить усилия в рамках совместной борьбы с угрозой ракхайнского сепаратизма и терроризма (включая действия мусульманских радикалов из АСРА), поскольку существует объективная общая заинтересованность в деэскалации ситуации. Однако на практике лишь Индия с Мьянмой действительно интенсифицировали пограничное сотрудничество в 2017–2020-х годах, проведя ряд военных операций, направленных на уничтожение баз сепаратистов.

Опыт прошлого показывает, что отсутствие эффективного и жесткого пограничного контроля, еще со времен получения Индией (1947) и Бирмой (1948) независимости от Великобритании, позволило расцвести пышным цветом торговле оружием, наркотиками, контрабандой, людьми и так далее. Такая ситуация вынуждала индийские силы пограничной безопасности в течение многих десятилетий совершать операции на территории Бирмы с целью уничтожения и поимки сепаратистов и террористов из Ассама, Манипура, Мизорама и Нагаленда. Безусловно, это вызывало недовольство властей в Янгоне, что ставило под удар взаимные контакты [6].

Отношения Индии и Бирмы/Мьянмы в вопросах борьбы с сепаратистами и пограничной безопасности развиваются уже более 30 лет, начиная с 1990-х годов, когда Индия в рамках политики East Policy (премьер-министры Нарасимха Рао и Атал Бихари Ваджапаи) стала проводить многовекторную политику в отношении соседних государств. Первой «ласточкой» в деле объединения усилий военных стала совместная операция «Золотая птица» (Golden Bird) по разгрому лагерей боевиков СВИ в 1995 году. В августе 2000-го года в Янгоне состоялась встреча глав МИД обеих стран, в ходе которой, в частности, были подписаны соглашения, касающиеся ужесточения контроля границы. В 2004-м году в ходе визита в Нью-Дели бирманского правителя – генерала Тан Шве (1992–2011) – также было подписано релевантное соглашение, в рамках реализации которого в январе 2006-го года состоялась совместная военная операция против сепаратистов СВИ на территории Мьянмы [7].

Несмотря на все усилия и частичное снижение активности сепаратистских группировок СВИ, положение дел остается достаточно нестабильным. Нахождение на территориях Бирмы баз и лагерей сепаратистов из этого региона во многом нивелирует предпринимаемые Индией усилия по стабилизации ситуации [5].

Окончание длительной Гражданской войны в Бирме (2012) и приход к власти в Индии правительства Нарендры Моди (2014) способствовали выходу отношений двух стран на новый уровень. В 2014-м году был подписан Меморандум о взаимопонимании в сфере пограничного сотрудничества (обмен информацией о вооруженных инцидентах, торговле оружием, наркотиками, людьми и животными). С 2013-го года проводится совместное патрулирование пограничных районов, включая и контроль протяженной морской границы стран. В 2018-м году в Мегхалае были проведены совместные военные учения IMBAX (India-Myanmar Bilateral Army Exercise) [8].

Выводя отношения на новый уровень, в июле 2019-го года Дели и Нейпидо подписали еще один Меморандум о взаимопонимании в области оборонного сотрудничества. По соглашению Индия увеличивает поставки оружия, дистанционных средств контроля пограничных зон, а также направляет своих военных советников для подготовки и переобучения бирманской армии. Последний момент крайне важен для Мьянмы, поскольку после эскалации конфликта с беженцами рохинджа в 2017-м году Великобритания отказалась участвовать в переподготовке бирманских военных. Начиная с июня 2015 года две страны провели целый ряд военных операций по разгрому лагерей и баз НССН-К, ОФОА-И, АА, АСРА и других активных вооруженных сепаратистских группировок [8].

Северо-Западная Мьянма – это настоящая головная боль бирманских и индийских сил безопасности. Слабость пограничного контроля, мобильность, новейшее (как правило, китайское) оружие, транзитом поступающее через штаты Ва и Шан, использование цифровых технологий, – все это позволяет АА установить практически тотальный контроль над Ракхайном [2].

Сепаратистские группировки Мьянмы (штаты Аракан, Качин, Ва и Шан) контролируют растущий поток наркотрафика, уступающего по обороту только афганскому, который проникает в Бангладеш (через Читтагонг) и в СВИ

(Чампхай, штат Мизорам). Возможности государства контролировать его ограничены, поскольку наркомафия имеет здесь мощное лобби, а для многих жителей региона наркотрафик – единственный способ выжить [9].

Следует признать успешным сотрудничество в январе 2019-го года, когда бирманские пограничники провели операции в пограничных с СВИ районах, арестовав лидеров ОФОА-Н («Объединенный фронт освобождения Ассама – Независимый»), НАОМ («Народная армия освобождения Манипура»), НРПК («Народная революционная партия Канглейпак»), КЯКЛ («Канглей Явол Канна Луп»). Операция по захвату штаб-квартиры НССН-К в районе Сагаинг стала крупным успехом бирманских сил безопасности. Безусловно, Индия приветствует подобные решительные шаги Мьянмы, поскольку сепаратисты Нагаленда продолжают представлять серьезную угрозу безопасности в СВИ (даже несмотря на подписанное НССН-К мирное соглашение с Нью-Дели в 2015 году) [10].

Однако нельзя сказать, что отношения двух стран в данной области безоблачны. Поиск консенсуса Индии и Мьянмы в отношении сепаратизма в СВИ и Ракхайнской войны затрудняется взаимными претензиями в недостаточной бескомпромиссности по отношению к базам радикалов. В лагерях АА в индийском штате Мизорам имеют возможность скрываться боевики с территорий Мьянмы. В бирманской прессе упоминается и лагерь АА в Палетве, штат Чин, вблизи индийской границы [11].

Одна из важнейших задач двух стран в настоящее время – блокировка переходов рохинджа через индо-бирманскую границу и недопущение их взаимодействия с сепаратистами СВИ [1].

Следует отметить, что целью совместных действий двух стран является пресечение связей между общающимися сепаратистскими группировками Мьянмы («Армия Аракана», «Армия независимости Качина», «Армия спасения рохинджа Аракана») и Индии («Национальный социалистический совет Нагаленда», «Объединенный фронт освобождения Ассама», «Организация освобождения Каматапура» и другие), представляющие серьезную террористическую угрозу для региона.

Тем более удивительной является реакция на сотрудничество двух стран в оборонной и пограничной области со стороны соседей – Китая, Пакистана и Бангладеш. По мнению индийских и бирманских экспертов, соседние государства, а точнее, определенные силы в них, не заинтересованы в урегулировании проблем сепаратизма ни в СВИ, ни в регионе в целом. Звучат серьезные обвинения в адрес Пекина, Исламабада и Дакки об их желании контролировать потоки оружия, наркотиков и нелегальных мигрантов, а, значит, и извлекать из этого прибыль [5].

Проблемы взаимоотношений Индии и Китая в контексте ситуации в регионе

Противостояние двух гигантов (КНР и Индии) представляет собой серьезную опасность для региона. Участвовавшие инциденты и обострение застарелых проблем могут стать не только проблемой Южной и Восточной Азии.

Ядерный потенциал обеих стран – довольно опасный инструмент, особенно в условиях обострения противостояния. В этой связи важным является то, что решение проблем трансграничного сепаратизма и терроризма на огромном протяжении границ двух держав находится под вопросом. Идет процесс развития конфликта – достаточно вспомнить недавние (2020) пограничные столкновения в Ладакхе (Джамму и Кашмир).

Индию настораживает стремительная экономическая региональная экспансия Китая, проявляющаяся, в частности, в реализации проекта «Мьянманский коридор», что, по мнению индийских экспертов, способно обеспечить КНР доступ к бирманским портам в Бенгальском заливе с последующим выходом в Индийский океан. Такая перспектива, безусловно, расходится с интересами Индии и, судя по событиям последних месяцев, только обостряет взаимные претензии, которые доходят вплоть до военных действий, пусть и локального характера [12].

В свою очередь, в качестве противовеса Индия декларирует на территории Мьянмы и СВИ программу строительства мультимодального транзитного маршрута «Каладан» между штатом Мизорам в СВИ и бирманским портом Ситве (штат Ракхайн). И только напряженная ситуация в Ракхайне препятствует исполнению этих планов, подстегивая правительство Индии на более решительные меры противодействия сепаратистам.

В средствах массовой информации Индии сейчас активно обсуждается возможность более активного участия войск в борьбе с ракхайнскими сепаратистами, в открытую бросившими вызов Нью-Дели (что проявляется в помехах реализации его инвестиционных проектов в Мьянме, в том числе и в отношении транспортного проекта «Манипур – Мьянма – Таиланд»). Перед Индией стоит серьезная дилемма – с одной стороны, на карту поставлены серьезные экономические задачи (реализация проекта «Каладан» оценивается в 500 млн долларов) и социальные интересы СВИ, территориально затрагивающие значительный регион с многомиллионным населением. С другой стороны – Ракхайнская война, обострившаяся за последние годы до критического уровня. Договариваться с террористами «Армии Аракана» Нью-Дели не будет, эта позиция совпадает с российским подходом, диаметрально отличаясь от китайской. Таким образом, гарантом воплощения индийских проектов в Мьянме может стать ее прямое или косвенное военное вмешательство с целью подавления ракхайнского сепаратизма, поскольку деятельность местных сепаратистских группировок воспринимается Индией как вызов, бросающий тень на престиж страны [2].

Ситуация в регионе осложняется тем, что неудачи регулярных бирманских войск в борьбе с террористами связаны с негибкой и, пожалуй, бесперспективной правительственной тактикой, тогда как лагеря и базы АА как на территории СВИ, так и самой Мьянмы, чрезвычайно мобильны. Представители бирманских войск признают, что прежняя тактика борьбы с сепаратистами (окружение и последующая «зачистка» районов, занятых сепаратистами), которая способствовала окончанию Гражданской войны в стране (1948–2012), сегодня уже не работает. Возможно, необходима поддержка

международных организаций, поскольку правительственные силы не в состоянии справиться с АА и рядом других группировок. В этой связи возлагаются серьезные надежды на Индию и Россию, которые, к слову, весьма осторожно высказывали свою позицию в отношении конфликта с рохинджа (в отличие от большинства стран Запада, осудивших бирманские ВС за «неоправданную агрессию» против этого народа) [2].

Границы КНР с Индией и Бутаном до сих пор не демаркированы, что повышает взаимный конфликтотенный потенциал. Многие в данной ситуации зависят именно от (не)конструктивной позиции Пекина, который (в отличие от Дели) порой, как утверждают источники, использует сепаратистские организации в собственных интересах. Об этом в том числе свидетельствуют и события 1960–1980-х гг. в СВИ [2].

Позиция ряда китайских экспертов в отношении последнего конфликта в Ладакхе заключается в обвинении правительства Н. Модии в сознательном провоцировании пограничных конфликтов (с Пакистаном в 2019-м году, с Китаем – в 2020-м году). Цель этих действий (по их мнению) – отвлечь внимание своих граждан от многочисленных проблем страны (кризис экономики, неоднозначные поправки к «Закону о гражданстве», тяжелая ситуация с COVID-19) [13]. Тем более что традиционный националистический настрой партии БДП, кризисы 1998–1999 года вокруг ядерных испытаний Индии и Пакистана, а затем и Каргильская война, дают основания для подобных подозрений. Тем не менее, считать такую интерпретацию объективной не представляется возможным.

Противоречий для разжигания недовольства достаточно. Исторически КНР не признает установленную еще во времена Британской Индии «линию Макмагона» и потому называет индийский штат Аруначал-Прадеш «Южным Тибетом» и не выдает китайские визы его жителям. Ситуация вокруг этой пограничной территории периодически обостряется, стороны с завидной регулярностью заявляют друг другу протесты в связи с «недружественными действиями». Для Нью-Дели же явной проблемой остается активность части сепаратистских группировок в беспокойных штатах СВИ (Манипур, Ассам и Нагаленд), переместившихся сейчас на территорию Аруначал-Прадеш [14]. Опасения Индии связаны с тем, что позиция «агрессивного непризнания» этой области со стороны Пекина может подтолкнуть к использованию местных сепаратистов уже на всей территории СВИ. Активные работы КНР в приграничных районах по строительству объектов военной, транспортной инфраструктуры в Тибете, в южнокитайской провинции Юньнань, провоцируют пограничные столкновения, опасные возможностью открытых военных действий. Индия испытывает серьезные опасения за узкий стратегический «коридор Шилигури», возможный захват которого Китаем отрезает СВИ от остальной территории Индии.

Безусловно, и у Китая существует масса претензий к руководству Индии. Пекин, в частности, недоволен реализацией военных, строительных и инфраструктурных проектов в Аруначал-Прадеш, что способно (по мнению китайцев) закрепить «оккупацию Южного Тибета». В отношении Сиккима

(укрепление «коридора Шилигури») также высказываются схожие претензии, присоединение которого к Индии в 1975 году часть китайского общества до сих пор считают «оккупацией». Ко всему прочему, КНР испытывает опасения возможного использования Индией сепаратистов СВИ, НРБ и Северо-Западной Мьянмы в ходе потенциального противостояния. Как мы видим, совокупность обоюдных претензий имеет очевидную схожесть.

Китайская пресса также не оставляет без внимания укрепляющееся сотрудничество Индии и Японии в реализации проектов развития СВИ (в частности, в Аруначал-Прадеш и Ассаме). Пекин склонен считать, что подобные проекты провоцируют дополнительную дестабилизацию региона, поскольку участие Токио в развитии «спорных территорий» свидетельствует о его деструктивной позиции в индо-китайском конфликте [15].

При этом КНР с сожалением отмечает, что Нью-Дели без всякого энтузиазма воспринял идею реализации проекта «экономического коридора» между Китаем, НРБ, Мьянмой и Индией, целью которого, по мнению Пекина, является контроль ситуации в приграничных районах. Обеспечение их транспортной и иной доступностью может способствовать решению проблем с сепаратизмом. В то же время Индия (не без оснований) полагает, что реализация подобного плана будет способствовать дальнейшей экспансии Китая в Южной Азии и его выходу к Индийскому океану [16].

Приходится констатировать, что конфликтующие стороны ведут довольно агрессивную информационную войну, обвиняя друг друга во всевозможных недружественных действиях. КНР делает упор на то, что территории СВИ были незаконно присоединены к Индии благодаря британскому вмешательству, в то время как эти территории имеют исторические «неразрывные связи» с китайской (ханьской) цивилизацией и культурой. СМИ муссируют тему об изысканиях китайских экспертов, полагающих, что этот регион заслуживает «большей независимости», чем Тибет, СУАР (Синьцзян-Уйгурский автономный регион), Тайвань и Гонконг вместе взятые. Педантируется тема дискриминации и угнетения населения СВИ со стороны остальной Индии, избиений, убийств жителей региона индийскими пограничниками, а также острой взаимной отчужденности [17].

Несомненно, возможности Китая воздействовать на СВИ и, например, крайне чувствительный для Нью-Дели бирманский Аракан гораздо более существенны, нежели потенциал Индии влиять на сепаратистов Тибета. Опасения Нью-Дели имеют большие основания, поскольку (и это признается обеими сторонами) КНР в данном случае изначально находится в более выигрышной геостратегической ситуации [18].

Отдельно следует упомянуть ситуацию с сепаратизмом на индийско-бутанской границе. Она (не в пример многим другим пограничным регионам) довольно стабильная. Об этом косвенно говорит тот факт, что последняя крупномасштабная операция пограничных сил безопасности (Indo-Tibetan Border Police, ИТВР) прошла здесь еще в 2003-м году (Операция «Полная зачистка»). Эффективное пограничное сотрудничество Индии и Бутана в значительной степени обусловлено тем, что страны являются стратегическими

союзниками и не имеют негативного опыта прошлого (как в случае Индии с Мьянмой и НРБ). В качестве примера можно привести совместную программу охраны трансграничной заповедной зоны «Манас», реализация которой направлена на сохранение уникальной местной экосистемы.

Это, однако, не означает отсутствие проблем. Сепаратистские формирования СВИ все еще создают и здесь определенную нестабильность, в частности, они занимаются массовой контрабандой уникального тибетского леса. Радикалы успешно маскируются и скрываются в гористо-лесистой местности, и выследить и обезвредить их является непростой задачей для местных пограничников. В последнее время страны существенно усилили патрулирование и дистанционный контроль над границей [19].

Еще одной существенной проблемой двусторонних отношений является трансграничное использование вод – до сих пор Нью-Дели и Тхимпху не подписали соглашение о разделе водных ресурсов. Этот вопрос очень чувствителен и представляет почву для потенциального конфликта. В качестве примера можно привести недавние события лета 2020 года, когда Бутан перекрыл ирригационные каналы на границе с Ассамом (под предлогом борьбы с распространением пандемии COVID-19), оставив фермеров из приграничных районов без воды. Многочисленные протесты в штате дали повод местным сепаратистам выступить с критикой Нью-Дели (как минимум), что, безусловно, создает атмосферу разобщенности [13].

Но все вышеуказанные проблемы однозначно меркнут по сравнению с «китайской угрозой», поскольку КНР не признает нынешние границы ни с Индией, ни с Бутаном. При этом Пекин настоятельно советует индийцам не вмешиваться в процесс демаркации китайско-бутанской границы (хотя еще по Договору 1949 года Нью-Дели отвечает за сохранение суверенитета Бутана). Конфликт длится десятилетия, и позиции сторон представляются непримиримыми. КНР добивается передачи под ее контроль западной части существующей границы (включая стратегическое плато Доклам и долину Чумби) в обмен на спорный участок северной границы. Тхимпху, в свою очередь, предъявляет права на эти территории – как неотъемлемой части страны (равно как и заповедник дикой природы Сакатенг, расположенный на северо-востоке страны на границе с Аруначал-Прадеш) [20].

При этом Индия не может выступить в качестве «третейского судьи», поскольку преследует собственные геостратегические цели. В случае противостояния Бутана и Китая Пекин может получить прямой выход к стратегическому «коридору Шилигури», а, значит, и возможность оказывать еще большее давление на СВИ и поддержку местным сепаратистам. Считавшийся ранее относительно спокойным (во всяком случае, по сравнению с западным – Кашмиром и Ладакхом) восточный участок «Линии фактического контроля» (Line of Actual Control, LAC) стал точкой конфликта в связи с укреплением Китаем, Индией и Бутаном приграничных участков и строительством дорог на спорной территории. Тогда дистанция пограничников трех стран опасно сократилась до минимума, тем самым спровоцировав летом 2017 года пограничный конфликт вокруг Доклама, едва не

поставивший двух азиатских гигантов на грань полномасштабной (а, значит, с большой вероятностью – ядерной) войны.

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что геополитические проблемы региона (в том числе связанные с сепаратизмом и терроризмом) достаточно серьезны и требуют незамедлительных стратегических решений и доброй воли, политической мудрости, дипломатических усилий. Позиция «ни мира, ни войны» не может стать основой для построения стабильных добрососедских отношений, позволяющих стабильно развиваться политически, экономически, культурно. Следовательно, для стран региона важно обеспечить как двусторонние, так и многосторонние, коллективные гарантии сохранения мира. Сепаратизм – общая проблема, и в противостоянии ей никто не должен оставаться в стороне. Как показывает практика, зачастую сепаратисты (в том числе и данного региона) гораздо более договороспособны и консолидированы, нежели государственные деятели. Это, безусловно, представляет серьезную опасность для региональной безопасности (в целом) и для единства отдельных государств (в частности). Самым важным в этой связи представляется постепенный приход двух ключевых центров (Нью-Дели и Пекина) к схожим, совместимым позициям в отношении сепаратизма. Если это когда-нибудь будет достигнуто, то подобная синергия не должна оставить радикалам СВИ, Мьянмы, Бангладеш и самого Китая надежды на сохранение даже небольшой возможности своей разрушительной деятельности.

Библиографический список

1. Sharanarathi nahin, avoudh pravasi hen rohingya (Brahma Chelani, Bhupendra Singh) // Dainik Jagran. 2017 Oct 6.
2. «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод // Федеральное агентство новостей. 2020, 29 июня.
3. Андрей Серенко. Пакистанские спецслужбы пытаются руками джихадистов взорвать Кашмир // Независимая газета. 2020, 7 мая.
4. Rajiv Bhattacharya. Why has China given shelter to a rebel leader from India's Northeast? // The Diplomat. 2020, Feb 26.
5. Bharat – Myanmar sambandhon ke khilav sajish ka hissa tha hinduon ki samuhik hatya (Brahmadip Alunay, Kamal Verma) // Dainik Jagran. 2018 June 16.
6. Tarote – Indiy tainmarmhu kyark Myanmar (Saw Thandar Aye) // Burma News International. 2020 June 3.
7. Rumki Basu. International politics: concepts, theories and issues // SAGE Texts. 2019 Jan 1.
8. Bharat – Myanmar raksha niti: sahayog ko mazbuti (Paras Ral) // East Asia Research Programme (EARP). 2020 March 18.
9. Indiy ashaemyawatpinesai Myanmarnhang bhain g lardaeshkyarr muyait mhawinhko lamkyauing hpyitlar // Myanmar Now. 2019 May 3.
10. Myanmar hands over 22 militants of Northeast armed groups in first such move // The Wire. 2020 May 15.

11. Indiy-Myanmar nalhkyarr myainpaww ninenganray kyar kwat myar (Ye Ni) // *Burma Irrawaddy*. 2019 June 18.
12. Лебедева Н.Б. Китайские инициативы ЭПШП и МШП и индийские проекты Mausam, Spice Road, Sagar Mala и Cotton Routes // ЮВА: актуальные проблемы развития. М., 2015. № 26. С. 26–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-initsiativy-epspp-i-mshp-vs-indiyskie-proekty-mausam-spice-road-sagar-mala-i-cotton-routes/viewer> (дата обращения: 20.07.2020).
13. Bhutan “cut off” irrigation channels near a border with India, Assam has deprived of water // *Yidiansixun*. 2020 June 28.
14. Ministry of Home Affairs (India). URL: <https://mha.gov.in/sites/default/files/Insurgency> (дата обращения: 20.06.2020).
15. *Fen Libin, Tai Zhong*. Tendency for building of infrastructure in NER and its influence on Chinese peripheral security // *Aisixiang*. 2019 Aug 13.
16. Зеленкова М.С. Мьянмано-китайские отношения на современном этапе // Проблемы национальной стратегии (РИСИ). 2019. № 1 (52). С. 123–136. URL: <https://riss.ru/journal/52/> (дата обращения: 01.08.2020).
17. NER dwellers have been discriminating for 70 years, this is the most separatist region in India // *Global View*. 2017 July 18.
18. Володин А.Г. Индия в мире регионализации // *Контур*ы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 4. С. 178–191. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-4-178-191>
19. *Umika Chanana, Anwesha Dutta*. Conflict, conservation, and cooperation across the India-Bhutan border // *Political Geography*. 2020 June 22.
20. Chin ne Bhutan ke sath sima vivad sulajhane ke lie package ka prastav rakha, Bharat ke lie pouda ho sakti he mushkil // *Dainik Bhaskar*. 2020 July 22.

References

1. Brahma Chelani. Rohingyas are not refugees, they are illegal immigrants. *Dainik Jagran*. 2017. Oct 6. (In Hindi).
2. “Armiya Arakana”: kak separatisty iz M`yanmy razvyazali vojnu na fone drevnih pagod. *Federal`noe agentstvo novostej*. 2020, June 29.
3. Andrej Serenko. Pakistanskije spetsluzhby pytayutsya rukami dzhihadistov vzorvat` Kashmir. *Nezavisimaya gazeta*. 2020, May 7.
4. Rajiv Bhattacharya. Why has China given shelter to a rebel leader from India`s Northeast? *The Diplomat*. 2020, Feb 26.
5. Brahmadi Alunay. Mass killings of hindus are aimed against strengthening of relations between India and Myanmar. *Dainik Jagran*. 2018 June 16. (In Hindi).
6. Pila Tandar Ay. Burma is on the line of tensions between China and India. *Burma News International*. 2020 June 3. (In Burmese).
7. Rumki Basu. International politics: concepts, theories and issues. *SAGE Texts*. 2019 Jan 1. (In Hindi).
8. Paras Ral. Indo-Myanmar defence policy: strengthening of cooperation. *East Asia Research Programme (EARP)*. 2020 March 18. (In Hindi).
9. NER has become a drug-trafficking route between Myanmar and Bangladesh. *Myanmar Now*. 2019 May 3. (In Burmese).
10. Myanmar hands over 22 militants of Northeast armed groups in first such move. *The Wire*. 2020 May 15.
11. Ye Ni. NER separatists on Indo-Burmese border. *Burma Irrawaddy*. 2019 June 18. (In Burmese).

12. Lebedeva NB. Kitajskie iniciativy EPSHP i MSHP i indijskie proekty Mausam, Spice Road, Sagar Mala i Cotton Routes. *YuVA: aktual'nye problemy razvitiya*. 2015;(26):26–57. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitajskie-initsiativy-epsHP-i-mshp-vs-indijskie-proekty-mausam-spice-road-sagar-mala-i-cotton-routes/viewer> [Accessed: 20.07.2020]. (In Russ).
13. Bhutan “cut off” irrigation channels near a border with India, Assam has deprived of water. *Yidianzixun*. 2020 June 28. (In Chinese).
14. Ministry of Home Affairs (India). Available from: <https://mha.gov.in/sites/default/files/Insurgency> [Accessed: 20.07.2020]. (In Hindi).
15. Fen Libin, Tai Jhong. Tendency for building of infrastructure in NER and its influence on Chinese peripheral security. *Aisixiang*. 2019 Aug 13. (In Chinese).
16. Zelenkova MS. M'yanmano-kitajskie otnosheniya na sovremennom etape. *Problemy nacional'noj strategii (RISI)*. 2019;1(52):123–136. Available from: <https://riss.ru/journal/52/> [Accessed 01.08.2020]. (In Russ).
17. NER dwellers have been discriminating for 70 years, this is the most separatist region in India. *Global View*. 2017 July 18. (In Chinese).
18. Volodin AG. Indiya v mire regionalizacii. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. 2017;10(4):178–191. (In Russ). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-4-178-191>
19. Umika Chanana, Anwasha Dutta. Conflict, conservation, and cooperation across the India-Bhutan border. *Political Geography*. 2020 June 22.
20. China proposes new package of measures for solving border disputes with Bhutan, India cannot accept it. *Dainik Bhaskar*. 2020 July 22. (In Hindi).

Информация о авторе:

Михайлов Сергей Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, e-mail: wetter248@mail.ru

Information about the author:

Mikhailov Sergey Aleksandrovich – postgraduate student of the Department of the World history, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: wetter248@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-158-174

Научная статья / Research article

Китай – Джибути: стратегическое партнерство в Восточной Африке

Л.В. Пономаренко , Д.А. Пискунов

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
 ponomarenko-lv@rudn.ru

Аннотация. Становление китайско-африканских отношений имеет продолжительную историю, в течение которой развивающиеся страны шли к взаимовыгодному партнерству, тем самым формируя геополитическую альтернативу отношениям «Север – Юг». В данной работе проводится анализ развивающегося партнерства Китая и Джибути и основных мотивов, принципов и выгод от взаимоотношений между двумя странами в рамках концепции сотрудничества стран Глобального Юга. При рассмотрении сотрудничества авторы опирались на данные международных баз данных China–Africa research initiative, AidData, China Africa Project, а также «Российская и китайская помощь». В работе рассмотрены ключевые инвестиционные проекты и их роль в деле развития экономики африканской страны, а также помощь КНР в борьбе с экономическими и социальными проблемами. В свою очередь Джибути, являясь логистическим центром, играет значимую роль в геоэкономических и политических проектах Китая в Восточной Африке. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что Джибути не только развивает транспортную экосистему, но и приобретает влияние в регионе и в международных организациях. Китай с помощью размещения военно-морской базы создает благоприятный инвестиционный климат для увеличения объемов инвестиций и торговли.

Ключевые слова: Китай, Джибути, Сотрудничество Юг–Юг, инвестиции, помощь, Восточная Африка

История статьи: Поступила в редакцию: 15.10.2021. Принята к публикации: 22.01.2022.

Для цитирования: Пономаренко Л.В., Пискунов Д.А. Китай – Джибути: стратегическое партнерство в Восточной Африке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 158–174. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-158-174>

China Djibouti: Strategic partnership in East Africa

Lyudmila V. Ponomarenko , Danil A. Piskunov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklay St, Moscow, Russia, 117198
 ponomarenko-lv@rudn.ru

Abstract. The development of Chinese-African relations obtains a long history. Within its history, developing countries moved toward mutually beneficial partnerships developing a

© Пономаренко Л.В., Пискунов Д.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

geopolitical alternative to the “North-South” relations. This paper examines improving relations between China and Djibouti and the main motives, principles and benefits derived from relationships of two countries within the framework of the “South-South” cooperation concept. Investigating two countries’ cooperation authors are guided by such international databases as China Africa Research Initiative, AidData, China Africa Project as well as “Russian and Chinese aid”. The paper is considering key investments projects and their role in the development of the African country economy as well as China aid in the struggle with economic and social problems. In its role, Djibouti being a logistic hub in South Africa plays a significant part in Chinese geoeconomic and political projects in South Africa. The present analysis allows to make the conclusion that Djibouti not only develops the shipping ecosystem but also gains influence on regional affairs and in international organisations. By means of the deployment of the military base China creates a favourable investment climate with a view to extending the volume of investments and trade.

Keywords: China, Djibouti, South-South Cooperation, investments, aid, South Africa

Article history: Received: 15.10.2021. Accepted: 22.01.2022.

For citation: Ponomarenko LV., Piskunov DA. China – Djibouti: Strategic partnership in East Africa. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(2):158–174. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-158-174>

Введение

Китайско-африканские отношения зародились в 60-х годах XX века, формируются в условиях холодной войны и противостояния двух политических систем и приобретают современный облик в начале 1990-х годов с распадом Советского Союза. В течение этого времени были сформированы принципы политических, дипломатических и экономических отношений и связей Китая и стран континента, выработанные в ходе многочисленных взаимных визитов как африканских, так и китайских лидеров [1. С. 37]. По результатам первого Форума сотрудничества Китай-Африка в Пекине публикуется Программа китайско-африканского сотрудничества в области экономического и социального развития [2], которая стала прологом к развитию сотрудничества между Китаем и государствами Африки в XXI в. [3. С. 78].

Китайско-африканские отношения являются предметом современных исследований, в котором представлены две точки зрения. Согласно первой точке зрения, развитие китайско-африканских отношений обусловлено потребностью Китая в ресурсах [4. С. 134]. Такая политика КНР, направленная на реализацию исключительно своих интересов в Африке, получила название «политики неокOLONиализма» [5]. В контексте политики неокOLONиализма возникло выражение “debt-trap diplomacy”, «дипломатия долговой ловушки» (debt-trap diplomacy) [6. С. 17], характеризующееся тем, что имущество или активы государства-заемщика могут быть конфискованы государством-кредитором в случае накопления долга и невозможности его погашения.

Согласно другой точке зрения, сотрудничество между Китаем и странами континента является взаимовыгодным и соблюдает принципы концепции “Юг–Юг” [7. С. 345; 8; 9], т.е. взаимоотношения между Китаем и государствами Африки приносит взаимную выгоду для обеих сторон. Для КНР

данная выгода, главным образом, заключается в продвижении проекта «Один пояс – один путь» и развитии внешнеэкономических связей со странами Африки, для африканских государств – сотрудничество в сфере инвестиций, образования, торговли, гуманитарного обмена [10. С. 34; 11].

Одним из аспектов китайско-африканских отношений, которому уделяется отдельное внимание со стороны исследовательского сообщества, является кредитно-финансовая политика Китая. Данная тенденция обусловлена тем, что Китай становится ведущим кредитором для стран континента [12]. В ходе исследования автор использует такие базы данных, как российская и китайская помощь [13], CARI (China-Africa Research Initiative) [14], The China Africa Project [15], Aid Data [16].

Согласно данным проектам, китайская инвестиционная политика, способствующая привлечению китайских компаний, имеет отличительные признаки по сравнению с политикой, проводимой Парижским клубом. Главные отличия, выделяемые исследователями Института международных исследований имени Хопкинса, являются подходы КНР к ослаблению долговой нагрузки на правительства стран Африки. Китай видит несколько выходов из данной ситуации: списание долга, реструктуризация или рефинансирование кредита [17]. Эти меры направлены на уменьшение финансовых и валютных рисков, связанных с выплатами кредита для государств Африки.

Ввиду роста экономических связей между государствами Африки и Китаем в сфере инвестиций, торговли, финансовой помощи McKinsey Global Institute опубликовал исследование, посвященное анализу китайско-африканских партнерских отношений. Согласно приведенному анализу, Эфиопия и Кения являются стратегическими и прочными партнерами Китая вследствие интенсивных экономических связей [18]. В дополнение к этому в Джибути насчитывается более 20 китайских компаний, которые сосредоточены в следующих секторах: строительство инфраструктуры, информационно-коммуникационные услуги и логистика [19. С. 173].

В дополнение к этому стоит обратить внимание на исследования, посвященные дипломатии малых государств. Так, малые государства, такие как Джибути, отстаивают свои интересы посредством стратегии экстраверсии со сверхдержавами и участия в международных институтах [20. С. 400]. Правительство Джибути придерживается стратегии диверсификации партнерских отношений, изменяя историческое партнерство с Францией и США и переходя к сотрудничеству с Эфиопией, Китаем и иными державами [21. С. 94]. Тем самым это позволяет проводить внешнюю политику, реализуя внутренние потребности и приоритеты, одновременно усиливая свою роль в региональных организациях и международных институтах. Данный подход к дипломатии развивающихся государств обращает внимание на их способность действовать в системе международных отношений более эффективно с точки зрения собственных интересов.

Таким образом, рассмотрев исследовательский контекст в изучении китайско-африканских отношений, автор ставит цель – рассмотреть сотрудничество КНР и Джибути в контексте концепции сотрудничества стран

Глобального Юга. Согласно указанной концепции, развивающиеся страны Юга сотрудничают на взаимовыгодной основе, исключая традиционную помощь в формате «Север–Юг», которая сохраняет отношения «метрополия-колония». Сотрудничество Юг–Юг предполагает оказание развивающимся странам технической, профессиональной, материальной и финансовой помощи [22. С. 46; 23; 9]. В ходе исследования необходимо проанализировать роль Джибути в Восточной Африке как транспортного центра и источника стабильности на Африканском Роге, рассмотреть сотрудничество КНР и Джибути в рамках развития инициативы Морского Шелкового пути, выделить реализуемые инфраструктурные проекты КНР на территории Республики и выявить последствия их реализации.

Геополитическое положение Джибути

Республика Джибути имеет стратегическое географическое расположение в Баб-эль-Мандебском проливе в регионе Восточной Африки. Ввиду отсутствия природных ископаемых ресурсов, таких как газ, нефть, алмазы и др., экономика Джибути основана преимущественно на работе инфраструктуры портов и транспортных путей [24]. ВВП Джибути на 79% составляет деятельность третичного сектора [25]. Более половины трудоспособного населения занято в сфере услуг, связанной с работой инфраструктуры портов [25]. В дополнение к этому Джибути обеспечивает более 80% импорта и экспорта товаров Эфиопии [26].

Критическими проблемами для экономики Джибути является обеспечение непрерывного доступа к электроэнергии и водоснабжению. В 2005 г. проект Африканского Банка Развития о создании электролинии между Эфиопией и Джибути [27] был направлен на решение указанной проблемы, однако, несмотря на это, большинство ресурсов расходуется на обеспечении работы портов и предприятий. Тем самым ввиду отсутствия постоянного источника электроэнергии рентабельность проекта электрифицированной ж/д Аддис-Абеба – Джибути находится под вопросом [28]. Согласно стратегическому плану государства [25] и Стратегии ускоренного роста и повышения занятости [29], Джибути к 2020 г. повысило уровень доступа к электроэнергии до 88%, а также ее стоимость снизилась на 20% и вдвое уменьшились перебои в электроснабжении [29].

В дополнение к этому, существует ряд проблем, препятствующих реализации инфраструктурных проектов: нехватка ресурсов, зависимость от импорта с/х и промышленной продукции, устаревшая транспортная, телекоммуникационная инфраструктура, необходимая для промышленного производства, участие Джибути в «Киотском протоколе» и «Парижском соглашении» по климату – все это увеличивает стоимость инвестиционных проектов и усложняет их реализацию [30. С. 73].

На региональном уровне Республика является участником нескольких международных организаций в рамках, которых были согласованы условия сотрудничества с Южным Суданом по транспортировке нефти, а также с

Эфиопией – условия по созданию нескольких транспортных коридоров и системы водоснабжения. Ключевая цель внешней политики – становление региональным центром коммерческих, логистических и финансовых услуг [31].

Кроме того, в Восточной Африке существует ряд региональных конфликтов, которые становятся источниками нестабильности (Йемен, Южный Судан, Сомали, Эритрея). Как отмечают эксперты, нестабильность как эпидемия распространяется на соседние страны, включая постоянные потоки беженцев [32. С. 6]. В ноябре 2019 г. Республика Джибути приняла стратегический план по решению гуманитарных проблем внутри страны, связанных продовольственной безопасностью и питанием [33]. План направлен на решение продовольственных проблем в условиях изменения климата, отсутствия пахотных территорий и нехватки воды. Китай содействовал решению гуманитарных проблем после сильной засухи в 2011–2012 гг. В 2012 г. Китай отправил продовольственную помощь на сумму 10 млн долларов США и медикаменты для борьбы с последствиями засухи. В дополнение к этому Китай выделил около 8 млн долларов на строительство региональной больницы в 2009 г. [34].

Особенную роль в межгосударственных отношениях играет политическая власть Джибути. На данный момент пост президента Республики с 1999 г. занимает Исмаил Омар Гелле, победивший на пятых выборах подряд. Вопросы экономической политики решаются императивом лидера, что позволяет проводить двусторонние сделки более прямолинейно [23. С. 530]. В середине 2012 г. в соответствии с Пятым обзором по программе Расширенного кредитования МВФ [35] правительство Джибути должно было ликвидировать разницу в бюджетном балансе. В конце 2012 г. China Merchants Ports, государственная китайская компания, приобрела 23,5% акций, стоимостью 185 млн долларов, государственной компании Джибути Port of Djibouti SA [25].

Также стоит обратить внимание на тот момент, когда международная компания ОАЭ DP World лишилась своих прав на контейнерный терминал Doraleh. Подписанный в 2016 г. контракт установил, что 66% акций контейнерного терминала приходится на компанию Port of Djibouti SA (PDSA), в то время как остальная часть – на DP World. Однако в январе 2018 г. PDSA расторгло концессионный контракт, став единственным держателем акций терминала. В сентябре 2018 г. президент Республики издал указ, согласно которому активы контейнерного терминала Doraleh были национализированы. По сообщениям СМИ, после данного инцидента часть собственности терминала была предложена китайской государственной компании China Merchants Ports [36].

В связи с этим сенаторы США выразили обеспокоенность ввиду наращивания китайского влияния как в Джибути, так и в регионе, так как, получив активы контейнерного терминала, Пекин будет контролировать транспортные пути через Баб-эль-Мандебский пролив [37]. Более того, этому способствует нахождение единственной во всем мире военно-морской базы Китая. Исследователи отмечают, что присутствие военно-морской базы Китая, несмотря на нахождение ряда других иностранных военных баз, способствует

реализации Пекинской военной стратегии 2015 года, которая направлена на защиту стратегических морских линий связи [38. С. 199].

С другой стороны, размещение военно-морской базы Китая обусловлено рядом факторов: геополитическое соперничество, угрозы безопасности морских экономических путей, защита национальных интересов за рубежом [39. С. 428]. Также стоит отметить необходимость защиты инвестиций государства Восточной Африки. Среди 10 ведущих получателей китайской помощи выделены три страны-реципиента (Эфиопия, Танзания, Мозамбик), куда привлечены наибольшие объемы инвестиций среди стран Африки и Азии в качестве финансовой помощи и ПИИ [40. С. 899]. Последствием размещения военной базы стал приток китайских компаний и увеличение долгосрочных инвестиций. Согласно китайским исследователям, возведение военной базы в качестве материально-технического и логистического центра обусловлено участием КНР в разрешении вопросов безопасности в Восточной Африке [41. С. 82]. Размещение военно-морской базы придало отношениям Джибути и Китая характер стратегического сотрудничества [42. С. 89].

Таким образом, Республика Джибути, занимая стратегическое местоположение в Баб-эль-Мандебском проливе, стал центром стабильности в регионе Восточной Африки и развивается как ключевой транспортный узел в регионе и мире.

Китайские инвестиции

В связи с появлением инициативы приостановления обслуживания долга (Debt Service Suspension Initiative)[43] для стран с низким уровнем дохода МВФ опубликовал данные государственного долга 68 стран. На 2019 г. внешний долг Джибути составляет около \$2 млрд, более 50% которого приходится на Китай [44].

Стоит заметить, что частота китайских инвестиций в Джибути увеличилась с началом реализации инициативы «Один пояс – один путь». Джибути фактически стало связующим звеном в транспортных путях между Европой и Азией в сфере морской торговли. В рамках инициативы «Один пояс – один путь» Китай инвестировал в проекты строительства новых портов, железной дороги, зоны свободной торговли и телекоммуникационной инфраструктуры. Многомиллионные соглашения о строительстве транспортного комплекса, создании зон свободной торговли относятся к «мегапроектам» [45. С. 907], привлекающим иностранных инвесторов и объединяющим все регионы страны общей экономической деятельностью.

Исследователи проекта AidData провели анализ влияния транспортных проектов, реализуемых Китаем, на распределение экономической активности по территории государства [34]. Данное исследование особенно актуально для Республики Джибути, поскольку столица является экономическим центром страны. До привлечения китайских инвестиций ключевые порты фактически не имели сообщения друг с другом, железная дорога Этио – Джибути,

простроенная во второй половине XX в., находилась в тяжелом состоянии, а сухопутные транспортные коридоры с Эфиопией вовсе отсутствовали.

Первый инфраструктурный проект в 2010 г. был направлен на создание железнодорожного сообщения между грузовой станцией Nagad, южнее столицы Джибути, и портом Doraleh. Станция Nagad являлась конечным пунктом железнодорожного маршрута Этио – Джибути. Данный проект потребовал инвестиций на сумму \$36 млн и обеспечил трафик товаров из Эфиопии непосредственно к порту Doraleh [34].

Впрочем, в 2013 г. китайские инвесторы финансировали возведение нового инфраструктурного объекта, имеющего стратегическое значение как для стран-заемщиков, так и для Китая в реализации собственных инвестиций. Данный проект направлен на создание ж/д Аддис-Абеба – Джибути при финансировании Эксим банка Китая на сумму \$492 млн (кредит рассчитан на 15 лет, включая льготный период 6 лет) [46]. В Эфиопии в 2013 г. были запланированы несколько проектов на сумму \$2,49 млрд по созданию железной дороги между двумя столицами [12].

На Форуме сотрудничества Китай – Африка Эфиопия добилась реструктуризации долга – период выплаты кредита продлевался до 30 лет [47]. Этому примеру последовало Джибути в июле 2019 г., когда льготный период по кредиту, выданному на финансирование создания ж/д Аддис-Абеба – Джибути, заканчивался. Министр экономики и финансов Джибути Ильяс Мусса Давале сообщил о реструктуризации долга, в том числе продлении периода выплат до 30 лет с 10-летним льготным периодом и снижении процентной ставки [48]. В противном случае Джибути в 2019 г. было бы обязано выплатить около 100 млн долларов [49].

Другим инфраструктурным проектом в 2013 г. между Эфиопией и Джибути, профинансированным Эксим банком Китая, стало строительство водопровода Эфиопия – Джибути на сумму 322 млн долл [50]. Задача данного проекта – обеспечить транспортировку питьевой воды объемом 100000 м³ в Джибути [51].

Острой проблемой социально-экономического плана является обеспечение доступа к электричеству. В 2011 г. была построена электролиния между Эфиопией и Джибути, которая покрывает около 60–70% потребления электричества государства [52]. В сфере электроэнергетики с 2016 г. в Джибути планируется несколько масштабных инфраструктурных проектов, направленных на производство электроэнергии и сокращение импорта энергоносителей и электричества. Среди указанных проектов стоит выделить соглашение Shanghai Electric с государственной компанией Electricité de Djibouti о строительстве ветряной электростанции и линии электропередачи (Nagad-HollHoll-AliSabieh Power Line) [53].

Говоря об инфраструктуре портов, в 2012 г. Китай направил 64 млн долларов на возведение порта Goubet. Данный проект способствует развитию добывающей промышленности Республики, так как до постройки порта экспорт соли составлял 1,200 млн тонн в год [25]. После строительства через порт будет проходить до 5 млн тонн экспорта соли в год. Стоит отметить, что данная

инфраструктура также будет обеспечивать экспорт полезных ископаемых из Эфиопии.

В 2015 г. компания Djibouti Port SA опубликовала проект по возведению нового животноводческого порта Damerjog. К 2017 г. строительство завершилось, в результате реализации данного проекта экспорт крупного рогатого скота вырос до 10 млн голов.

В 2016 г. государственная компания Port Djibouti S.A. и китайская компания China Merchant Holding подписали соглашение о строительстве многофункционального порта Doraleh. Проект потребовал финансирования на сумму 344 млн долларов, выплаты по которому рассчитаны на 20 лет, включая льготный период на 7 лет с годовой ставкой 2% [50]. Цель данного проекта – уменьшить время ожидания разгрузки и увеличить количество грузопотока через порты Джибути. Порт имеет прямое сообщение с главной железной дорогой, соединяющей Эфиопию и Джибути. Общие китайские инвестиции составили 590 млн долларов, включая две фазы строительства [54]. Кроме того, через контейнерный терминал Китай сможет экспортировать газ из Эфиопии. Проект, который был начат еще в 2013 г. по разведке месторождений газа в Эфиопии, получил развитие в новом соглашении между правительством Эфиопии и китайскими компаниями China Poly Group и Golden Concord. Данное соглашение было направлено на строительство газопровода из Эфиопии в Джибути, который будет обеспечивать экспорт 3 млн тонн природного газа через контейнерный терминал [55].

Дополняющим элементом транспортной экосистемы стало соглашение между China Merchants Port Holdings и Port of Djibouti S.A. в 2017 г. о создании зоны свободной торговли, которая охватывает территорию около 4800 га и разделена на 4 кластера. Каждый кластер выполняет свою функцию и предоставляет торговые, логистические, бизнес- и экспортные услуги для инвесторов и предприятий [56]. Такое сотрудничество откроет Восточную Африку к потоку инвестиций, технологий и способствует интеграции региона в мировую экономику. Ожидается, что к 2025 г. в зоне свободной торговли будет создано около 50 000 рабочих мест, а также будет обеспечен товарооборот на сумму 7 млрд долларов за два года [57]. Однако существует ряд проблем, связанных с созданием и функционированием ЗСТ. К таким проблемам относятся региональная нестабильность, отсутствие технических кадров, климатические условия и медленное развитие экономики, ориентированной преимущественно на логистические услуги [58. С. 35].

В дополнение к этому китайские компании вкладывают финансовые средства в развитие человеческого потенциала Джибути. China Merchants отбирает выдающиеся таланты для обучения в Китае и планирует за 10 лет подготовить в Джибути 5 000 представителей для управления страной. Благотворительный фонд China Merchants в течение трех лет инвестирует в Джибути 2 млн долларов США на строительство учебного центра для обучения местного персонала Джибути и повышения квалификации рабочей силы [59. С. 40].

Таким образом, китайские инвестиции имеют следующие последствия. Во-первых, их привлечение способствует увеличению кредитных обязательств

и повышению уровня финансовых рисков. Однако в целях предотвращения рисков, связанных с обслуживанием кредита, КНР использует механизмы реструктуризации и рефинансирования. Во-вторых, большая сумма инвестиций направлена на инфраструктурные мегапроекты, которые влияют на региональный и внутренний бизнес и торговые процессы, способствуя распределению экономической активности между центром государства и сельскохозяйственными районами. В-третьих, создание экосистемы портов и зоны свободной торговли превращает Джибути в ключевой транспортный центр в Восточной Африке в рамках Морского шелкового пути.

Таблица 1 / Table 1

**Инфраструктурные проекты КНР в Джибути 2010–2021 г. /
China's infrastructure projects on Djibouti 2010–2021**

Проект	Год	Сумма кредита млн долл.	Цель
Строительство ж/д Nagad-Doraleh	2010	36	Соединить ж/д Этио-Джибути с портом Doraleh
Строительство порта Goubet	2012	64	Повысить количество экспорта соли до 5 млн тонн в год
Строительство ж/д Этио–Джибути	2013	492	Построить новый маршрут транспортировки товаров между Эфиопией и Джибути
Создание водопровода между Эфиопией и Джибути	2013	322	Обеспечить транспортировку питьевой воды объемом 100000 м ³ в год в Джибути
Возведение порта Damerjog	2015	70	Повысить экспорт крупного рогатого скота, вырастет до 10 млн голов в год
Создание ветряной электростанции и линии электропередачи	2016	56	Обеспечить производство электроэнергии и сократить импорт энергоносителей
Строительство многофункционального контейнерного терминала Doraleh	2016	344	Уменьшить время ожидания разгрузки и увеличить количество грузопотока через порты Джибути
Создание международной зоны свободной торговли	2017	115	Способствовать развитию регионального предпринимательства и повысить приток инвестиций
Преобразование порта Djibouti	2020	350	Обновить инфраструктуру исторического порта Djibouti и создать на прилегающей территории бизнес-центра

Заключение

Тем самым, исходя из приведенного анализа, можно выделить ряд факторов, обуславливающих становление стратегического партнерства между двумя странами.

Во-первых, Джибути имеет потенциал стать ключевым транспортным узлом китайского геополитического проекта «Один пояс – Один путь» за счет таких факторов, как географическое положение, политическая стабильность и экономическая взаимозависимость с Эфиопией и другими странами региона. Тесное партнерство влияет и на взаимодействие с другими странами, в том числе с Эфиопией. Джибути становится «мостом» между Китаем и Эфиопией. Во-вторых, с точки зрения сотрудничества по линии «Юг – Юг», Джибути, привлекая иностранные инвестиции, главным образом реализует национальные интересы, а именно – стремится к превращению страны в региональный логистический центр на основе создания транспортной экосистемы, дополненной открытием зоны свободной торговли. Помимо инфраструктурных проектов Джибути получает финансирование для реализации проектов водоснабжения и электроснабжения и экономическую помощь для решения гуманитарных проблем. В-третьих, в контексте дипломатии малых государств это также способствует повышению роли и влияния Джибути в международных организациях. Это становится критически важным ввиду того, что Республика Джибути выступает в качестве ведущей третьей стороны при решении региональных споров. В-четвертых, касательно «дипломатии долговой ловушки» и кредитных обязательств стоит отметить, что Китай предлагает Джибути механизмы реструктуризации для предотвращения проблем, связанных с обслуживанием кредитов. Данные механизмы способствуют как уменьшению рисков финансовых и валютных шоков, так и восстановлению экономики от последствий пандемии COVID-19. В-пятых, ввиду стратегической важности морских путей и необходимости их защиты Китай получает доступ к размещению морской военной базы, что обеспечивает защиту стратегических маршрутов морской транспортной связи и инвестиций в государства Восточной Африки. Тем самым приведенные факторы свидетельствуют о становлении стратегического партнерства Китая и Джибути в Восточной Африке.

Библиографический список

1. Дегтерев Д.А. Китайская экспансия в Африку: «свято место пусто не бывает»? // Азия и Африка сегодня. 2005. № 2. С. 35–41.
2. Programm for China-Africa Cooperation in Economic and Social Development. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/zflt/eng/zyzl/hywj/t157834.htm> (дата обращения: 01.07.2020)
3. Zabella A. China in Africa: the history of Sino-African relations, place of Africa in Chinese Foreign Policy and the main spheres of cooperation // Soka University. 2020. Vol. 13. P. 74–89.
4. Kosiński D., Polus A., Taylor I. Contextualising Chinese engagement in Africa // Journal of Contemporary African Studies. 2011. Vol. 29. No. 2. P. 129–136.
5. Chin G. China's Challenge in Africa: Avoid Blame of Neo-Colonialism. Yale, MacMillan Center for International and Area Studies, 2014.
6. DeBoom M.J. Who is afraid of 'debt-trap diplomacy'? Geopolitical narratives, agency and the multiscale distribution of risk // Area Development and Policy. 2020. Vol. 5. No. 1. P. 15–22.

7. *Забелла А.А.* Африка во внешнеполитическом курсе КНР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2017. Т. 9. № 4. С. 341–352. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2017-9-4-341-352>
8. *Дейч Т.Л.* Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 5. С. 119–141. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141>
9. *Liu Xiaoyu, Fu Yan.* A New Concept and Model of South-South Cooperation for Sustainable Development // Sustainable Development Economic Guide. 2020. No. 7. P. 47–49. <https://doi.org/CNKI:SUN:WTOК.0.2020-07-017>
10. *Пономаренко Л.В., Соловьева Т.М.* КНР – Африка: новые ориентиры взаимоотношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 32–42.
11. *Дейч Т.Л.* Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018а. Т. 18. № 3. С. 595–611. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-595-611>
12. Putting a Dollar Amount on Chinese Loans to Low Income Countries // The China Africa Research Initiative Blog. URL: <http://www.chinaafricarealstory.com/2020/06/putting-dollar-amount-on-chinese-loans.html> (дата обращения: 01.07.2020).
13. Сопоставление географической структуры российской и китайской помощи странам Азии и Африки // Экспертный портал РУДН по международным отношениям. URL: <http://ir.rudn.ru/ru/databases/ru-ch-aid> (дата обращения 01.07.2020).
14. China Africa Research Initiative. URL: <http://www.sais-cari.org/> (дата обращения: 01.07.2020).
15. The China Africa Project. URL: <https://chinaafricaproject.com/> (дата обращения: 01.07.2020).
16. AidData. URL: <https://www.aiddata.org/> (дата обращения: 01.07.2020).
17. *Acker K., Bräutigam D., Huang Y.* Debt relief with Chinese characteristics // China Africa Research Initiative, School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University, Washington, DC. 2020. 43 p.
18. *Yuan Sun I., Jayaram K., Kassiri O.* Dance of the lions and dragons: how are Africa and China engaging, and how will the partnership evolve? // McKinsey. 2017. 78p.
19. *Sun Wei.* Djibouti and the Maritime Silk Road // Journal of East China Normal University (Natural Science). 2020. No. 1. P. 170–174. <https://doi.org/CNKI:SUN:HDSZ.0.2020-S1-037>
20. *Le Gouriellec S.* Djibouti’s foreign policy in international institutions: the big diplomacy of a small state // African Foreign Policies in International Institutions. Palgrave Macmillan, New York, 2018. P. 389–402.
21. *Филиппов В.Р.* Париж vs. Пекин: противостояние на Африканском континенте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 84–96. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-1-84-96>
22. *Okolo A.L., Akwu J. O.* China’s foreign direct investment in Africa’s land: hallmarks of neo-colonialism or South–South cooperation? // Africa Review. 2016. Vol. 8. No. 1. P. 44–59.
23. *Gosovic B.* On the eve of BAPA+40 – South-South cooperation in today’s geopolitical context // Vestnik RUDN. International Relations. 2018. Vol. 18. No. 3. P. 459–478. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-459-478>
24. *Brass J.N.* Djibouti’s unusual resource curse // The Journal of Modern African Studies. 2008. P. 523–545.
25. Djibuti. Country strategy paper (CSP) 2016–2020 // African Development Bank Group. URL: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Project-and-Operations/Djibouti__Country_Strategy_Paper__CSP__2016-2020.pdf (дата обращения: 02.07.2020).

26. Economic Transformation in Djibouti // World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/437351549918326165/pdf/djibouti-scd-english-version-final-approved-vlogo-02062019-636852600790519539.pdf> (дата обращения: 06.06.2021).
27. Multinational – Ethiopia-Djibouti Electricity Interconnection (Djibouti) // African Development Bank Group. URL: <https://projectsportal.afdb.org/dataportal/VProject/show/P-Z1-FA0-010> (дата обращения 02.07.2020).
28. Djibouti's Chinese Debt // China Africa Project. URL: <https://chinaafricaproject.com/analysis/djiboutis-chinese-debt/> (дата обращения: 02.07.2020).
29. The Accelerated Growth Strategy and Promotion of Employment (SCAPE). URL: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/planipolis/files/ressources/djibouti_scape_anglais.pdf (дата обращения: 01.07.2020).
30. *Sun Degang, Bai Xinyi*. China Participating in Djibouti's Port Construction: Current Situation and Prospect // *Contemporary World*. 2018. No. 4. P. 70–74.
31. *Olika T.* Djibouti's Foreign Policy Change from Survival Strategy to an Important Regional-Power Player: Implications for Ethio-Djibouti Relations // *Ethiopian Journal of the Social Sciences and Humanities*. 2018. Vol. 14. No. 2. P. 130–155.
32. *Idahosa S. O., Abiodun Bakare I.* Conceptualisation of regional instability in Sahel: modelling ABM–AfriLand-Rebel Approach // *Journal of Contemporary African Studies*. 2020. P. 1–16.
33. Djibouti Country Strategic Plan // World Food Program. URL: <https://www.wfp.org/operations/dj02-djibouti-country-strategic-plan-2020-2024> (дата обращения: 02.07.2020).
34. *Bluhm R. et al.* Connective financing: Chinese infrastructure projects and the diffusion of economic activity in developing countries. 2018. 53 p.
35. Djibouti: Fifth Review Under the Extended Credit Facility Arrangement // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2012/cr12197.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).
36. Djibouti Rejects Court Ruling to Hand Back Container Terminal // *The Wall Street Journal*. URL: <https://www.wsj.com/articles/djibouti-rejects-court-ruling-to-hand-back-container-terminal-11579296713> (дата обращения: 01.07.2020).
37. U.S. senators alarmed if China gets control of Djibouti port // *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-congress/u-s-senators-alarmed-if-china-gets-control-of-djibouti-port-idUSKCN1NI2YM> (дата обращения: 01.07.2020).
38. *Styan D.* China's Maritime Silk Road and small states: lessons from the case of Djibouti // *Journal of Contemporary China*. 2020. Vol. 29. No. 122. P. 191–206. <https://doi.org/10.1080/10670564.2019.1637567>
39. *Khudaykulova A.V.* China as an emerging actor in conflict management: from non-interference in internal affairs to “constructive” engagement // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19. No. 3. P. 420–431. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431>
40. *Дегтерев Д.А., Ли Я., Трусова А.А., Черняев М.С.* Приоритетные направления российской и китайской помощи в целях развития странам Азии и Африки: сравнительно, сопоставительный анализ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 4. С. 888–905. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-888-905>
41. *Yang Ke, Gao Yang.* Analysis on the Strategic Value of the Construction of Djibouti's Guarantee Base // *Journal of Shijiazhuang University*. 2018. No. 2. P. 81–84.
42. *Грачиков Е.Н.* Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993–2018) // *Мировая экономика и международные отношения*, 2019. Т. 63. № 3. С. 83–93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93>

43. COVID 19: Debt Service Suspension Initiative. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/debt/brief/covid-19-debt-service-suspension-initiative> (дата обращения: 05.07.2020).
44. Debt Service Payments Due. URL: <https://datatopics.worldbank.org/debt/ids/DSSITables/DSSI-DJI.htm> (дата обращения: 07.07.2020).
45. *Kardes I. et al.* Managing global megaprojects: Complexity and risk management // *International Business Review*. 2013. Vol. 22. No. 6. P. 905–917.
46. Addis Ababa – Djibouti Railway. URL: <https://www.gihub.org/resources/showcase-projects/addis-ababa-djibouti-railway/> (дата обращения: 08.07.2020).
47. Ethiopia PM says China will restructure railway loan // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/ethiopia-china-loan-idUSL5N1VS4IW> (дата обращения: 08.07.2020).
48. Пугас Мусса Давалех // Twitter. URL: <https://twitter.com/Plyasdawaleh/status/1150674289277984770> (дата обращения: 08.07.2020).
49. Djibouti’s Chinese Debt // The China Africa Project. URL: <https://chinaafricaproject.com/analysis/djiboutis-chinese-debt/> (дата обращения: 08.07.2020).
50. 2021. Chinese Loans to Africa Database, Version 2.0 // China Africa Research Initiative and Boston University Global Development Policy Center. URL: <https://chinaafricaloandata.bu.edu/> (дата обращения: 08.07.2020).
51. Chinese funded Ethio-Djibouti water project to be inaugurated. URL: <https://constructionreviewonline.com/2017/06/chinese-funded-ethio-djibouti-water-project-to-be-inaugurated-soon> (дата обращения: 08.07.2020).
52. Clean cut: Renewable projects to reduce costs and dependence on imports // Oxford Business Group. URL: <https://oxfordbusinessgroup.com/overview/clean-cut-renewable-projects-reduce-costs-and-dependence-imports> (дата обращения: 08.07.2020).
53. Perils of a rail link built with Chinese funds // The Hindu. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/perils-of-a-rail-link-built-with-chinese-funds/article27172169.ece> (дата обращения: 08.07.2020).
54. Doraleh Multipurpose Port // DPFZA. URL: <http://www.dpfza.gov.dj/facilities/DMP> (дата обращения: 08.07.2020).
55. Gas link: New liquefied natural gas (LNG) project fosters regional and international trade relationships // Oxford Business Group. URL: <https://oxfordbusinessgroup.com/analysis/gas-link-new-liquefied-natural-gas-lng-project-fosters-regional-and-international-trade> (дата обращения: 08.07.2020).
56. Djibouti International Free Trade Zone // DPFZA. URL: <http://www.dpfza.gov.dj/facilities/Free-trade-area/djibouti-international-free-trade-zone> (дата обращения: 08.07.2020).
57. Djibouti FTZ starts // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1109533.shtml> (дата обращения: 08.07.2020).
58. *Ma Xiangxue.* Study on the Impact of China’s Overseas Key Projects in Djibout. Tianjin Normal University. 2020. P. 1–40.
59. *Zhao Xuan.* Silk Road Station. Djibouti-to create “East Africa Shekou”. *China Ocean Shipping*. 2019. Vol. 5. P. 40–41.

References

1. Degterev DA. Kitajskaja jekspansija v Afriku: “svjato mesto pusto ne byvaet”? [Chinese expansion into Africa: “a holy place is never empty”?]. *Azija i Afrika segodnja* [Asia and Africa today]. 2005;(2):35–41.

2. Programm for China-Africa Cooperation in Economic and Social Development. Available from: <https://www.fmprc.gov.cn/zflt/eng/zyzl/hywj/t157834.htm> [Accessed: 01.07.2020].
3. Zabella A. China in Africa: the history of Sino-African relations, place of Africa in Chinese Foreign Policy and the main spheres of cooperation. *Soka University*. 2020;(13):74–89.
4. Kopiński D., Polus A., Taylor I. Contextualising Chinese engagement in Africa. *Journal of Contemporary African Studies*. 2011;29(2):129–136.
5. Chin Gregory. *China's Challenge in Africa: Avoid Blame of Neo-Colonialism*. Yale Global, 2014.
6. DeBoom MJ. Who is afraid of 'debt-trap diplomacy'? Geopolitical narratives, agency and the multiscalar distribution of risk. *Area Development and Policy*. 2020;5(1):15–22.
7. Zabella AA. Africa in the Foreign Policy Course of PRC . *RUDN Journal of World History*. 2017;9(4):341–352. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2017-9-4-341-352>
8. Deych TL. China in Africa: Neo-Colonial Power or “Win-Win” Strategy? *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2018;11(5):119–141. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141>
9. Liu Xiaoyu, Fu Yan. A New Concept and Model of South-South Cooperation for Sustainable Development. *Sustainable Development Economic Guide*. 2020;(7):47–49. <https://doi.org/CNKI:SUN:WTOk.0.2020-07-017> (In Chinese).
10. Ponomarenko LV., Soloveva TM. China-Africa: New Directions of Cooperation. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2015;(1):32–42.
11. Deych TL. China in struggle for resources in Africa and Arab World. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018;18(3):595–611. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-595-611>
12. Putting a Dollar Amount on Chinese Loans to Low Income Countries. Available from: <http://www.chinaafricarealstory.com/2020/06/putting-dollar-amount-on-chinese-loans.html> [Accessed 01.07.2020]
13. Sopotavlenie geograficheskoy struktury rossijskoj i kitajskoj pomoi stranam Azii i Afriki [Comparison of the geographical structure of the Russian and Chinese slops to the countries of Asia and Africa]. RUDN Expert Portal on International Relations. Available from: <http://ir.rudn.ru/ru/databases/ru-ch-aid> [Accessed: 01.07.2020]
14. China Africa Research Initiative. Available from: <http://www.sais-cari.org/> [Accessed: 01.07.2020]
15. The China Africa Project. Available from: <https://chinaafricaproject.com/> [Accessed: 01.07.2020]
16. AidData. Available from: <https://www.aiddata.org/> [Accessed: 01.07.2020]
17. Acker K., Bräutigam D., Huang Y. Debt relief with Chinese characteristics. *China Africa Research Initiative, School of Advanced International Studies*. Johns Hopkins University, Washington, DC. 2020. 43 p.
18. Yuan Sun I., Jayaram K., Kassiri O. *Dance of the lions and dragons: how are Africa and China engaging, and how will the partnership evolve?* McKinsey. 2017. 78 p.
19. Sun Wei. Djibouti and the Maritime Silk Road *Journal of East China Normal University (Natural Science)*. 2020;(1):170–174. (In Chinese) <https://doi.org/CNKI:SUN:HDSZ.0.2020-S1-037>.
20. Le Gouriellec S. Djibouti's foreign policy in international institutions: the big diplomacy of a small state. *African Foreign Policies in International Institutions*. Palgrave Macmillan, New York. 2018, p. 389–402.
21. Philippov VR. Paris vs. Beijing: Confrontation on the African Continent. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2020;20(1):84–96. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-1-84-96>

22. Okolo AL., Akwu JO. China's foreign direct investment in Africa's land: hallmarks of neo-colonialism or South–South cooperation? *Africa Review*. 2016;8(1):44–59.
23. Gosovic B. On the eve of BAPA+40 – South-South cooperation in today's geopolitical context. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018;18(3):459–478. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-459-478>
24. Brass JN. Djibouti's unusual resource curse. *The Journal of Modern African Studies*. 2008:523–545.
25. Djibuti. Country strategy paper (CSP) 2016–2020. African Development Bank Group. Available from: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Project-and-Operations/Djibouti_Country_Strategy_Paper_CSP_2016-2020.pdf [Accessed: 02.07.2020]
26. Economic Transformation in Djibouti. World Bank. Available from: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/437351549918326165/pdf/djibouti-scd-english-version-final-approved-vlogo-02062019-636852600790519539.pdf> [Accessed: 06.06.2021]
27. Multinational – Ethiopia-Djibouti Electricity Interconnection (Djibouti). African Development Bank Group. Available from: <https://projectsportal.afdb.org/dataportal/VProject/show/P-Z1-FA0-010> [Accessed: 02.07.2020]
28. Djibouti's Chinese Debt. China Africa Project. Available from: <https://chinaafricaproject.com/analysis/djiboutis-chinese-debt/> [Accessed: 02.07.2020]
29. The Accelerated Growth Strategy and Promotion of Employment (SCAPE). Available from: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/planipolis/files/ressources/djibouti_scape_anglais.pdf [Accessed: 01.07.2020]
30. Sun Degang, Bai Xinyi. China Participating in Djibouti's Port Construction: Current Situation and Prospect. *Contemporary World*. 2018;(4):70–74. (In Chinese).
31. Olika T. Djibouti's Foreign Policy Change from Survival Strategy to an Important Regional-Power Player: Implications for Ethio-Djibouti Relations. *Ethiopian Journal of the Social Sciences and Humanities*. 2018;14(2):130–155.
32. Idahosa SO., Abiodun Bakare I. Conceptualisation of regional instability in Sahel: modelling ABM–AfriLand-Rebel Approach. *Journal of Contemporary African Studies*. 2020:1–16.
33. Djibouti Country Strategic Plan. World Food Program. Available from: <https://www.wfp.org/operations/dj02-djibouti-country-strategic-plan-2020-2024> [Accessed: 02.07.2020]
34. Bluhm R. et al. *Connective financing: Chinese infrastructure projects and the diffusion of economic activity in developing countries*. 2018. 53 p.
35. Djibouti: Fifth Review Under the Extended Credit Facility Arrangement. International Monetary Fund. Available from: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2012/cr12197.pdf> [Accessed: 01.07.2020]
36. Djibouti Rejects Court Ruling to Hand Back Container Terminal. *The Wall Street Journal*. Available from: <https://www.wsj.com/articles/djibouti-rejects-court-ruling-to-hand-back-container-terminal-11579296713> [Accessed: 01.07.2020]
37. U.S. senators alarmed if China gets control of Djibouti port. *Reuters*. Available from: <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-congress/u-s-senators-alarmed-if-china-gets-control-of-djibouti-port-idUSKCN1NI2YM> [Accessed: 01.07.2020]
38. Styan D. China's Maritime Silk Road and small states: lessons from the case of Djibouti. *Journal of Contemporary China*. 2020;29(122):191–206. <https://doi.org/10.1080/10670564.2019.1637567>
39. Khudaykulova AV. China as an emerging actor in conflict management: from non-interference in internal affairs to “constructive” engagement. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019;19(3):420–431. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431>

40. Degtarev DA., Li Y., Trusova AA., Cherniaev MS. Priorities of Russian and Chinese Development Cooperation to Asia and Africa: A Comparative Analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018;18(4):888–905. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-888-905>
41. Yang Ke, Gao Yang. Analysis on the Strategic Value of the Construction of Djibouti's Guarantee Base. *Journal of Shijiazhuang University*. 2018;(2):81–84. (In Chinese).
42. Grachikov E. Chinese Partnership Strategy: Practice and its Conceptualisation (1993–2018). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019;63(3):83–93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93>
43. COVID 19: Debt Service Suspension Initiative. The World Bank. Available from: <https://www.worldbank.org/en/topic/debt/brief/covid-19-debt-service-suspension-initiative> [Accessed: 05.07.2020]
44. Debt Service Payments Due. The World Bank. URL: <https://datatopics.worldbank.org/debt/ids/DSSITables/DSSI-DJI.htm> [Accessed: 07.07.2020]
45. Kardes I. et al. Managing global megaprojects: Complexity and risk management. *International Business Review*. 2013;22(6):905–917.
46. Addis Ababa – Djibouti Railway. Available from: <https://www.github.org/resources/showcase-projects/addis-ababa-djibouti-railway> [Accessed: 08.07.2020]
47. Ethiopia PM says China will restructure railway loan. Reuters. Available from: <https://www.reuters.com/article/ethiopia-china-loan-idUSL5N1VS4IW> [Accessed: 08.07.2020]
48. Ilyas Moussa Dawaleh. Twitter. Available from: <https://twitter.com/Ilyasdawaleh/status/1150674289277984770> [Accessed: 08.07.2020]
49. Djibouti's Chinese Debt. The China Africa Project. Available from: <https://chinaafricaproject.com/analysis/djiboutis-chinese-debt/> [Accessed: 08.07.2020]
50. 2021. Chinese Loans to Africa Database, Version 2.0. China Africa Research Initiative and Boston University Global Development Policy Center. Available from: <https://chinaafricaloandata.bu.edu> [Accessed: 08.07.2020]
51. Chinese funded Ethio-Djibouti water project to be inaugurated. Available from: <https://constructionreviewonline.com/2017/06/chinese-funded-ethio-djibouti-water-project-to-be-inaugurated-soon> [Accessed: 08.07.2020]
52. Clean cut: Renewable projects to reduce costs and dependence on imports. Oxford Business Group. Available from: <https://oxfordbusinessgroup.com/overview/clean-cut-renewable-projects-reduce-costs-and-dependence-imports> [Accessed: 08.07.2020]
53. Perils of a rail link built with Chinese funds. The Hindu. Available from: <https://www.thehindu.com/news/international/perils-of-a-rail-link-built-with-chinese-funds/article27172169.ece> [Accessed: 08.07.2020]
54. Doraleh Multipurpose Port. DPFZA. Available from: <http://www.dpfza.gov.dj/facilities/DMP> [Accessed: 08.07.2020]
55. Gas link: New liquefied natural gas (LNG) project fosters regional and international trade relationships. Oxford Business Group. Available from: <https://oxfordbusinessgroup.com/analysis/gas-link-new-liquefied-natural-gas-lng-project-fosters-regional-and-international-trade> [Accessed: 08.07.2020]
56. Djibouti International Free Trade Zone. DPFZA. Available from: <http://www.dpfza.gov.dj/facilities/Free-trade-area/djibouti-international-free-trade-zone> [Accessed: 08.07.2020]
57. Djibouti FTZ starts. Global Times. Available from: <https://www.globaltimes.cn/content/1109533.shtml> [Accessed: 08.07.2020]

58. Ma Xiangxue. Study on the Impact of China's Overseas Key Projects in Djibout. *Tianjin Normal University*. 2020:1–40. (In Chinese).
59. Zhao Xuan. Silk Road Station. Djibouti-to create "East Africa Shekou". *China Ocean Shipping*. 2019;(5):40–41. (In Chinese).

Информация об авторах:

Пonomаренко Людмила Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, e-mail: ponomarenko-lv@rudn.ru. ORCID: 0000-0002-9994-3097

Пискунев Данил Андреевич – студент бакалавриата кафедры ТИМО, Российский университет дружбы народов, направление подготовки «Международные отношения», e-mail: piskunov_da@mail.ru

Information about the authors:

Ponomarenko Lyudmila Vasil'evna – doctor of History, professor of the Faculty of Department Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: ponomarenko-lv@rudn.ru. ORCID: 0000-0002-9994-3097

Piskunov Danil Andreevich – student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: piskunov_da@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-175-188

Научная статья / Research article

Интернет-цензура в современном Китае: жесткий контроль и гибкая система урегулирования

А.Г. Люлина , Е.С. Ефименко

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 alyulina88@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интернет-цензуры в Китайской Народной Республике, этапы ее формирования, истоки специфики и современные проблемы контроля информации в СМИ. Затрагивается актуальная тема борьбы КПК с «антиисторическими исследованиями» с обращением к новому закону о правах и интересах военнослужащих; в то же время приводятся примеры «мягкого» избирательного цензурирования сообщений пользователей Интернета в Китае. Культурологические истоки феномена китайской цензуры позволяют раскрыть многие аспекты, связанные с оценкой политики КПК в отношении СМИ китайцами и иностранцами. В работе использованы материалы исследований российских и зарубежных специалистов в области государственного цензурирования в Китае, актуальные сведения китайских новостных порталов и законопроекты в сфере контроля информации.

Ключевые слова: КНР, СМИ, интернет-цензура, контроль, информация, политика, культура

История статьи: Поступила в редакцию: 19.01.2022. Принята к публикации: 15.02.2022.

Для цитирования: Люлина А.Г., Ефименко Е.С. Интернет-цензура в современном Китае: жесткий контроль и гибкая система урегулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 175–188. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-175-188>

Internet censorship in modern China: tight control and a flexible settlement system

Anastasia G. Lyulina , Elizaveta S. Efimenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklay St, Moscow, Russia, 117198
 alyulina88@gmail.com

Abstract. The article considers the features of Internet censorship in the People's Republic of China, the stages of its formation, origins of specifics and modern problems of controlling information in the media. Material addressed the current theme of the CPC's fight against “anti-

© Люлина А.Г., Ефименко Е.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

historical research” with reference to the new law on the rights and interests of military personnel; at the same time, it gives some examples of “soft” selective censorship of Internet user messages in China. The cultural origins of the phenomenon of Chinese censorship reveal many aspects related to the assessment of the CCP’s policy towards the media by Chinese and foreigners. The work used research materials of Russian and foreign specialists in the field of state censorship in China, current information of Chinese news websites and legislation in the field of information control.

Keywords: PRC, media, Internet censorship, control, information, politics, culture

Article history: Received: 19.01.2022. Accepted: 15.02.2022.

For citation: Lyulina AG., Efimenko ES. Internet censorship in modern China: tight control and a flexible settlement system. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(2):175–188. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-175-188>

Введение

Современная социальная реальность и международная коммуникация тесно связаны с передовыми информационными технологиями. Средства массовой информации играют в этом ключевую роль, так как они уже достаточно давно функционируют не только на физических носителях (газетах, журналах), но и в виртуальном пространстве, тем самым охватывая наибольшее количество читателей. Поэтому цензурирование реализуется наиболее масштабно именно в Интернете, на радио и телевидении. В большинстве стран (преимущественно на Западе) действует так называемая «позволительная» либеральная политика в отношении прессы: требовательная общественность нуждается в большом спектре источников информации, стимулируя конкуренцию издательств и новостных песток. Искаженная или смягченная государством информация СМИ не воспринимается как достоверная ни среди интеллектуальной элиты, ни среди гражданского большинства. В Китайской Народной Республике иначе, определяющим фактором в области информационной политики является контроль правящей Коммунистической партии Китая над всеми информационными ресурсами. Надзор за содержанием информации осуществляют свыше десяти государственных и партийных органов. Один из важнейших – Отдел пропаганды ЦК КПК в кооперации с Главным государственным управлением по делам радиовещания и телевидения. «СМИ КНР, функционирующие в условиях отсутствия политической конкуренции, используются правящей коммунистической партией в качестве транслятора ее идей, целей, стратегических планов и намерений, что определяет специфику выбора методов политического влияния, доминирующими являются формирование информационной повестки дня, открытая политическая пропаганда, скрытое информационное внушение, формирование политических стереотипов, структурирование политических мифов и имиджей, политическая реклама» [1. С. 31–32]. В современном интернет-пространстве Китая превалируют строгий контроль за опубликованными материалами, особенно с политической и идеологической составляющей, однако сведения

последних аналитических работ по теме цензуры в Китае показывает присутствие и гибких, «мягких» средств контроля в зависимости от социальной дифференциации. В китайской прессе все чаще появляется понятие 疏堵结合 (shū dǔ jiéhé), характеризующее политику партии в отношении СМИ и других областей и обозначающее единение (结合) мер по «блокированию, запрету» (堵塞) и «медиации, регулированию» (疏通). В контексте представленного материала наиболее удачной интерпретацией этой фразы будет «действовать топором и скальпелем». Истоки феномена китайской цензуры связаны с ее историей и фундаментальными особенностями культуры и философии.

История китайской прессы и цензуры

Пресса Китая обладает весьма богатой историей и выступает как основополагающая в социокультурных преобразованиях страны. С.А. Полевой в своей работе 1913 года «Периодическая печать в Китае» выделил несколько особенностей, обусловивших развитие прессы в Китае [2]. Языковая дифференциация повлияла на разделение газет на литературные и разговорные; рост грамотности обусловил интерес к социальным вопросам; особенности стиля письма и эстетичность внешнего вида газет – четкость и изящность столбцов, рисунки в тексте, украшенные виньетками заголовки и пр. В качестве особенности развития прессы выделяется «расширение» китайского языка в целом в IV–VII веках, языковая интеграция (создание новых иероглифических обозначений для адаптации европейских понятий). Обогащение языка при использовании или изменении старых иероглифов для обозначения новых слов (например, статус, телефон, протест, ультиматум) обусловило более глубокую содержательность языка газет, выразительность и доступность речи [2. С. 24–27]. Это связано с особенностями китайской культуры, языка и менталитета, «иероглифического способа мышления». В нашей более ранней работе «Китайский язык: иероглифическое письмо и его «след» на сознании и менталитете» обсуждалось внешнее влияние и обогащение китайского языка в разрезе его «органики»: «...иероглиф «выражает собой» и одновременно «содержит в себе» информацию и сам является как бы связкой между ней и внешней формой («следом смысла»). Многослойность смысла (или смыслов), заключенная в иероглифический символ – это сложная и корнями этнически обусловленная особенность мышления китайцев, и поэтому любого рода обогащения всегда были процессом не просто интеллектуального труда (включения понятий китайскими лингвистами), но и серьезной культурной адаптации» [3. С. 380].

Выделенные особенности имеют прямое отношение не только к прессе, но и к истории ее контроля, то есть цензуры. Как отмечают китайские исследователи Ян Чжи и Тянь Юехун, творческое единство и цельность китайской журналистики обусловлены ее историческими и духовно-культурными корнями [4, 22]. Древние формы массовой коммуникации (фольклор, музыкальное и певческое искусство), то есть народное творчество в литературно-музыкальных формах, можно назвать «устной прессой». Император ханьской

династии Уди (140–86 гг. до н.э.) учредил «Музыкальную палату» («Юэфу»), которая могла функционировать как своеобразный социологический институт, в задачи которого входило изучение и формирование общественного мнения. Эта практика существовала еще в XII веке до н. э. при дворе чжousких правителей. Специальные чиновники собирали народные песни, чтобы с их помощью определять настроения масс [4. С. 25]. Другой исследователь Линь Юйтан считает, что письменная журналистика в узком смысле слова ведет свое начало в Китае с хроники «Весны и осени» (VIII в. до н. э.). Сбор информации чиновниками по всей стране был широко распространенной практикой, доклады о положении в стране поступали императору [5. С. 202]. Однако основным выводом является то, что в Китае пресса исторически издавалась и соответственно контролировалась из центра (дворца). В эпоху династии Тан (618–907 гг.) существовали печатные документы (например, «Дибобо» – «Столичные известия»), которые могут рассматриваться как прототипы современных газет и журналов. По содержанию они представляли собой регулярные бюллетени новостей о работе органов управления при императорском дворе и его жизни [4. С. 26–27].

Языковая и социальная дифференциация, многослойность и иерархичность в мышлении и миропонимании, особенности восприятия внешней культуры заложили основы китайских СМИ. В отношении цензуры важно отметить еще несколько культурно-философских моментов.

Истоки феномена цензуры: китайская культура общения

Китай является одним из древнейших государств, которое насчитывает тысячи лет своего становления, обладающее даже на сегодняшний день труднодостижимой в понимании культурной средой, абсолютно иной (с точки зрения западных категорий) философской системой, разнообразной языковой средой, аутентичной нравственностью и богатой событиями историей. Чтобы понять жителей Поднебесной, требуется не только владеть устным и письменным языком, быть в контексте исторической канвы, но и по-китайски относиться к жизни. Китайский ученый, философ и писатель Линь Юйтан в своей работе «Китайцы: моя страна и мой народ» в рамках исследования социально-политической жизни китайцев на простых примерах повествует о китайском индивидуализме и причинах отсутствия «духа общности». Китайцы индивидуалисты в том смысле, что их не заботит общество, только семья. Несмотря на то, что в Китае есть понятие «общественного мероприятия», у них нет «духа общности» наравне с «гражданским сознанием» и «социальной службой» – это новые термины из американского миропонимания. Истоки этого упущения ведут к конфуцианской социально-политической философии, в которой произошел переход от семьи – «цзя» (家) к государству – «го» (国). Термином, подходящим под понятие «общества», является «гоцзя» 国家 («государство») в составе которого есть упомянутые морфемы. В подобном логическом сложении кроется особенность китайского миропорядка. В сути перехода, сложения или перетекания проявляется специфическая

особенность структуры сознания. Линь Юйтан проиллюстрировал китайский индивидуализм и слабость общественного сознания феноменом китайской прессы. Каждый занимается своей работой и не сотрудничает с другими коллегами, и причиной тому является отсутствие осознанности в общественной значимости своей работы. Практика кумовства и родовых связей стопорит различные профессиональные процессы. А гипотетический человек, выступающий за социальные реформы, будет помимо того, что выглядеть комичным («человек с отклонением»), вдобавок еще станет тем, кто «влезает в чужие дела» [5. С. 165–168]. Семейная система производит клановую, влияет на общественный строй, в связи с этим выступает в качестве определяющей в сознании китайской нации. В ее коммуникационных особенностях кроются такие коренные проблемы китайского общества, как: «потеря лица», протекция, привилегия, «благодарность» покровительствуемых, правила поведения и отношения со старшими, государственное устройство и другие элементы. Внешняя структура и специфическое содержание такого сознания накладываются на общественные нормы, смешивая тем самым мораль и политику. Основной парадокс этого процесса заключается в том, что КПК с момента своего основания формирует в народе идеи «духа общественности» и «гражданского сознания» посредством СМИ, действуя 疏堵结合, а рядовые граждане предпочитают соглашаться с нововведениями «сверху» и «оставаться в стороне» от происходящего.

Появление и развитие журналистики в современном понимании произошло в связи с экономической реформой 1978 г. До этого времени, как считают специалисты, в Китае преобладала пропаганда. Как и в отношении экономики, контроль прессы был многоуровневым [6. С. 188, 7]. Были созданы соответствующие центральные органы: отдел пропаганды ЦК КПК (中共中央宣传部), отвечающий за контроль идеологии, прессы, телевидения и политики в сфере образования; информационное бюро Госсовета (国务院新闻办公室), отвечающее в целом за информационную безопасность Китая и поддерживающее связи с зарубежными СМИ. С появлением канала связи в виде Интернета и рождением нового поколения осуществлять контроль за обществом, продвигать идеологию и цели правящей партии стало намного сложнее, что привело к созданию в 1998 году и полной реализации в 2003 году проекта одной из самых совершенных систем по ограничению интернет-контента «Great Firewall of China» (信息防火墙、防火长城), который позволяет блокировать сайты, отдельные словосочетания, слова и даже символы (на время или навсегда). Согласно действующему в стране закону о государственной тайне телекоммуникационные и интернет-компании обязаны оказывать содействие полиции в Интернете [8]. В связи с этим на территории Китая проходят рецензирование такие сайты, как Bing, Google, Yahoo и другие их дочерние проекты. Иностранцы СМИ заблокированы вовсе, но были созданы практически все местные аналоги существующих мировых сервисов: аналог фейсбука (Wechat) (21.03.2022 года Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсетей Instagram и Facebook,

принадлежащих Meta, экстремистской, запретив их работу в России), твиттера (Weibo), ютуба (Youku), таким же образом была разработана аналоговая поисковая система Google (Baidu). Цель этих действий состоит в том, чтобы основная масса населения потребляла контент из исключительно местных ресурсов, подконтрольных Коммунистической партии, испытывала наименьшее влияние вестернизации.

Интернет-цензура

В 2010 г. китайское правительство выпустило «белую книгу», в которой было обозначено, что Интернет является «кристаллизацией человеческой мудрости», но имеется ряд причин, по которым граждане не могут в полной мере располагать доступом к ней [9]. В частности, было отмечено, что власть стремится бороться с пагубными последствиями для общественных интересов и безопасности, которые могут возникнуть из-за распространения незаконной информации. «Законы и нормативные акты четко запрещают распространение информации, содержащей контент, подрывающий государственную власть, подрывающий национальное единство или ущемляющий национальные честь и интересы» [8]. Продолжением стал принятый в 2013 году законопроект о «слухах и домыслах», по которому человек несет ответственность за публикацию недостоверной или ложной информации. В него была включена критика центральных властей. Ответственность вплоть до уголовной по этому закону наступает от 500 перепубликаций размещенного сообщения или от 5 тыс. просмотров [10]. Далее, в 2014 г. было основано Управление Центральной комиссии по делам киберпространства (中央网络安全和信息化委员会办公室), главными целями которой стали расширение онлайн-сервисов, урегулирование проблем интернет-безопасности, а также расширение юрисдикции в отношении политики цензуры в Интернете.

Китайское правительство последовательно продвигало этот курс, и в 2017 году мы прослеживаем тенденцию к усиленному «очищению» интернет-пространства: с декабря 2017 года стало известно о том, что Китай заблокировал более 13 тыс. веб-сайтов начиная с 2015 года. При этом информационное агентство Reuters со ссылкой на государственное информагентство «Синьхуа» (新华) утверждало, что большинство жителей Китая поддерживают работу правительства по очистке киберпространства. В декабре 2017 года «Синьхуа» опубликовала результаты опроса, которые показали, что более 90% китайцев поддерживают усилия правительства страны по контролю за Интернетом. 63,5% респондентов сообщили, что за несколько лет объем нежелательного контента в онлайн-пространстве значительно сократился [11]. Однако список мер и постановлений в отношении интернет-пользователей и цензурирования контента этим статистическим подсчетом блокирований не ограничился: в том же году к 5,5 годам тюремного заключения за незаконную настройку VPN-сети и продажу доступа к нему был приговорен

гражданин Китая Ву Сянян; 9 месяцев тюремного заключения Дэн Цзивэю за «незаконный контроль компьютерных систем» (продажа VPN-софта); введение Госканцелярией по делам Интернета обязательной идентификации интернет-пользователей (немаловажным было введение в 2020 году обязательного подтверждения имен пользователей онлайн-игр); блокировка WhatsApp; все китайские телеком-провайдеры по приказу китайского правительства должны были вплоть до 1 февраля 2018 года (после чего наступил полный запрет VPN) заблокировать пользователям доступ к виртуальным частным сетям (VPN). Распоряжение касалось трех государственных телеком-компаний – China Mobile, China Unicom и China Telecom [12]. Были и другие события, преимущественно касающиеся бизнеса или несущие более узкий характер изменений. Самыми громкими событиями стали: блокировка Википедии на всех языках в 2019 году; выдвигание в 2020 году закона о запрете гражданам Китая негативно отзываться о своей стране в Интернете (данный законопроект поделил онлайн-контент на три группы: «поощряемый», «негативный» и «незаконный»); в 2020 году на фоне акций протестов Китай выдвинул закон, предусматривающий создание в Гонконге Комитета нацбезопасности, подчиняющегося властям КНР, и введение наказания в виде пожизненного заключения для тех, чьи действия направлены на подрыв власти. Этим и другим вопросам «клеветы» в Интернете был посвящен форум в Учжэне в сентябре 2021 г. [13].

Что касается интернет-контента, также отметим, что в китайском Интернете есть темы, которые были запрещены изначально. Это темы, связанные с сепаратизмом, вопросы независимости Тибета и Синьцзяна, протесты на площади Тяньаньмэнь в 1989 году и движение «Фалуньгун». По данным Интернет-проекта China Digital Times, созданном в Калифорнийском университете, в постоянно пополняющемся «черном списке» Great Firewall of China за последние семь лет набралось (и продолжает) около 3,5 тыс. слов, аббревиатур и выражений, например: «культурная революция» «рабовладельческий строй», «культ личности», «да здравствует император», «унаследовать престол», «эмиграция», «не согласен», «Ай Вейвей», «1984», даже фраза «посадка на самолет» находится в черном списке, так как звучит как «унаследовать престол» (登机 vs 登基) [14]. В связи с чем китайские интернет-пользователи научились весьма искусно, иносказательно, двусмысленно и иронично, а также с помощью эвфемизмов, омофонов, мемов общаться на политические темы или темы с негативным содержанием определенное время до их блокировки в сети [15, 16]. На сегодняшний день модерирование контента благодаря современным технологиям, «интернет-полицейским» и цензорам крупнейших социальных сетей происходит оперативно и точно. Например, с резким развитием на фоне пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией, стриминговых сервисов, китайские интернет-пользователи с наибольшим рвением перешли в формат онлайн-эфиров, что в итоге привело к скоропостижному запрету нового приложения Clubhouse и усилению ограничительных мер в отношении деятельности многочисленных лайв-стримеров и потреблению их контента согражданами.

Приведенные примеры свидетельствуют об ужесточении политики цензуры в отношении как организаций, так и единичных пользователей Интернета. Однако есть исследования, показывающие и «мягкое» избирательное воздействие надзора в разных сферах. Например, некоторые зарубежные книги запрещены к публикации в Интернете, однако в печатном виде находятся в свободной продаже (например, Д. Оруэлл «Скотный двор» и «1984»). Книга Яна Лианке «Служить народу» была запрещена в Китае, однако к автору не было применено никаких санкций [17]. В 2013 г. американскими учеными было проведено экспериментальное исследование, в котором жители с разных стран оставляли мнения и суждения в китайских соцсетях, и затем анализировалось, какие сообщения были удалены цензорами, какие нет, а какие были отредактированы. В результате оказалось, что сообщения с критикой руководства и политики Компартии почти не удалялись, но любые попытки пользователей с негативными отзывами найти единомышленников пресекались и блокировались [18]. Эксперты видят причины такой избирательности и гибкости цензуры в разном отношении к восприятию информации простыми жителями страны и интеллигенцией. Поскольку информация в Интернете более доступна, нежели печатная продукция, она контролируется более прицельно. В итоге эксперимента авторы пришли к выводу, что главной задачей цензуры признается не изолирование людей от информации, а контроль отдельных тем и их распространения в определенных кругах, стремление «уменьшить вероятность коллективных действий путем обрезания социальных связей» [18].

В большом статистическом исследовании Цюцин Тай из Йельского университета наглядно показано, какие способы и методы в зависимости от условий и целей используются китайскими цензорами в Интернете [6. С. 187]. Основными особенностями цензуры прессы и другого интернет-контента в современном Китае названы следующие: 1) контроль КПК довольно гибкий, варьируется от жесткого запрета до поощрения в зависимости от ситуации; 2) адаптируется в соответствии с новыми реалиями, отделы пропаганды меньше запрещают и блокируют новостные сообщения и мнения, больше «объясняют», «корректируют» и «ведут» их; 3) флексибельность стратегии цензуры позволяет КПК сохранять легитимность независимо от степени информатизации общества. Таким образом, действия соответствующих органов контроля в Интернете с течением времени и развитием технологий становятся более гибкими, возможно следуя концепции «мягкой силы». Строго ограничивая доступ жителей страны к информации и блокируя все негативные комментарии существующего политического строя, нельзя увидеть полной картины народного мнения и настроений. КПК постепенно корректирует курс цензуры от ограничений и запретов к условному руководству общественным мнением, или к комбинации этих действий 疏堵结合.

История и пропаганда

В декабре 2021 года председатель КНР Си Цзиньпин выступил перед деятелями культуры и напомнил о роли, которую они играют в «обновлении

великой китайской нации» и «отражении великой китайской истории». «Необходимо широкое объединение патриотических и преданных своему делу деятелей литературы и искусства под руководством партии», – заявил Си Цзиньпин. «Искусство и культура должны держаться подальше от денег, не становиться рабами рынка и не рассматривать «произведения искусства как товар» [19]. Си Цзиньпин подчеркнул, что «плохое поведение» деятелей культуры, включая художников, писателей, артистов, не будет допускаться, и что они должны «практиковать мораль и порядочность». «Не уважающие себя не будут уважаться» – цитирует Си Цзиньпина государственное телевидение [19]. В зарубежных СМИ мы сталкиваемся с информацией, что правительство Китая очень чутко контролирует создание и распространение материалов, касающихся истории. Ярким примером является цензура исторических документов о Культурной революции. Правительство Китая на сегодняшний день официально осуждает Культурную революцию, однако граждане Китая не имеют возможности разнопланово обсуждать ни лишения того периода, ни политику властей на этот счет.

В этом ключе важно отметить тему «антиисторических инсинуаций» в китайской прессе. В июне 2021 года в Китае был принят закон, который поставил запрет на клевету в отношении военнослужащих. Согласно ему никаким организациям или частным лицам нельзя каким-либо образом порочить и посягать на честь военнослужащих, а также оскорблять и подрывать их репутацию [20, 21]. Также народные прокуратуры смогут предъявлять иски в отношении тех, кто оскверняет честь или репутацию военнослужащих, нарушает их законные права и интересы и негативно влияет на выполнение ими своих обязанностей, что приносит ущерб общественным интересам. Данный законопроект носит достаточно милитаристский уклон и сохраняет тенденцию в области ограничения свободы слова: обозначены условия, что можно обсуждать, а что нельзя. Еще до окончания года СМИ осветили ситуацию, в которой «сработал» данный законопроект. Осенью 2021 года в прокат вышел китайский фильм «Битва при Чосинском водохранилище» (长津湖战役 в жанрах драма, история), в котором рассказывается о китайских добровольцах, помогавших южнокорейским солдатам сражаться против американских «империалистов» в период Корейской войны. Большинству зрителей фильм понравился, однако тем, кому он не понравился, пришлось оказаться в рамках статьи. Один китайский бизнесмен написал у себя в социальной сети, что участие Китая в Корейской войне, возможно, не до конца было обдуманым решением, поставив тем самым под сомнение решения китайского руководства во время сражения при Чосинском водохранилище. После заявления центральное телевидение Китая выпустило гневный сюжет, в котором говорилось, что некоторые люди до сих пор сомневаются в необходимости участия Китая в Корейской войне, позволяя ставить под сомнения «славные страницы истории» КНР своими «антиисторическими инсинуациями» [22]. После чего пост бизнесмена был удален, аккаунт заблокирован, а ему грозило до 3 лет лишения свободы в соответствии с законом о статусе и правах военнослужащих.

Прослеживается тенденция к «очищению» пространства интернет-сети и телевидения от негативных точек зрения. Организациям и частным лицам

не следует «лезть в чужие дела», которые лучше понимают люди, прямо относящиеся к подобного рода вопросам. На этом фоне развивающаяся машина цензурирования продемонстрировала, что она не просто блокирует лишнюю информацию, «очищает» пространство интернет-сети и телевидения от «некорректных» точек зрения, но соответствующим образом реагирует на нее, пытается сформировать общественное мнение и воспитывает патриотическое отношение [23]. На протяжении последних 10 лет наблюдается заметный прирост соответствующих законопроектов. Эта тема в сегодняшних реалиях имеет большой вес, в связи с тем, что подобные социально-политические нововведения касаются не отвлеченных субъектов, корпораций, речь идет о реальных деятелях культуры, журналистах или чиновниках, которых чаще всего и касаются подобные меры.

Заключение

В интернет-пространстве Китая внедрена сложная система ограничения доступа к нежелательному контенту, учитывающая особенности мировосприятия разных групп граждан. Если для категории рядовых пользователей целью цензуры является пресечение коллективной поддержки негативных идей, то для деятелей культуры и других занимающих видное положение в обществе личностей меры пресечения могут быть крайне жесткими. На сегодняшний день китайское правительство имеет огромный ресурс в виде каналов воздействия (полиция, армия) против каких-либо внеплановых изменений. В виду чего строить прогнозы на ближайшие годы если и возможно, то в первую очередь ставя вопрос: какой следующий шаг предпримет Коммунистическая партия Китая?

В ходе рассмотрения особенностей формирования и современных аспектов цензуры СМИ в КНР мы приходим к значимым выводам: феномен цензуры китайского типа неразрывно связан с историческими культурно-философскими ценностями китайского народа; контроль информации не обязательно является крайне строгим, варьируется и быстро адаптируется в соответствии с меняющимися условиями современности, внешнего влияния; при этом прослеживается сохранившееся влияние центральной власти, особенно в отношении сакрализации военных и исторических ценностей КНР. Освещение темы прав и свобод индивида актуально в наше время благодаря глобализации и гуманистическому переосмыслению общества, которые диктуют новые правила в области морали, взаимодействия людей и социальных институтов, а также взаимодействия государств и народов.

Библиографический список

1. Ханьянцзы Л. Внешнеполитический курс современного Китая в отражении национальных СМИ // Век информации. СМИ и внешняя политика Китая. 2014. С. 31–32.
2. Полевой С.А. Периодическая печать в Китае. Владивосток, 1913.

3. Ефименко Е.С., Люлина А.Г. Китайский язык: иероглифическое письмо и его «след» на сознании и менталитете // Языки и культуры: перспективы развития в 21 веке: Альманах. М.: Цифровичок, 2021. С. 378–380.
4. Чжи Ян, Тянь Юехун. Современная журналистика Китая: вечерняя пресса, региональное радио. Минск, 2011.
5. Линь Юйтан. Китайцы. Моя страна и мой народ. Москва, 2011.
6. Qiuqing Tai. China's Media Censorship: A Dynamic and Diversified Regime // Journal of East Asian Studies, 14 (2014). P. 185–209. URL: <https://www.doc88.com/p-5166375218414.html?r=1> Accessed 13 October 2021 (дата обращения: 12.10.2021).
7. Liu Haiyan, Yang Chao. Shilun meiti jianli zhidu jianli (On the Establishment of Media censorship system) // Jinbomei 2014.02. URL: <http://media.people.com.cn/BIG5/n/2014/0213/c375598-24346714.html> Accessed 13 October 2021
8. Bristow M. China defends internet censorship // BBC News. 08.06.2010. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8727647.stm> (дата обращения: 25.12.2021)
9. Erickson A.S. China Defense White Papers – 1995–2019. 23.07.2019. URL: <https://www.andrewerickson.com/2019/07/china-defense-white-papers-1995-2019-download-complete-set-read-highlights-here/> (дата обращения: 12.10.2021).
10. Guojia hulianwang xinxi ban bushu daji wangluo zaoyao chuanbo yaoyan xingwei (Меры Администрации киберпространства Китая по борьбе со слухами и домыслами) // Zhongyang zhengfu menhu wangzhan 02.05.2013. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-05/02/content_2394679.htm (дата обращения: 02.12.2021).
11. China closes more than 13,000 websites in past three years // Reuters. 24.12.2017. Available from: <https://www.reuters.com/article/us-china-internet/china-closes-more-than-13000-websites-in-past-three-years-idUSKBN1E105M?feedType=RSS&feedName=technologyNews> (дата обращения: 12.10.2021).
12. Цензура (контроль) в интернете. Опыт Китая // Tadviser. 16.07.2021. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цензура_\(контроль\)_в_интернете._Опыт_Китая](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цензура_(контроль)_в_интернете._Опыт_Китая) (дата обращения: 10.10.2021).
13. 2021nian shijie hulianwang dahui Wuzhen fenghui shouci juban “Wangluo yaoyan gongzhi” luntan (World Internet Congress in Wuzhen hold first “Joint Management on online Fake News-2021”) // Luoyang wang xinwen 27.09.2021. URL: <http://zonghe.lyd.com.cn/system/2021/09/27/032164954.shtml> (дата обращения: 12.10.2021).
14. Xinlang weibo sousuo minganci liebiao (Sensitive Sina Weibo Search Terms (Updating)) // China Digital Times. 2018. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1UTP9MU80r_N5WPhQ5-4AjM0ebW1eMxyDRe_vaYu9IM (дата обращения: 20.12.2021).
15. Rudolph J. Sensitive words: Xi to ascend his throne // China Digital Times. 26.02. 2018. URL: <https://chinadigitaltimes.net/2018/02/sensitive-words-emperor-xi-jinping-ascend-throne/> (дата обращения: 20.11.2021).
16. Нуриева Л.Ф. Цензура и способы ее «Обхода» в современной прессе Китайской Народной Республики // Modern Oriental Studies. 2019. № 2. С. 11–17.
17. Как работает цензура в Китае: власти КНР научились тонко работать с разными группами населения // News.ru 15.01.2019. URL: <https://news.ru/world/kitaj-cenzura-internet/> (дата обращения 07.12.2021).
18. King G., Pan J., Roberts M.E. Reverse-engineering censorship in China: Randomized experimentation and participant observation // Science 22.08.2014. Vol. 345. URL: https://gking.harvard.edu/files/gking/files/experiment_0.pdf (дата обращения: 07.11.2021).
19. Председатель КНР Си Цзиньпин призвал деятелей искусства к порядочности // АРТГИД 16.12.2021. URL: <https://artguide.com/news/8177> (дата обращения: 07.12.2021).

20. Zhonghua renmin gongheguo junren diwei he quanyi baozhangfa (Закон КНР о защите статуса, прав и законных интересов военнослужащих) // Zhonghua renmin gongheguo tuiyi junren shiwubu (Министерство по делам ветеранов КНР) 11.06.2021. URL: https://www.mva.gov.cn/sy/xx/bnxx/202106/t20210611_48036.html (дата обращения: 20.11.2021).
21. В Китае принят закон, предусматривающий запрет на диффамацию военнослужащих // Russian.News.Cn. 06.10.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-06/10/c_1310000971.htm (Дата обращения: 16.12.2021).
22. “Changjin hu” hegong? Luo Changping hezui? (Достоинства картины «Битва при Чосинском водохранилище» и в чем преступление Ло Чанпина) // VOA Chinese 15.01.2022. URL: <https://www.voachinese.com/a/luo-changping-detained-for-challenging-china-role-in-korean-war-20211017/6273966.html> (дата обращения: 20.11.2021).
23. Luo Yue. Meiti shencha zai Zhongguo (Media Control in China) // Wenmibang. 05.2019. URL: <https://www.wenmi.com/article/pqv3x300fxsj.html> (дата обращения: 20.11.2021).

References

1. Hanxiangzi L. Vneshnepoliticheskiy kurs sovremennogo Kitaya v otrazhenii natsional'nykh SMI. Vek informatsii. *SMI i vneshnyaya politika Kitaya* [The foreign policy course of modern China in the reflection of national media. *Information Age. The media and China's foreign policy*]. 2014, p. 31–32. (In Russ.).
2. Polevoy SA. *Periodicheskaya pechat' v Kitaye* [Periodical printing in China]. Vladivostok, 1913. (In Russ.).
3. Yefimenko ES., Lyulina AG. Kitayskiy yazyk: iyeroglificheskoye pis'mo i yego “sled” na soznanii i mentalitete [Chinese language: hieroglyphic writing and its “trace” on consciousness and mentality]. *Yazyki i kul'tury: perspektivy razvitiya v 21 veke: Al'manakh*, Moscow: Tsifrovichok, 2021, p. 378–380 (In Russ.).
4. Zhi Yang, Tian Yuehong. *Sovremennaya zhurnalistika Kitaya: vechernyaya pressa, regional'noye radio* [Modern journalism in China: evening press, regional radio]. Minsk, 2011. (In Russ.).
5. Lin Yutang. *Kitaytsy. Moya strana i moy narod* [Chinese people. My country and my people]. Moscow, 2011. (In Russ.).
6. Tai Qiuqing. China's Media Censorship: A Dynamic and Diversified Regime. *Journal of East Asian Studies*, 2014;(14):185–209. Available from: <https://www.doc88.com/p-5166375218414.html?r=1> [Accessed 13 October 2021] (In Eng.).
7. Liu Haiyan, Yang Chao. Shilun meiti jiandu zhidu jianli [On the Establishment of Media censorship system]. *Jinbomei* 2014.02 Available from: <http://media.people.com.cn/BIG5/n/2014/0213/c375598-24346714.html> [Accessed 13 October 2021] (In Chin.).
8. Bristow M. China defends internet censorship. *BBC News*. 08.06.2010. Available from: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8727647.stm> [Accessed 25 December 2021] (In Eng.).
9. Erickson AS. *China Defense White Papers – 1995–2019*. 23.07.2019. Available from: <https://www.andrewerickson.com/2019/07/china-defense-white-papers-1995-2019-download-complete-set-read-highlights-here/> [Accessed 22 October 2021] (In Eng.).
10. Guojia hulianwang xinxi ban bushu daji wangluo zaoyao chuanbo yaoyan xingwei [Measures of the Chinese Cyberspace Administration to combat rumors and speculation]. *Zhongyang zhengfu menhu wangzhan* [Central Government Portal] 02.05.2013 Available from: http://www.gov.cn/jrzg/2013-05/02/content_2394679.htm [Accessed 3 December 2021] (In Chin.).
11. China closes more than 13,000 websites in past three years. *Reuters*. 24.12.2017. Available from: <https://www.reuters.com/article/us-china-internet/china-closes-more->

- than-13000-websites-in-past-three-years-idUSKBN1EI05M?feedType=RSS&feedName=technologyNews [Accessed 22 October 2021] (In Eng.).
12. Tsenzura (kontrol') v internete. Opyt Kitaya [Censorship (control) on the Internet. China experience]. *Tadviser*. 16 07 2021. Available from: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цензура_\(контроль\)_в_интернете._Опыт_Китая](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цензура_(контроль)_в_интернете._Опыт_Китая) [Accessed 10 October 2021] (In Russ.).
  13. 2021nian shijie hulianwang dahui Wuzhen fenghui shouci juban “Wangluo yaoyan gongzhi” luntan [World Internet Congress in Wuzhen hold first “Joint Management on online Fake News-2021”]. *Luoyang wang xinwen* 27.09.2021. Available from: <http://zonghe.lyd.com.cn/system/2021/09/27/032164954.shtml> [Accessed 20 November 2021] (In Chin.).
  14. Xinlang weibo sousuo minganci liebiao (Sensitive Sina Weibo Search Terms (Updating)). *China Digital Times*. 2018. Available from: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1UTP9MU80r_N5WPhQ5-4AjM0ebW1eMxyDIRe_vaYy9IM [Accessed 20 November 2021] (In Chin.).
  15. Rudolph J. Sensitive words: Xi to ascend his throne. *China Digital Times*. 26.02.2018. Available from: <https://chinadigitaltimes.net/2018/02/sensitive-words-emperor-xi-jinping-ascend-throne/> [Accessed 20 November 2021] (In Eng.).
  16. Nuriyeva LF. Tsenzura i sposoby yeyo “Obkhoda” v sovremennoy presse Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Censorship and methods of its “Bypass” in the modern press of the People’s Republic of China]. *Modern Oriental Studies*. 2019;(2):11–17 (In Russ.).
  17. Kak rabotayet tsenzura v Kitaye: vlasti KNR nauchilis’ tonko rabotat’ s raznymi gruppami naseleniya [How censorship works in China: Chinese authorities have learned to work subtly with different groups of the population]. *News.ru* 15.01.2019. Available from: <https://news.ru/world/kitaj-cenzura-internet/> [Accessed 17 December 2021] (In Russ.).
  18. King G., Pan J., Roberts ME. Reverse-engineering censorship in China: Randomized experimentation and participant observation. *Science* 22.08.2014. Vol. 345. Available from: https://gking.harvard.edu/files/gking/files/experiment_0.pdf [Accessed 7 November 2021] (In Eng.).
  19. Predsedatel’ KNR Si TSzin’pin prizval deyateley iskusstva k poryadochnosti [Chinese President Xi Jinping urged artists to be honest]. *ARTGID* 16.12.2021. Available from: <https://artguide.com/news/8177> [Accessed 17 December 2021] (In Russ.).
  20. Zhonghua renmin gongheguo junren diwei he quanyi baozhangfa [The Law of the People’s Republic of China on the Protection of the status, rights and Legitimate interests of military personnel]. *Zhonghua renmin gongheguo tuiyi junren shiwubu* [Ministry of Veterans Affairs of the People’s Republic of China]. 11.06.2021. Available from: https://www.mva.gov.cn/sy/xx/bnxx/202106/t20210611_48036.html [Accessed 20 November 2021] (In Chin.).
  21. V Kitaye prinyat zakon, predusmatrivayushchiy zapret na diffamatsiyu voyennosluzhashchikh [China has adopted a law prohibiting defamation of military personnel]. *Russian.News.Cn*. 06.10.2021. Available from: http://russian.news.cn/2021-06/10/c_1310000971.htm [Accessed 16 December 2021] (In Russ.).
  22. “Changjin hu” hegong? Luo Changping hezui? [The advantages of the painting “The Battle of the Chosin Reservoir” and what is the crime of Luo Changping]. *VOA Chinese* 15.01.2022. Available from: <https://www.voachinese.com/a/luo-changping-detained-for-challenging-china-role-in-korean-war-20211017/6273966.html> [Accessed 20 November 2021] (In Chin.).

23. Luo Yue. Meiti shencha zai Zhongguo [Media Control in China]. *Wenmibang*. 05.2019. Available from: <https://www.wenmi.com/article/pqv3x300fxsj.html> [Accessed 20 November 2021] (In Chin.).

Информация об авторах:

Люлина Анастасия Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения РАН, e-mail: alyulina88@gmail.com. ORCID: 0000-0003-0634-8844

Ефименко Елизавета Сергеевна – студент 3 курса бакалавриата, кафедра истории философии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, e-mail: e30li@mail.ru

Information about authors:

Lyulina Anastasia Gennadijevna – PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Researcher of the Department of History and Culture of the Ancient East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, e-mail: alyulina88@gmail.com. ORCID: 0000-0003-0634-8844

Efimenko Elizaveta Sergeevna – student, Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: e30li@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-189-196

Научная статья / Research article

Роль султана Кабуса бен Саида в формировании и реализации внешней политики Омана

Н.С. Ахмедова, Аль-Яфай Али Салих✉

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉alyafai.ali@hotmail.com

Аннотация. В статье анализируется роль султана Кабуса бен Саида в разработке и реализации внешнеполитической стратегии Омана. Придя к власти в 1970 г. и оставаясь на троне почти полвека, он не только вывел свою страну из состояния бедности и отсталости, но и превратил ее в одно из самых успешных и стабильных государств на Ближнем Востоке. Его внешняя политика была нацелена на повышение международного авторитета султаната и укрепление его влияния в регионе. Оманская дипломатическая школа, созданная Кабусом бен Саидом и основывающаяся на политическом прагматизме и реализме, умеренной открытости, осторожности и гибкости, демонстрирует свою эффективность и профессионализм.

Ключевые слова: Кабус бен Саид, Султанат Оман, Ближний Восток, внешняя политика

История статьи: Поступила в редакцию: 20.08.2021. Принята к публикации: 18.11.2022.

Для цитирования: Ахмедова Н.С., Аль-Яфай Али Салих. Роль султана Кабуса бен Саида в формировании и реализации внешней политики Омана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 189–196. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-189-196>

The role of Sultan Qaboos bin Said in the formation and implementation of Oman's foreign policy

Nigina S. Akhmedova, Al-Yafai Ali Salih✉

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklay St, Moscow, Russia, 117198
✉alyafai.ali@hotmail.com

Abstract. The article analyzes the role of Sultan Qaboos bin Said in the development and implementation of Oman's foreign policy strategy. Having come to power in 1970 and remained on the throne for almost half a century, this wise and far-sighted ruler not only brought his country out of poverty and backwardness, but also turned it into one of the most successful and stable states in the Middle East. His foreign policy was aimed at enhancing the international prestige of the Sultanate and strengthening its influence in the region. The Omani diplomatic

© Ахмедова Н.С., Аль-Яфай Али Салих, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

school, founded by Qaboos bin Said and based on political pragmatism and realism, moderate openness, caution and flexibility, demonstrates its effectiveness and professionalism.

Keywords: Qaboos bin Said, Sultanate of Oman, Middle East, foreign policy

Article history: Received: 20.08.2021. Accepted: 18.11.2022.

For citation: Akhmedova NS., Al-Yafai Ali Salih. The role of Sultan Qaboos bin Said in the formation and implementation of Oman's foreign policy. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(2):189–196. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-189-196>

Султанат Оман, страна, прославленная легендой о Синдбаде-мореходе, раскинувшаяся на берегах Персидского (в арабской интерпретации – Арабского) и Оманского заливов. За последние несколько десятилетий султанат из отсталого британского владения превратился в одну из стабильных и процветающих стран Арабского Востока. Бывший правитель Омана Кабус бен Саид Аль Саид, возглавлявший государство на протяжении пяти десятков лет, стал воплощением сильного и успешного лидера, который буквально совершил социальную и экономическую революцию, модернизировав и усовершенствовал оманское общество. В качестве основы внешнеполитического курса султан Кабус избрал повышение международного авторитета страны и укрепление ее влияния в Ближневосточном регионе.

Султан Кабус родился 18 ноября 1940 г. в городе Салале, является восьмым потомком, прямо восходящим к имаму Ахмеду бен Саиду – родоначальнику правящей династии Аль-Бусаид. Получив начальное образование в родном городе, в 1958 г. он отправился в Великобританию, где окончил частный колледж в графстве Саффолк, а в 1962 г. – Королевскую военную академию в Санджерсте, в графстве Беркшир. По ее окончании Кабус был отправлен в Германию в составе британского пехотного батальона. Вернувшись в Великобританию, он решил постичь азы местного самоуправления. Позже, в 1964 г., по требованию отца Саида бен Таймура ему пришлось отправиться на родину, где он принялся изучать основы исламского права и историю своей страны [1. С. 47]. 23 июля 1970 г. в результате бескровного переворота Кабус пришел к власти. Именно с этого момента начинается глобальная трансформация и модернизация султаната.

В результате правления консервативного лидера и сторонника ограничений и запретов Саида бен Таймура Оман столкнулся с многочисленными проблемами, которые требовали скорейшего разрешения. В реформировании нуждались финансовая сфера, здравоохранение, образование, армия, инфраструктура, внешнеполитические связи [2]. Вновь образованное государство практически не имело дипломатических отношений со странами мира (за исключением Индии и Великобритании) – предстояло поднять авторитет страны на международной арене.

Основы внешнеполитического курса Омана

Согласно Конституции Омана, приоритетные направления внешней политики, ее курс и характер определяет султан, являющийся одновременно

главой законодательной и исполнительной ветвей власти. Маскат придерживается принципов разумного прагматизма во внешнеполитической стратегии. В Конституции Омана прописаны основные принципы, на которых строятся внешние сношения, и они заключаются в «укреплении уз сотрудничества и дружбы со всеми государствами и народами на основе взаимного уважения, общности интересов, соблюдения норм международного права, международных и региональных соглашений и договоров в целях укрепления мира и безопасности между странами и народами» [3].

Султан Кабус охарактеризовал внешнеполитический курс страны следующим образом: «Внешняя политика строится на прочных основах, которые остаются неизменными: это деятельность, направленная на поддержание безопасности, мира и благополучия всего человечества» [4. С. 103]. Большое влияние на характер внешнеполитического курса Омана оказала приверженность значительной части населения страны (ок. 45%) ибадитскому течению исламского вероучения. Это направление отличается своим миролюбием, религиозной терпимостью, взаимопониманием, мирным сосуществованием и необходимостью урегулировать любые конфликты и противоречия исключительно мирным путем [5]. Сам султан, у которого отец исповедовал ибадизм, мать – суннизм, а значительная часть его окружения во дворце – шиизм, делал ставку на религиозную терпимость и толерантность.

С приходом к власти султана Кабуса руководство Омана приступило к установлению дипломатических отношений с другими странами. За короткое время была создана развитая инфраструктура для поддержания политических и иных контактов и связей с внешним миром. Султанат постепенно встал на путь завоевания доверия и авторитета не только среди оманского населения, но и арабских стран и мирового сообщества в целом.

Ближневосточный вектор внешней политики Султаната Оман

Приоритетным направлением внешней политики Султаната является Арабский Восток. Поддержание тесных и дружественных отношений с братскими странами обеспечивает стабильность и безопасность в регионе. При этом стоит заметить, что Оман проявляет чрезвычайную гибкость и осторожность в словах и действиях. Оманское руководство предпочитает не вмешиваться в межарабские разногласия и конфликты, одновременно позиционируя себя в качестве посредника в разрешении споров между странами.

Подтверждением тому является позиция, занятая Маскатом по ирано-иракской войне 1980–1988 гг. Оман придерживался нейтралитета, не поддерживая ни одну из воюющих сторон. Более того, в сотрудничестве с арабскими и иностранными медиаторами он способствовал скорейшему завершению военного конфликта. Во время ирако-кувейтского военного столкновения 1990–1991 гг. султан Кабус высказывал серьезную озабоченность насчет того, что такие события могут расшатывать региональную безопасность.

Принцип невмешательства во внутренние дела других государств, которого неизменно придерживался султан Кабус на протяжении всего периода

пребывания на троне, также является основополагающим во внешнеполитическом курсе страны. События недавних лет также подтверждают традиционный подход султана к выстраиванию отношений с региональными акторами, основанный на осторожности и прагматизме. Султан Кабус не разорвал дипломатические отношения с Катаром в 2017 г., подобно своим соседям в лице Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейна, а также Египту, которые обвиняли Катар в налаживании тесных связей с Ираном и финансировании радикальных группировок. Оман выступает за такой баланс сил в регионе, в котором было бы уравновешено влияние Саудовской Аравии и Ирана.

Султанат при Кабусе бен Саиде традиционно поддерживал позитивные отношения с Ираном, этот внешнеполитический курс остался неизменным и при новом руководстве страны. У Омана сложились, пожалуй, самые тесные отношения с Тегераном из всех государств ССАГПЗ, поскольку Иран является его крупным северным соседом. Через год после вхождения на трон, в 1971 г., султан Кабус нанес визит в ИРИ, полагая, что, вступив в постколониальную эпоху, «нельзя допустить обострения соперничества, должны быть учтены интересы и согласованы позиции всех стран, на судьбе которых отражаются эпохальные изменения в Заливе» [6. С. 81]. Их беседы с шахом носили достаточно доверительный характер. Тогда шаха очаровали прямота и достоинство султана во время ведения переговоров. Вскоре между монархами начали складываться особые отношения, нацеленные на поддержание мира в таком беспокойном регионе.

Поддержание союзнических и в то же время прагматичных связей с Ираном обусловлено интересом оманского руководства к созданию в зоне Персидского залива эффективной системы безопасности. Огромный стратегический и политический вес Ирана в регионе является неоспоримым фактом, поскольку обусловлен его географическим положением, численностью населения, экономическим и военным потенциалом. К тому же оба государства контролируют Ормузский пролив – стратегический водный путь, по которому осуществляется мировая торговля, в том числе энергетическими ресурсами. Известно, что каждые 10 минут через пролив проплывает один танкер, что соразмерно с 40% мировых транзитных перевозок нефти. Учитывая стратегическое положение Ирана, султан Кабус видел в лице «северного соседа» политического и экономического партнера, укрепление отношений с которым не должно было стать камнем преткновения в сотрудничестве с арабским обществом и мировым сообществом [7. С. 117].

Независимый курс Омана прослеживается и в отношениях с Израилем, несмотря на существовавший длительное время общеарабский антагонизм с еврейским государством. В 1978 г. Кабус единственный из лидеров аравийских монархий признал Кэмп-Дэвидские соглашения и не разорвал дипломатические связи с Египтом после подписания им в 1979 г. мирного договора с Израилем.

Дипломатические отношения между Израилем и Оманом были установлены в 1994 г., однако через шесть лет они были прерваны в связи с началом Второй интифады. Потепление в двусторонних отношениях началось

лишь в начале 2018 г., когда политические и военные круги обеих стран начали искать возможности для взаимных контактов, и премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху совершил визит в Маскат. На встрече премьер-министра Израиля с лидером Омана обсуждались вопросы мирного урегулирования конфликтов на Ближнем Востоке. Первоочередной темой было палестино-израильское урегулирование, о важности которой свидетельствовал и тот факт, что вслед за Б. Нетаньяху Маскат посетил палестинский лидер Махмуд Аббас.

Бывший министр иностранных дел Омана Юсуф бен Алауи отметил, что «Израиль – это государство, которое существует в регионе, и мы все прекрасно понимаем это. Мир тоже осознает это, и, возможно, настало время относиться к Израилю так же, как и к другим государствам, чтобы он мог выполнять те же обязательства» [8]. Султан прекрасно осознавал, что Израиль является одним из ключевых игроков на Ближнем Востоке, пользующийся серьезной поддержкой США. Тем не менее, Оман до сих пор не имеет дипломатических отношений с Израилем, поскольку руководство страны относится негативно к действиям Израиля по отношению к палестинскому народу.

Несмотря на потепление отношений с Израилем, оманское руководство не забывает и о палестинской проблеме. Кабус бен Саид всегда поддерживал позитивные инициативы, направленные на решение палестинского вопроса, придавал особое внимание восстановлению законных прав палестинского народа и признавал их право на собственное независимое государство во благо достижения полноценного справедливого мира на Ближнем Востоке [9].

Урегулирование сирийского кризиса также находилось в повестке дня оманского руководства. Кабус отказался от прямой критики президента САР Башара Асада, тем не менее, призывал Дамаск принять мирный план ЛАГ, подразумевавший передачу Асадом власти своему заместителю. По его мнению, «для решения проблемы необходимо терпение, настойчивость и время. Дамаск должен принять мирный план ЛАГ» [4. С. 107].

Глава Султаната всегда стремился к проведению независимого внешнеполитического курса, зачастую несколько отличавшегося от политики арабских государств – членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) [10]. Тщательно продуманная и динамичная политика Маската по отношению к соседям в значительной степени способствовала стабилизации обстановки в регионе. В начале своего правления Кабус бен Саид поставил перед собой задачу полностью урегулировать территориальные споры с соседними странами мирным путем без применения актов агрессии или давления и провести демаркацию и делимитацию государственной границы. Отвечая на вопрос о пограничных проблемах журналистам ливанской газеты «Аль-Хаят», Его Величество Султан Кабус сказал: «Пограничные проблемы на самом деле не оказывают влияния на основы деятельности Совета. Однако в них нет и ничего приятного, должен быть радикальный путь их решения раз и навсегда» [11. С. 91]. Оман разрешил территориальные споры с Саудовской Аравией, эмиратом Шарджа,

пошел на значительные уступки своему южному соседу – Йемену, предоставив ему большую часть спорных земель. Именно благодаря оманской дипломатии в настоящий момент отношения между братскими странами развиваются в позитивном ключе, в том числе путем поддержания тесных экономических связей и реализации совместных инвестиционных проектов. Таким образом, Оман из всех стран Аравийского полуострова стал образцом для подражания как государство, сумевшее превратить пограничные разногласия в зону сотрудничества.

Отношения со странами Запада и Россией

В реализации западноевропейского и американского направлений внешней политики султан Кабус придерживался тех же принципов прагматизма, действуя во благо монархии и собственного народа. Султану удалось поддерживать контакты с США несмотря на то, что он сотрудничал с Ираном – «заключенным врагом» Белого дома. На территории Омана расположена американская военная база, однако, по словам Кабуса, Оман никогда не позволит США использовать страну в качестве плацдарма для нанесения ударов по Ирану. Принимая во внимание значимость Султаната для американской политики в регионе Персидского залива, Вашингтон открыто не критиковал дружественные отношения между Оманом и Ираном [12. С. 283]. Более того, Вашингтон использовал Оман в качестве посредника для разрешения разногласий и установления контактов с ИРИ.

Наиболее глубокие и стабильные отношения Оман поддерживает с Великобританией, которая остается ведущим партнером султаната в политической, торговой и военно-технической областях. В ноябре 2010 г. Королева Елизавета II и Герцог Эдинбургский прибыли в Оман в честь 40-летия правления султана Кабуса. В рамках визита министр иностранных дел Султаната Юсуф бен Алауи бен Абдалла и министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг подписали в Маскате соглашение о введении безвизового режима для дипломатов и обладателей специальных паспортов. В сфере военно-технического сотрудничества Лондон и Маскат добились больших успехов. Лондон оказал поддержку Султанату в деле повышения боеспособности военно-воздушных сил Омана и в строительстве регулярной современной армии.

Отношения Омана и России изначально строились на основе взаимовыгодного сотрудничества. Его Величество султан Кабус бен Саид высказал мнение относительно перспектив оmano-российского взаимодействия: «Наши взаимоотношения прекрасны. Они вначале развивались медленно, но затем приобрели динамику. Развитие идет в положительном направлении. Я уверен, что наши отношения и дальше будут укрепляться» [6. С. 93]. По ряду вопросов, таких как палестинский, йеменский кризисы, позиции глав двух государств совпадают. И Москва, и Маскат придерживаются принципов невмешательства во внутренние дела государств и предоставления народам права на самоопределение.

Заключение

Таким образом, встав во главе Султаната Оман, Кабус бен Саид смог превратить закрытую, изолированную от всего мира страну в процветающее государство, роль которого в регионе весьма значительна. Пересмотр внешнеполитической стратегии отца, преодоление изоляционизма и разработка принципиально нового курса, нацеленного на интеграцию и взаимодействие с аравийскими монархиями и другими международными акторами, послужили основой для укрепления позиций страны в регионе с обладанием решающего голоса в региональных организациях и интеграционных союзах.

На сегодняшний день Оман, благодаря той основе во внутренней и внешней политике, которую заложил султан Кабус, представляет собой наиболее стабильное государство в регионе. Оманская дипломатическая школа, созданная Кабусом бен Саидом, включает стратегию политического прагматизма и реализма, умеренной открытости, осторожности и гибкости. Будучи одним из выдающихся арабских политиков и дипломатов, за полувековой срок нахождения на оманском троне он превратил свою страну в динамично развивающееся государство, причем при сохранении верности исламским и традиционным устоям и ценностям, поддерживал дружеские связи практически со всеми странами мира, порой враждебными по отношению друг к другу. Благодаря незаурядным качествам политика, дипломата, посредника, лидера и отца народа султан Кабус бен Саид заслужил уважение как оманского народа, так и глав государств и высокопоставленных чиновников других стран мира. Память о таком выдающемся человеке сохранится на века в сердцах многих людей.

Библиографический список

1. *Исаев В.А., Филоник А.О.* Султанат Оман (очерк общественно-политического и социально-экономического развития) // Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН. М.: «НИОПИК», 2001.
2. *Maseud Dahir.* Alaistimariyat waltaghyir fi tajribat altahdith aleamania. Dar al-farabi. Beirut, 2008. (на араб яз).
3. *Constitution of the Sultanate of Oman.* Muscat, 1996.
4. *Аль-Балуши Абдалла Ахмед.* Султан Омана Кабус бин Саид: политик и дипломат // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. 2012. № 1. С. 103–111.
5. *Хашем Асман Мухаммед.* Исторические достижения Султана Кабуса. Каир, 2011.
6. *Плеханов С.Н.* Реформатор на троне. Султан Омана Кабус бин Саид. М.: Международные отношения, 2003.
7. *Allen Calvin H.* Oman: the Modernization of the Sultanate. London: Croom Helm, 1987.
8. *Юрченко В.П.* Оман: проблемы национальной безопасности // Институт Ближнего Востока. URL: www.iimes.ru (дата обращения: 25.03.2021).
9. *Косач Г.Г.* Арабский мир: идентичность и структура геополитического региона, 19.04.2009 // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/> (дата обращения: 27.03.2021).
10. *Савичева Е.М.* Арабский Восток: исторические факты и выдающиеся личности. М.: РУДН, 2004.
11. *Аль-Амри Мохамед Саид Мохамед Каналат.* Международно-правовое регулирование территориальных споров между государствами Аравийского полуострова: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. Казань, 2004.

12. Joseph A. Kechichian. *Oman and the World. The Emergence of an Independent Foreign Policy*. RAND Corporation, 1995.

References

1. Isaev VA., Filonik AO. *Sultanat Oman. Ocherk obshchestvenno-politicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Sultanate of Oman (Outline of Social, Political and Economic Development)]. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow: NIOPIK; 2001. (In Russ.).
2. Maseud Dahir. *Alaistimrariat waltaghyir fi tajribat al-tahdith aleamania*. [Constancy and change on the example of modernization of Oman]. Dar al-farabi. Beirut, 2008. (In Arab.).
3. Constitution of the Sultanate of Oman. Muscat, 1996. (In Arab.).
4. Al-Balushi Abdallah Ahmed. Sultan Omana Kabus bin Said: politik i diplomat [Sultan of Oman Qaboos bin Said: politician and diplomat]. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2012;1:103–111. (In Russ.).
5. Hashim Euthman Muhammed. *Al'aemal alttarikhiat lilsultan qabus*. [Historical Achievements of Sultan Qaboos]. Cairo, 2011. (In Arab.).
6. Plekhanov S.N. *Reformator na trone. Sultan Omana Kabus bin Said*. [Reformer on the throne. Sultan of Oman Qaboos bin Said]. Moscow: International Relations; 2003. (In Russ.).
7. Calvin AH. *Oman: the Modernization of the Sultanate*. London: Croom Helm; 1987.
8. Yurchenko VP. *Oman: problemy natsional'noy bezopasnosti*. [Oman: problems of national security]. Institute of the Middle East. Available from: www.iimes.ru. Accessed: March 25, 2021. (In Russ.).
9. Kosach GG. *Arabskiy mir: identichnost' i struktura geopoliticheskogo regiona*, 19.04.2009. [The Arab World: Identity and Structure of the Geopolitical Region, April 19, 2009]. Institute of the Middle East. Available from: <http://www.iimes.ru/>. Accessed: March 27, 2021. (In Russ.).
10. Savicheva EM. *Arabskiy Vostok: istoricheskiye fakty i vydayushchiyesya lichnosti*. [The Arab East: Historical Facts and Prominent Personalities]. Moscow: RUDN; 2004. (In Russ.).
11. Al'-Amri Mokhamed Said Mokhamed Kanalat. *Mezhdunarodno-pravovoye regulirovaniye territorial'nykh sporov mezhdu gosudarstvami Araviyskogo poluostrova*. [International legal regulation of territorial disputes between the states of the Arabian Peninsula] [dissertation]. Kazan; 2004. (In Russ.).
12. Kechichian Joseph A. *Oman and the World. The Emergence of an Independent Foreign Policy*. RAND Corporation. 1995.

Информация об авторах:

Ахмедова Нигина Сухбатовна – студент бакалавриата, кафедра теории и истории международных отношений, направление «Зарубежное регионоведение», Российский университет дружбы народов, e-mail: akhmedova.de@gmail.com

Аль-Яфай Али Салих – аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, e-mail: alyafai.ali@hotmail.com

Information about the authors:

Akhmedova Nigina Sukhbatovna – student of the Department of Theory and History of International Relations (Foreign Regional Studies), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: akhmedova.de@gmail.com

Al-Yafai Ali Salih – postgraduate student, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: alyafai.ali@hotmail.com

ВОСТОК-ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-197-210

Научная статья / Research article

Китайские концепции и возможности в информационной войне: соперничество КНР и США в киберпространстве

Е.Ю. Каткова✉, А.С. Юнющкина

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉katkova-eyu@rudn.ru

Аннотация. В статье авторы затрагивают возникающие угрозы информационной безопасности, имеющиеся между двумя крупными державами – Китаем и США. Информационное противостояние между этими странами носит стратегический характер, истоки которого уходят в киберпространство. В статье анализируются различные подходы специалистов из КНР и США к политике по оказанию противодействия данным угрозам. Также авторы рассматривают формы и методы, необходимые для урегулирования возникающих вызовов и угроз в информационной сфере. Жесткое соперничество Китая и США, которые являются самыми крупными экономиками и больше всего инвестируют средства на развитие военно-технического комплекса, будет явно отражаться в информационной сфере.

Ключевые слова: информационная война, кибербезопасность, КНР, США, информационные технологии, стратегии, потенциал

История статьи: Поступила в редакцию: 20.05.2021. Принята к публикации: 27.10.2021

Для цитирования: Каткова Е.Ю., Юнющкина А.С. Китайские концепции и возможности в информационной войне: соперничество КНР и США в киберпространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 197–210. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-197-210>

Chinese Concepts and Opportunities in Information Warfare: China–US Rivalry in Cyberspace

Evgeniya Yu. Katkova✉, Anna S. Yunyushkina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklay St, Moscow, Russia, 117198
✉katkova-eyu@rudn.ru

Abstract. The research is devoted to the emergence of threats to information security and competition in cyberspace between the two largest powers – China and the United States. Over

© Каткова Е.Ю., Юнющкина А.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the past ten years, China has been actively developing offensive cyber capabilities, turning into a state with a combat-ready and modern army. Its technological level is behind the United States in many areas, but Beijing is rapidly closing the gap. Today, the information confrontation between these countries is of a strategic nature. Both China and the United States are investing large sums of money in the development of cyber technologies. The authors examine the different approaches of China and the United States to the methods of waging information wars and countering various challenges and threats in cyberspace. In conclusion, the authors come to the opinion that China will actively develop information technologies and build up its strategic potential in this area in the near future, which will lead to tougher competition among major powers in cyberspace.

Keywords: information war, cybersecurity, China, USA, information technology, strategic potential

Article history: Received: 20.02.2021. Accepted: 27.10.2021.

For citation: Katkova EYu., Yunyushkina AS. Chinese Strategies and Opportunities in Information Warfare: China–US Rivalry in Cyberspace. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(2):197–210. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-197-210>

Введение

В последние годы Китайская Народная Республика продемонстрировала большой интерес к методикам ведения информационной войны. В основе китайских постулатов по ее ведению лежат благоприятные условия для «восстановления своего законного места ведущей державы в Азии» [1. С. 387], а также дальнейшего выживания и процветания своего народа. Информационная война в целом не является новым явлением и практиковалась с древности, в том числе такими великими полководцами, как Ксеркс и Александр Великий [2. С. 8]. Военные ученые относят ее происхождение к трудам китайского стратега, жившего в V в. до нашей эры, Сунь-цзы. С древних времен в Китае существовала сфера информационного противоборства, которая дала начало особой философии, заключающейся в дезинформационном воздействии на окружающий мир, а также в своеобразном стиле мышления человека. Большинство положений данной философии было представлено в учениях военного теоретика Сунь-цзы, работы которого постоянно переводятся на иностранные языки [3. С. 38]. Для Китая в тот период времени использование дезинформации при ведении военных действий было весьма актуально, поэтому работы данного стратега являлись важным источником полезной информации. В настоящее время произведения древнекитайского стратега продолжают пользоваться большим интересом, активно используются в качестве учебных пособий для обучения персонала спецслужб, государственных и иных организаций, сфера деятельности которых тесно связана с кибербезопасностью. Распространение новых технологий и Интернета позволило странам практиковать современные формы информационной войны друг против друга инновационными способами [4. С. 444].

На сегодняшний день известно, что многие страны, в том числе демократические, используют информацию для достижения стратегических целей.

И демократии, и автократии стремятся развивать свои кибертехнологии, чтобы получить преимущество в оборонительных и наступательных возможностях. Однако в этой области автократии находятся в более выигрышном положении. Во-первых, в демократических странах гражданское общество требует прозрачности при принятии решений и при формировании бюджета, что значительно ограничивает военные круги в финансовых вопросах. Во-вторых, оборонительные технологии у демократий также менее развиты, в частности, дезинформация легко проникает в национальные сегменты Интернета благодаря свободе слова, что делает очень трудными попытки найти и заблокировать вредоносные сообщения или фэйки, проникающие через рекламу и соцсети. В то время как автократии либо уже выработали механизмы для регулирования Интернета, в частности китайский «Золотой щит» (金盾工程), либо стремятся к контролю путем совершенствования национального законодательства в этой сфере. Таким образом, у Китая есть сравнительное преимущество перед США и другими западными странами в оборонительных и наступательных технологиях ведения информационной войны.

Блестящие достижения США в сфере развития информационных технологий в конце XX в. привело к тому, что Китай начал проводить политический курс, направленный на разработку стратегий для ведения информационной войны.

В прошлые десятилетия в КНР прошла военная модернизация, которая вызвала озабоченность у международного сообщества, поскольку Китай сконцентрировался на развитие сетевых сил, а именно: запустил программу по ведению разработок в области тактики ведения информационной войны, которые предполагают наличие специальных подразделений и специально обученных кадров, обладающих необходимыми знаниями и навыками в области информационных технологий и передовых систем [5. Р. 100]. Как правило, подготовка таких специалистов происходит в государственных академиях, университетах и специальных учебных заведениях. Большое внимание руководство КНР уделяет вопросу привлечения молодых специалистов в сферу информационных технологий. Увеличивающаяся с каждым годом численность пользователей интернет-пространства в Китае позволяет определить наиболее активных и продвинутых любителей. Кроме того, для поддержания обороноспособности своей страны Пекин, в отличие от демократических стран, может использовать значительные ресурсы и тратить огромные средства на разработку современных доктрин ведения информационной войны [6. С. 63]. Быстрое развитие военных технологий превращает КНР в одного из глобальных лидеров ведения информационной войны [3. С. 40, 68, 73]. Китай рассматривает информацию в качестве центрального инструмента государственной и военной мощи [7. С. 56]. Благодаря огромному успеху в разработке и внедрению информационных технологий, стремительным изменениям ядерного оружия, баллистических ракет и космических инноваций КНР имеет все шансы в ближайшее время выйти на передний план по программам проведения информационных войн.

Соперничество Китая и США в информационной сфере

В 1997 и 1999 гг. американские военные испытали на себе первые атаки китайских хакеров, что заставило правительство США задумать о реальной угрозе национальной безопасности со стороны КНР [8. С. 81]. Серия атак на гражданские и военные базы США оказались неожиданными для Центрального американского командования и управления, что вызвало обеспокоенность в самых высоких политических кругах. Сегодня Китай применяет информационные атаки в целях обеспечения безопасности в Юго-Восточной Азии, регионе, который также занимает важное место во внешней политике США. Особое место информационная безопасность стала играть в свете последних событий в регионе, в частности после начала конкуренции КНР и США за влияние в Азии.

С начала XXI в. в отношении некоторых крупных правительственных систем США были предприняты крупные кибератаки со стороны Китая. По мнению ряда американских специалистов, данные атаки тщательно готовились и разрабатывались благодаря полученной информации от разведывательных служб. Целью данных атак были сети Интернета интересующих объектов инфраструктуры и поиск слабых и уязвимых мест [9. С. 12]. Для эффективности кибератак по оборонным и промышленным учреждениям США Пекин прибегает к использованию технического оборудования, находящегося под непосредственным контролем Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Вашингтон полагает, что руководство Китая продолжит проводить операции по получению не только данных оборонного и научно-технического характера, но и сконцентрируется на сборе развединформации политического и экономического характера, касающейся коммерческих и неправительственных организаций, что находится под юрисдикцией министерства государственной безопасности КНР [9. С. 7]. Дополнительно необходимо отметить широкий масштаб кибершпионажа со стороны Китая, который нацелен на государственный и частный сектора США. Например, американская компания AMSC подверглась кибератаке со стороны КНР, направленной на получение программного обеспечения для дальнейшего применения в государственном предприятии Sinovel, что заметно сказалось на доходной стороне американской компании [10. С. 48]. Промышленному кибершпионажу со стороны Китая также подверглась и канадская телекоммуникационная компания Nortel [11. С. 50]. Быстрые темпы экономического развития КНР позволяют Пекину наращивать эффективность промышленного шпионажа против западных стран.

С 2010-х гг. соперничество Китая и США в информационном пространстве продолжает увеличиваться, что может привести к более «горячему» конфликту, который повлияет на современную международную ситуацию. В 2010 г. США обвинили Китай во взломе электронных ящиков правозащитников, что привело к тому, что к 2013 г. начались жесткие взаимные обвинения со стороны официальных лиц двух государств. В марте 2013 г. президент США Б. Обама выступил со специальным распоряжением,

касающееся процедур государственных закупок высокотехнологических решений. По данному распоряжению Госдепартамент США запрещал сотрудничество с Китаем в сфере закупок IT-оборудования для организаций государственного сектора [12]. Это распоряжение вызвало недовольство как внутри США, так и за рубежом. В результате значительные убытки понесли производители, которые напрямую зависят от производственных мощностей Китая, а именно IT-гиганты, такие, как Apple, Dell, HP и т.д. Кроме того, пострадал и сам Китай. Руководство Китая выразило протест против подобных действий со стороны президента США, так как выдвинутые подозрения в отношении китайских компаний не имеют никаких оснований, а значит данная политика больше напоминает нерыночные методы протекционизма [13. С. 312].

Весной 2013 г. Минобороны США выступило с докладом перед Конгрессом «Военный и безопасный потенциал КНР в 2013 г.», в содержании которого обвинило правительство Китая и НОАК в проведении враждебных кибератак по Министерству обороны США и другим ключевым американским учреждениям. КНР активно применяет компьютерные технологии для поддержки разведывательной деятельности, которая направлена против дипломатических организаций и учреждений США, экономического и промышленного секторов обороны [14. С. 36]. Американское руководство считает, что Китай пытается установить контроль над интернет-пространством в целях расширения своего «цифрового суверенитета». В мае 2013 г. на Азиатском саммите по безопасности в Сингапуре тогдашний министр обороны США Ч. Хейгл заявил о том, что количество кибератак со стороны КНР по объектам военного и правительственного назначения постоянно увеличивается [15]. На данное заявление директор Центра китайско-американских отношений в сфере обороны, созданный при Академии военных наук НОАК генерал-майор Яо Юньчжу ответил, что Вашингтон постоянно наращивает военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, тем самым ставит под вопрос китайско-американского доверия [16].

Таким образом, становится понятно, что Китай и США в открытой форме признают вопросы информационной войны и классических форм военного присутствия, которые играют важное место в системе региональной и глобальной безопасности. КНР с каждым годом совершенствует и развивает стратегию ведения сетевой информационной войны, что оказывает непосредственное влияние на политику Соединенных Штатов [5. С. 110].

Концепции Китая по ведению информационной войны

Концепция «Информационной войны» возникла в середине 90-х гг. XX в. в научных и научно-исследовательских кругах США в качестве объекта для обеспечения интеллектуальной безопасности государства. Постепенно «интеллектуальная лихорадка» охватила и политическое руководство Китая, в результате чего начались обширные разработки по обеспечению информационной безопасности [17. С. 440]. Пекин считает, что информация и информационная

безопасность имеет важное значение для выживания КПК, в связи с чем доминирование в этой области может помочь это обеспечить. Никто не мог ожидать от Китая такого быстрого подъема в данной области, так как не было ни одного опубликованного заявления со стороны Пекина, который в то время активно занимался секретными разработками для поддержания национальной безопасности. Таким образом, можно говорить о возрастающем интересе Китая к тактикам и инструментам информационной войны и триумфальном завершении информационной революции [17. С. 426].

Китайская концепция сетевой войны открывает для китайского руководства и военных специалистов дальнейшие перспективы и возможности ведения работ по созданию и внедрению новейших образцов технологий. Китай время от времени организует собрания по обсуждению методов ведения информационной войны [18. С. 312], а военные специалисты КНР разрабатывают необходимые теоретические концепции для ее успешного проведения [19. С. 280].

В настоящее время КНР встал на путь поиска информационного превосходства. Китайцы ведут разработки возможностей применения технологий ведения информационной войны для достижения своих политических целей. Это не является прямой угрозой для национальной безопасности США, но ставят Вашингтон в уязвимое положение [19. С. 281].

К основным последствиям информационной революции в Китае можно отнести: во-первых, то, что Пекин признает значение высокотехнологичных инноваций и новых информационных технологий; во-вторых, Пекин намерен стать крупной политической и экономической державой, а также прочно укрепить свои позиции на международной арене. Стоит отметить, что руководство КНР придает важное значение экономическому развитию страны, которое является высшим национальным и государственным приоритетом в информационно-экономической сфере; в-третьих, китайские специалисты верят, что благодаря постоянно растущей национальной мощи Китай продолжит удерживать лидирующие позиции среди ведущих игроков многополярного мира; наконец, способность успешно конкурировать экономически и вести высокотехнологическую войну станут основными национальными компонентами силы и мощи Китая [6. С. 65].

Стоит отметить, что информационные войны способствуют компенсации качества и количества вооруженных технологий в Китае, так как методы ведения информационной войны позволяют китайскому руководству вести отдаленную и засекреченную войну с сильнейшими военными державами, такими как США и Россия [20. С. 300]. В основе ведения информационных войн в Китае лежат неортодоксальные методы и возможности, которые позволяют избежать нападений и атак со стороны противника. Китай находится в постоянном процессе разработки тактик, направленных на сдерживание и обеспечение победы по отношению к сильнейшим державам. По оценкам некоторых специалистов, у Пекина есть большой потенциал для достижения превосходства над США в информационной сфере [21]. Китай имеет возможность атаковать весьма уязвимые инфраструктурные объекты США или оказывать

влияние на внутривосточные процессы, тем самым ослабляя и подрывая позиции Америки на международной арене. Мысли Мао Цзэдуна по ведению войны, используя слабости в целях достижения победы над сильным противником, до сих пор имеют значительное влияние на умы высших китайских военных [22. С. 899]. Китайские специалисты также считают, что информационная война является своеобразной ареной, на которой определяется верховенство среди мировых держав. Правительство Китая верит, что информационная война способствует быстрому наращиванию военной мощи Поднебесной [18. С. 313].

Военное превосходство над США рассматривается в Китае как главный ориентир для преодоления и решения всех проблем в информационном и военном плане. Китай уверен, что новые информационные технологии значительно повысят производительную мощь имеющегося оборудования без весомых издержек. К примеру, такие средства сбора информации, как спутники и связанные с ними системы разведки, требуют существенных финансовых вложений, поэтому, за последние два десятилетия Пекин проводит рациональную экономическую политику в целях стабильного развития информационных технологий.

Подход китайского руководства к определению информационной безопасности значительно расходится с западным пониманием смысла обеспечения кибербезопасности. Например, западный подход существенно противоречит китайскому в отношении степени открытости глобальной сети [23. С. 130]. Жесткий контроль Интернета в КНР нацелен на блокирование дальнейшего распространения нежелательной информации внутри государства, а также на предотвращение поступления тайной информации за пределы страны. Благодаря ограничению доступа основных социальных и поисковых систем руководство КНР также контролирует информационный поток и обмен между пользователями глобальной сети. В США термин «кибербезопасность» (cybersecurity) подразумевает главным образом безопасность систем глобальной сети – Интернета. В КНР под данным термином подразумевается «информационная безопасность» (信息安全), которая направлена на борьбу с распространением нежелательной информации. Наличие весомой разницы в подходах к определению термина двух государств значительно осложняет ведение переговоров между ними [8. С. 72].

Китайские аналитики возлагают на информационную войну большие надежды и разделяют ее на две категории, а именно на развитие наступательных и оборонительных возможностей ведения информационной войны [19. С. 283]. К основным методам ведения наступательных операций относятся прямые атаки по информационным системам противника, что парализует и ослабляет систему командования и управления неприятеля [24]. Кроме того, важным инструментом здесь является шпионаж. Сейчас он стал излюбленным методом сбора информации как государственными, так и негосударственными субъектами, в частности спецслужбами [25. С. 445]. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи кражи и передачи американской интеллектуальной собственности Китаю для продвижения технологических

разработок как в гражданской, так и в военной сфере [26]. Только за один 2012 г. США оценили убытки, понесенные вследствие кибершпионажа, примерно в 338 млрд долл. США [27. С. 45].

С каждым годом Китай все больше уделяет внимания разработке потенциальных стратегий для успешного ведения информационной войны. Сущность этих стратегий заключается в повышении устойчивости к помехам, усиление защиты от всевозможных атак. Защита собственных информационных платформ и обеспечение нормального функционирования систем становятся одинаково важными компонентами оборонительной политики КНР [21].

Китайское руководство полагает, что использование наступательных и оборонительных операций в ходе проведения информационной войны требует наличия проверенной и эффективной системы управления [8. С. 78]. Конечный результат информационной войны напрямую зависит от командования и управления, которые затрагивают большинство информационных операций, регулируют общую ситуацию. Любая допущенная ошибка здесь ставит под угрозу всю информационную систему. Поэтому вопрос слаженного командования и управления требует повышенного внимания [24]. Один из главных компонентов успешности информационной войны заключается в получении своевременной информации и о реальной ситуации в стране неприятеля для обеспечения собственной безопасности [6. С. 64]. На первых этапах ведения информационной войны необходимо лишить противника способности приобретать, обрабатывать и передавать данные, при этом необходимо обеспечивать защиту собственных информационных систем. К примеру, комплекс систем управления направлен на обеспечение точности ударов, на проведение радиоэлектронной борьбы для выведения из строя атакующих вражеских систем [6. С. 65]. Для поддержания эффективного командования и управления необходимо применять широкий спектр информационных технологий, которые отличаются высокой степенью надежности при совершении дистанционного зондирования и разведки. Очевидно, что дальнейшее применение получают фотографии высокого разрешения, полученные с систем спутникового наблюдения, инфракрасных систем обнаружения, беспилотных самолетов-разведчиков и т.д. [17. С. 37, 98, 201]. Таким образом, к основным инструментам наступательного и оборонительного ведения информационной войны в Китае относятся: физическое уничтожение; кибершпионаж; доминирование электромагнитного спектра; компьютерная сетевая война; психологическая манипуляция [19. С. 284].

Можно также выделить основные аспекты ведения информационной войны. Китайское правительство подчеркивает важность в первую очередь точности нанесения удара по противнику [18. С. 284]. Скрытное оружие сможет выполнять точные удары, которые осуществляются с помощью звуковых и электрических волн, видимого света и инфракрасных лучей. Китайские аналитики согласны, что соревнования за электромагнитный спектр станет важнейшим этапом информационной войны, целью которой станет преобладание над противником в использовании электронного оборудования [18. С. 110, 201, 286]. Постепенно микроэлектроника станет ключевой технологической

областью для инвестиций. Китайские специалисты утверждают, что все более разнообразные формы приобретает сеть компьютерных войн, которые могут проявлять себя как в кибератаках, так и в хакерских войнах. Аналитики рассматривают виртуальную войну как инструмент ложных команд с целью обмана вражеских сил [8. С. 82]. Китайские военные активно проявляют себя в виртуальном моделировании реальных боевых действий.

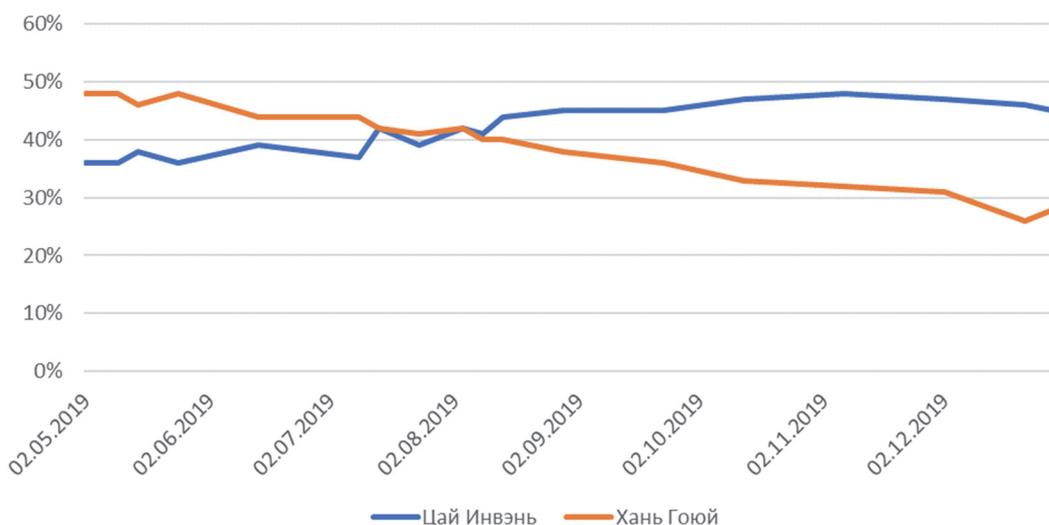
Другим широко распространенным методом информационной войны является психологическая война, которая подразумевает распространение дезинформации для оказания разрушительного влияния на эмоциональное и физическое здоровье людей, что приводит к заметному ослаблению противника. В ходе проведения психологической войны применяются такие инструменты, как пропаганда СМИ; распространение бумажных листовок; рассылка спам-информации на адреса электронной почты и в социальные сети. В Китае имеются разработки технологий в сфере дистанционного зондирования и проведения разведки [19. С. 284]. Ведутся работы по внедрению фотоэлектронных технологий, которые будут широко применяться в будущем. Данные технологии включают в себя получение более четких фотоснимков; повышение скорости для передачи информации; наличие компактных и мелкогабаритных размеров у оборудования фотоэлектронных систем.

Китай также активно развивает космическую отрасль, наращивает производственные мощности для эффективного обнаружения сил противника [20. С. 300]. Военнослужащие НОАК Китая участвуют в совместных работах с ведущими специалистами в области военного картографирования, дистанционному зондированию и спутниковой навигации [21].

Исходя из интереса Китая к ведению информационной войны, можно говорить о том, что КНР выделяет значительные средства на создание и приобретение современных информационных технологий для того, чтобы создать мощную информационную военную силу. Активное продвижение Китая в космической отрасли позволит создать современную и эффективную разведывательную систему, которая станет значимым компонентом военных сил КНР. Более того, кроме новых технологий информационная война станет подспорьем для политики и стратегий КНР [8. С. 80]. Китай стремится к достижению своих политических целей мирными методами, исключая реальное вооруженное столкновение. Во многих действиях Китая методы информационный войны являются инструментами предотвращения конфликтов путем нанесения ударов по жизненно важным точкам противника, а именно: командованию и управлению информационными системами. По словам некоторых американских специалистов, «одержимость» Китаем информационными технологиями предоставляет собой наиболее опасный и непредсказуемый вызов для безопасности США [21]. Если взять во внимание конфликты на Тайване, то можно проследить следующее: Пекин использовал методы информационной войны для задерживания развертывания американских военных сил на Тайване. Американские войска хотя и обладали высокотехнологичным оборудованием, не смогли предотвратить взломы ПК и ослабление информационных систем. Тем самым была проведена задержка прибытия американских

военных кораблей к берегам Тайваня, а со стороны КНР началось масштабное развертывание комплекса баллистических ракет малой дальности в направлении скопления американских военных структур [24].

Китай также использовал всевозможные виды информационной войны в период предвыборной кампании и президентских выборов на Тайване в 2019–2020 гг. В частности, хакеры и боты распространяли дезинформацию через социальные сети, например, Facebook (21.03.2022 года Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсетей Instagram и Facebook, принадлежащих Meta, экстремистской, запретив их работу в России), сервисы микроблогов Weibo и популярные чат-приложения, такие как Line. КНР также усилила пропаганду через тайваньские СМИ, купленные китайскими магнатами [29]. Стоит отметить эффективность этих действий. По данным различных опросов общественного мнения, прокитайский кандидат, представитель партии Гоминьдан, Хань Гоюй достаточно длительное время лидировал в рейтингах, однако события в Гонконге спутали карты КНР, позволив выиграть представителю Демократической прогрессивной партии – Цай Инвэнь (рис. 1).

Рис. 1. Рейтинг Цай Инвэнь и Хань Гоюй во время предвыборной кампании на Тайване в 2019 г.

Источник: https://www.datawrapper.de/_/3piBg/

Fig. 1. Tsai Ing-wen's and Han Guoyu's rating during the election campaign in Taiwan in 2019.

Source: https://www.datawrapper.de/_/3piBg/

Таким образом, информационная война позволяет Китаю в относительно короткий период времени привести в готовность военные и информационные системы в боевую готовность. По мнению американских специалистов, несмотря на свою эффективность и привлекательность, информационная война может привести и к серьезной дестабилизации и эскалации в наихудших случаях [8. С. 77]. Деятельность США на Тайване провоцирует Китай на начало боевых действий, а с применением информационных методов войны контролировать удары и атаки становится крайне трудным

процессом. Нередко планы по проведению быстрой войны оборачиваются продолжительными конфликтами. Поэтому ведение информационной войны является очень опасным шагом, особенно в конфликте с США за Тайвань. При этом американские ученые уверены, что в условиях неспособности управления информационными атаками Пекин может столкнуться с полным провалом своих политических целей и задач. Зависимость Китая от информационно войны может привести к множеству незапланированных последствий. По мнению специалистов, победу в информационной войне можно одержать, если имеется наступательное преимущество в операциях, существует большая уязвимость объектов для совершения кибератак, а также минимальная возможность эскалации конфликта [30. С. 193, 202, 211]. Только рациональными методами можно добиться наступательного преимущества информационной войны. Использование Китаем информационных атак напрямую зависит от оценок Пекина состояния внешней безопасности и внутренней политики государства.

Заключение

Таким образом, Китай продолжает развивать стратегический курс, направленный на использование информационной войны для достижения своих национальных политических и экономических целей. Пекин поступательно разрабатывает концепции ведения информационной войны, чтобы привлекать к себе чрезмерного внимания со стороны мирового сообщества, уже окрестившее его «Кибер Драконом». Китайское руководство неохотно раскрывают свои стратегические возможности, находится в состоянии постоянной бдительности – это единственный способ избежать неприятных ситуаций. Поэтому чрезмерный интерес КНР к методам ведения информационной войны могут поставить перед мировым сообществом, в первую очередь перед США, сложную и непредсказуемую задачу по обеспечению национальной безопасности.

Библиографический список

1. *Buzan B.* The Logic and Contradictions of Peaceful Rise / Development as China's Grand Strategy // *The Chinese Journal of International Politics*. 2014. № 7 (4). P. 381–420.
2. *Theohary C.A.* Information Warfare: Issues for Congress. Washington, DC: Congressional Research Service, 2018.
3. *Сунь-Цзы.* Искусство войны. Основы китайской военной стратегии / пер. с англ. СПб: Диля, 2006.
4. *Paterson T., Hanley L.* Political warfare in the digital age: cyber subversion, information operations and 'deep fakes' // *Australian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 74. № 4. P. 439–454.
5. *Adams J.* Virtual Defense // *Foreign Affairs*. 2001. Vol. 80. № 3. P. 98–112.
6. *Мигунов А.Л.* Тенденции китайской стратегии ведения информационной войны // *Военная мысль*. 2008. № 11. С. 62–67.

7. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China // Annual Report to Congress. Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, 2019.
8. *Евдокимов Е.В.* Политика Китая в глобальном информационном пространстве // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 74–83.
9. *Krekel B.* Capability of the People's Republic of China to Conduct Cyber Warfare and Computer Network Exploitation. Washington, DC: Northrop Grumman Corporation, 2009.
10. Cyberpower and National Security // *American Foreign Policy Interests*. 2013. № 35 (1). P. 45–58.
11. *Inkster N.* Chinese Intelligence in the Cyber Age // *Survival: Global Politics and Strategy*. 2013. Vol. 55. № 1. P. 45–66.
12. *Ford C.A.* The Evolution of International Security Capacity Building. U.S. Department of State. 20.11.2020. URL: <https://www.state.gov/the-evolution-of-international-security-capacity-building/> [Accessed: 28.12.2020].
13. *Tai Ming Cheung.* The rise of China as a cybersecurity industrial power: balancing national security, geopolitical, and development priorities // *Journal of Cyber Policy*. 2018. Vol. 3. № 3. P. 306–326. <https://doi.org/10.1080/23738871.2018.1556720>
14. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2013 // Annual Report to Congress. Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, 2013.
15. Chuck Hagel. Speech At The Shangri-La Dialogue, June 1, 2013. USC US-China Institute. 01.06.2013. URL: <https://china.usc.edu/chuck-hagel-%E2%80%9Cspeech-shangri-la-dialogue%E2%80%9D-june-1-2013> [Accessed: 28.12.2020].
16. *Béraud-Sudreau L.* Assessing Chinese defence spending: proposals for new methodologies. International Institute for Strategic Studies (IISS). 31.03.2020. URL: <https://www.iiss.org/blogs/research-paper/2020/03/assessing-chinese-defence-spending> [Accessed: 28.12.2020].
17. *Попов И.М.* Война будущего: взгляд из-за океана: Военные теории и концепции современных США. М.: Транзиткнига, АСТ, Астрель, 2004. 443 с.
18. *Панарин И.Н.* Информационная война, PR и мировая политика. М.: Горячая линия-Телеком, 2006. 351 с.
19. *Кошурникова Н.А.* Особенности информационной политики современного Китая // Китай: история и современность: материалы IX международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 21–23 октября 2015 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 279–284.
20. *Панарин И.Н.* Технология информационной войны. М.: КСП+, 2003. 319 с.
21. *Димлевич Н.* Информационные войны в киберпространстве – Китай и Индия // *Международная жизнь*. 03.02.2011. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/614> (дата обращения: 28.12.2020).
22. *Kennedy A.B.* Can the Weak Defeat the Strong? Mao's Evolving Approach to Asymmetric Warfare in Yan'an // *The China Quarterly*. 2008. № 196. P. 884–899.
23. *Старкин С.В.* Влияние геополитической среды на трансформацию контрразведывательной парадигмы спецслужб США // *Вестник Брянского государственного университета*. 2011. № 2. С. 130–134.
24. *Wang Baocun, Li Fei.* Information Warfare. Federation of American Scientists. 20.06.1995. URL: https://fas.org/irp/world/china/docs/iw_wang.htm [Accessed: 28.12.2020].
25. *Lotrionte C.* Countering State-Sponsored Cyber Economic Espionage Under International Law // *North Carolina International Law and Commercial Regulation*. 2014. Vol. 40. № 2. P. 443–541.
26. *Joske A.* Picking Flowers Making Honey. The Chinese military's collaboration with foreign universities. The Australian Strategic Policy Institute. 30.10.2018. URL: <https://www.aspi.org.au/report/picking-flowers-making-honey> [Accessed: 28.12.2020].

27. Iasiello E. China's Three Warfares Strategy Mitigates Fallout from Cyber Espionage Activities // *Journal of Strategic Security*. 2016. Vol. 9. № 2. P. 45–69.
28. Taiwan 2020 Polls. Datawrapper. 2020. URL: https://www.datawrapper.de/_/3piBg/ [Accessed: 28.12.2020].
29. Kurlantzick J. How China Is Interfering in Taiwan's Election. Council on Foreign Relations. 07.11.2019. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/how-china-interfering-taiwans-election> [Accessed: 28.12.2020].
30. Nichiporuk B. U.S. military opportunities: information-warfare concepts of operation // *Strategic appraisal: the changing role of information in warfare*. Santa Monica: RAND Corporation, 1999. P. 179–215.

References

1. Buzan B. The Logic and Contradictions of Peaceful Rise . Development as China's Grand Strategy. *The Chinese Journal of International Politics*. 2014;4(7):381–420.
2. Theohary CA. *Information Warfare: Issues for Congress*. Washington, DC: Congressional Research Service, 2018.
3. Sun Tzu. *The Art of War: Chinese Military Strategy*. Translated from English. SPb: Dilya publ., 2006. (In Russ.).
4. Paterson T., Hanley L. Political warfare in the digital age: cyber subversion, information operations and 'deep fakes'. *Australian Journal of International Affairs*. 2020;74(4):439–454.
5. Adams J. Virtual Defense. *Foreign Affairs*. 2001;80(3):98–112.
6. Migunov AL. Tendentsii kitayskoy strategii vedeniya informatsionnoy voyny [Trends in Chinese Information Warfare Strategy]. *Voyennaya mysl'*. 2008;(11):62–67. (In Russ.).
7. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. Annual Report to Congress. Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, 2019.
8. Yevdokimov YV. Politika Kitaya v global'nom informatsionnom prostranstve [China's policy in the global information space]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. 2011;9.1(25):74–83. (In Russ.).
9. Krekel B. *Capability of the People's Republic of China to Conduct Cyber Warfare and Computer Network Exploitation*. Washington, DC: Northrop Grumman Corporation, 2009.
10. Cyberpower and National Security. *American Foreign Policy Interests*. 2013;35(1):45–58.
11. Inkster N. Chinese Intelligence in the Cyber Age. *Survival: Global Politics and Strategy*. 2013;55(1):45–66.
12. Ford CA. *The Evolution of International Security Capacity Building*. U.S. Department of State. 20.11.2020. Available from: <https://www.state.gov/the-evolution-of-international-security-capacitybuilding/> [Accessed: 28.12.2020].
13. Tai Ming Cheung. The rise of China as a cybersecurity industrial power: balancing national security, geopolitical, and development priorities. *Journal of Cyber Policy*. 2018;3(3):306–326. <https://doi.org/10.1080/23738871.2018.1556720>
14. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2013. *Annual Report to Congress*. Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, 2013.
15. Chuck Hagel. *Speech At The Shangri-La Dialogue*, June 1, 2013. USC US-China Institute. 01.06.2013. Available from: <https://china.usc.edu/chuck-hagel-%E2%80%9Cspeech-shangri-ladialogue%E2%80%9D-june-1-2013> [Accessed: 28.12.2020].
16. Béraud-Sudreau L. *Assessing Chinese defence spending: proposals for new methodologies*. International Institute for Strategic Studies (IISS). 31.03.2020. Available from: <https://www.iiiss.org/blogs/research-paper/2020/03/assessing-chinese-defence-spending> [Accessed: 28.12.2020].
17. Popov IM. *Voyna budushchego: vzglyad iz-za okeana: Voyennyye teorii i kontseptsii sovremennykh SSHA* [War of the Future: A View from Overseas: Military Theories and Concepts of the Modern United States]. Moscow: Tranzitkniga, AST, Astrel', 2004. 443 p. (In Russ.).

18. Panarin IN. *Informatsionnaya voyna, PR i mirovaya politika* [Information warfare, PR and the world politics]. Moscow: Goryachaya liniya Telekom, 2006. 351 p. (In Russ.).
19. Koshurnikova NA. Osobennosti informatsionnoy politiki sovremennogo Kitaya [Features of the information policy of modern China]. *Kitay: istoriya i sovremennost'*: materialy IX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Yekaterinburg, 21–23 oktyabrya 2015 g. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2016. P. 279–284. (In Russ.).
20. Panarin IN. *Tekhnologiya informatsionnoy voyny* [Information war technology]. Moscow: KSP+, 2003. 319 p. (In Russ.).
21. Dimlevich N. Informatsionnyye voyny v kiberprostranstve – Kitay i Indiya [Information Wars in Cyberspace – China and India]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 03.02.2011. Available from: <https://interaffairs.ru/news/show/614> [Accessed: 28.12.2020]. (In Russ.).
22. Kennedy AB. Can the Weak Defeat the Strong? Mao's Evolving Approach to Asymmetric Warfare in Yan'an. *The China Quarterly*. 2008;(196):884–899.
23. Starkin SV. Vliyaniye geopoliticheskoy sredy na transformatsiyu kontrrazvedyvatel'noy paradigmy spetssluzhb SSHA [The influence of the geopolitical environment on the transformation of the counterintelligence paradigm of the US intelligence services]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011;(2):130–134.
24. Wang Baocun, Li Fei. *Information Warfare. Federation of American Scientists*. 20.06.1995. Available from: https://fas.org/irp/world/china/docs/iw_wang.htm [Accessed: 28.12.2020].
25. Lotrionte C. Countering State-Sponsored Cyber Economic Espionage Under International Law. *North Carolina International Law and Commercial Regulation*. 2014;40(2):443–541.
26. Joske A. *Picking Flowers Making Honey. The Chinese military's collaboration with foreign universities. The Australian Strategic Policy Institute*. 30.10.2018. Available from: <https://www.aspi.org.au/report/picking-flowers-making-honey> [Accessed: 28.12.2020].
27. Iasiello E. China's Three Warfares Strategy Mitigates Fallout from Cyber Espionage Activities. *Journal of Strategic Security*. 2016;9(2):45–69.
28. Taiwan 2020 Polls. Datawrapper. 2020. Available from: https://www.datawrapper.de/_/3piBg/ [Accessed: 28.12.2020].
29. Kurlantzick J. *How China Is Interfering in Taiwan's Election*. Council on Foreign Relations. 07.11.2019. Available from: <https://www.cfr.org/in-brief/how-china-interfering-taiwans-election> [Accessed: 28.12.2020].
30. Nichiporuk B. U.S. military opportunities: information-warfare concepts of operation. *Strategic appraisal: the changing role of information in warfare*. Santa Monica: RAND Corporation, 1999. P. 179–215.

Информация об авторах:

Каткова Евгения Юрьевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, e-mail: katkova-eyu@rudn.ru

Юнюшккина Анна Сергеевна – магистрант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, e-mail: an.yuniushkina2014@yandex.ru

Information about the authors:

Katkova Evgeniya Yuryevna – candidate of sciences (history), senior lecturer, Department of theory and history of international relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: katkova-eyu@rudn.ru

Yunyushkina Anna Sergeevna – Master's student, Department of theory and history of international relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: an.yuniushkina2014@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-211-222

Research article / Научная статья

Anglo-French Relations in Egypt 1798–1875

Mutiati Titilope Oladejo

University of Ibadan,
Oduduwa Road, Ibadan, 200132, Nigeria
✉oladejomutiati@yahoo.com

Abstract. Several canonical works exist on European capitalism in North Africa, especially Egypt. From a revisionist perspective, this work analyses the features of British and French relations in Egypt of the nineteenth century. The definitions of capitalism in scholarly engagements reflects in the narratives of how English and French capital manipulated the political space to map Egypt in the dynamics of international economy. Internal or domestic capitalism was an institutionalized and standardized in the era of Mohammed Ali's modernization policy. Invariably, the paper examines the nexus in the interplay of land, labor and finance that tied Egypt to global capitalism. The terminal period of 1875 marked a period of financial crises that plunged the nation to endless debt burden that further defined its national governance and international relations. With the plethora of secondary sources such as books and journals, this work adopts the historical method.

Keywords: English, French, Egypt, capitalism, governance

Article history: Received: 21.12.2021. Accepted: 02.02.2022.

For citation: Oladejo MT. Anglo-French Relations in Egypt 1798–1875. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(2):211–222. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-211-222>

Англо-французские отношения в Египте в 1798–1875 гг.

Мутиат Титилопе Оладеджо

Ибаданский университет,
Oduduwa Road, 200132, Ибадан, Нигерия
✉oladejomutiati@yahoo.com

Аннотация. В статье исследуются особенности британских и французских отношений в Египте девятнадцатого века. Автор раскрывает, как английский и французский капитал манипулировал политическим пространством, чтобы втягивать страну в мировое капиталистическое хозяйство. В статье рассматривается взаимосвязь во взаимодействии земли, труда и финансов, которая связывала Египет с глобальным капитализмом. Период после 1875 года ознаменовался финансовыми кризисами, которые ввергли страну в бесконечное долговое бремя.

Ключевые слова: Англия, Франция, Египет, капитализм, управление

© Oladejo M.T., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: Поступила в редакцию: 21.12.2021. Принята к публикации: 02.02.2022.

Для цитирования: *Oladejo M.T. Anglo-French Relations in Egypt 1798–1875 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 211–222. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-211-222>*

Introduction

The conception of capitalism is hinged on Michael Merrill's definition that capitalism is not strictly about the market economy ruled by or in the interests of capitalists [1. P. 317]. Therefore, capitalism is not about economics but its political management. The two assumptions that run through the features of capitalism in this work is that: it is in the interests of capitalists not only to prevail but should prevail in any capitalist system and that the notions of governance in it tend to neglect the human factor involved, but for the sake of optimum benefit or profit.

Furtherance to this conception, Scott placed capitalism as an indirect system of governance which is obvious in the way the British and French ruled Egypt [2]. The capitalist governance reflected a system that was institutionalized and shaped by domestic and global market forces. Scott's position reinforced the description Adam Smith construed that:

As every individual... endeavors... to employ his capital in the support of domestic industry, and so to direct that industry that is produce may be of greatest value; every individual labours to render the annual revenue of the society as great as he can while he intends only an end which was no part of his intention [3. P. 291–292].

Invariably, market forces are not a lone determinant of the realities of capitalism, its governance is important. Therefore, capitalist development in the context of Anglo-French imperialism in Egypt interfaced the complex and continuous political bargains by the imperial actors and indigenous leadership.

Capitalism in Egyptian history is taken to deeply examine the colonial enterprise in the forms of Anglo-French alliances and rivalries. The effect of imperialism is profound in the activities of Britain and France in Egypt. The impact of which was a factor that recycled the relics of the frontiers of both imperialists. Even after colonization, the modernity impressed created what Said described thus:

The great colonial schools, for example, taught generations of the native bourgeoisie important truths about history, science, culture. Out of that learning process millions grasped the fundamentals of modern life, yet remained subordinate dependents of an authority based elsewhere than in their lives. Since one of the purposes of colonial education was to promote the history of France or Britain, that same education also demoted native history [4. P. 223].

Universality of capitalism has the same meaning but it's episodic because it is existent in the space of nature and time. The interrogation of Anglo-French Capital in Egypt is an embodiment of the structure and features of capitalism. And from a Geographer's perspective, Neil Smith in the book *Uneven Development*

explains how capitalism developed landscape that lumps poverty and wealth in a disillusioned manner [5].

In analyzing ecological capitalism in Egyptian history, Crosby's position fits into the exploration and exploitation of Suez Canal. The role of Britain and France was well explained as it says that;

Wherever Europeans went, immediately began to change the local habitat; their conscious aim was to transform territories into images of what they had left behind. This process was never ending, as a huge number of plants, animals and crops and building methods turned the colony into a new place, complete with new diseases, environmental imbalances and traumatic dislocations for overpowered natives [6. P. 196].

The finance of Suez Canal is a typical reality of how Crosby defined ecological imperialism given the effect it had on the political economy of Egypt.

Basis of French Capital

Egypt was strategic to the geographic boundaries between Africa and Asia. Napoleon Bonaparte's expedition in the late eighteenth century to Egypt was to Advance French Capital. The necessity of French capital was a function of the array of civility that characterized its prominence, being a center of knowledge. Therefore, Jean Baptiste summarized Bonaparte's interest in Egypt's endowment thus:

Placed between Africa and Asia, and communicating easily with Europe, Egypt occupies the center of the ancient continent. This country presents only great memories; it is the homeland of the arts and conserves innumerable monuments; its principal temples and the palaces inhabited by its Kings still exist, even though its least ancient edifices had already been built by the time of the Trojan War. Homer, Lycurgus, Solon, Pythagoras, and Plato all went to Egypt to study the sciences, religion and the laws. Alexander founded an opulent city there, which for a longtime enjoyed commercial supremacy and which witnessed Pompey, Caesar, Mark Antony, and Augustus deciding between them the fate of Rome and that of the entire world. It is therefore proper for this country to attract the attention of illustrious princes who rule the destiny of nations. No considerable power was amassed by any nation, whether in West or in Asia, that did not also turn that nation toward Egypt, which was regarded in some measure as its natural lot [7. P. 1; 4. P. 33].

Napoleon's expedition in 1798 was an embodiment of imperial extension of French culture. In a short while, French military governors organized Cairo and to a certain extent had control of the Aswan dam. But by August 1799, he left Egypt which gave Britain the opportunity to reinforce Ottoman Turkish rule. But the French had impacts especially in Alexandria. There were processes of modernization through France. At least the Mamluks influence was reduced. French conquest of Mamluks created a gap in the leadership of Egypt as it put an end to

Medieval rule which the Mamluks succeeded in exercising to isolate Egypt from Europe. In other words, the departure of French created a vacuum as there was no recognized authority.

By the early nineteenth century, French scientists were on research mission to survey [5. P. 102]. In the beginning of the nineteenth century, the Ottoman had the motives of invasion and occupation like the British and French. The Ottoman Empire with the assistance of British succeeded in warding off Napoleonic forces. That is, there was Ottoman-British alliances against the French. The strands of power among the French, British and Ottomans was conveniently determined by capital flows that either made or mar the consolidation of power [8]. The influence of colonialism determined the direction of finance in the nineteenth century.

Basis of British Interests

British imperialism in Egypt was resilient as it found the nation as a source of power. Activities of domination was based on the fact that trade and commerce was a fundamental policy used to shield itself from aggression and yet maintain its colonies by constant reinforcement. British activities in Egypt were diplomatic attempts to shape an economic system they indirectly lack understanding of and at the same time avert French influence. This reflected in Lord Cromer's statement that "we do not govern Egypt, we only govern the governors of Egypt" [9. P. 68; 4. P. 199]. Indirectly, the Governors of Egypt were tamed to adopt British policy. Britain had interest in Egypt in different ways.

Britain manifested a system political and financial occupation of Egypt. The actions were justified in the works of John Gallagher and Ronald Robinson that free trade of the imperial order enhanced the conditions of financial interventions in the peripheries. A policy of encouraging free trade with foreign governments was in place in the nineteenth century which enhanced by the Treaty of Balta Liman of 1838 and Treaty of London in 1840. The treaties were negotiated for free trade agreement with the Ottoman Empire in Control of Egypt, to create market for British manufactured goods [10. P. 292–294]. The Treaty of Balta Liman was instrumental to confront Ali's geographical hegemony of Syria. His refusal to the terms of the treaty led to the invitation of Anglo-Turkish Troops in the 1840s. [11. P. 18]. Beirut was the base of aggression to force Ali's control out of Syria. Invariably, economic control of Ali's reign was undermined. British imperial capital circulated and there were nexus of interdependencies that of course favored the governance of Ottomans in Egypt.

Prominent in the features of British imperialism in Egypt is the gentlemanly capitalism aided by the drive for investment in the peripheries. In this category were merchants and bankers that operated through foreign offices in the colonies. In most cases the Gentleman of the nineteenth century was a merchant who had free times for leisure and sports, and only interested in studying administration and leadership [12. P. 38–39].

British interest in Egypt was multifaceted and more important was the Eastern Question which made the fostering of Ottoman interest paramount. An advance

from Russia was a threat the British strategy. Capital circulation was a strategy by which the Gentlemen such as Rothschild's and Goshen are invested in Egypt from the 1850s. [11].

Domestic Capitalism and Governance in the Nineteenth Century

Here, the preference to tag the nineteenth century a period of modern occupation was the newness of Ottoman governance systems under the control of Mohamed Ali. There are scholarly arguments that classified Ali an imposition on Egypt nationhood, but its plausibility is of truism because he was an Albanian Ottoman army officer who had diplomatic intentions to take advantage of a nationalist gap to form a dynasty that revolutionized to unprecedented modernization.

Conquest of the Mamluks in the eighteenth century was profound in the strength of Egyptian army [13. P. 375–379]. Ali's style of economic governance after assumption of power in 1805 was based on agrarian capitalism. The ideology of the knowledge system developed was profound in the principles of Egyptology, although inspired by French scientist' but it created a sense of the past civilization [14. P. 58]. Between agriculture and military management, the revenue acquired from land was used to finance the military. Each administrator referred to as *Multazim* was assigned to a land where the peasants worked. Ability of the *Multazim* to remit tax guaranteed continued occupation of land and failure to remit led to confiscation. Of the offer to retain land, members of Ali's administration were guaranteed land by which the peasants were made to produce for exports [15. P. 195–228]. The understanding of Ali's governance was quite modern and the currents of development in Europe was a factor that led to the type of restructuring that focused on agricultural development.

Over reliance of European imports was a drain on national capital and it became imperative to actualize the growth of domestic industrial sector. Factories were built to produce textiles and glass as well as machineries to enhance tertiary production [11. P. 15; 13. P. 39–392]. The campaign for industrialization was matched with protectionist policies to ensure domestic consumption of Egyptian goods. However, the international trade stifled the protection which was also a function of European influence to mar domestic industrialization.

Circulation of capital from domestic industrialization financed Egypt's regional power to launch the campaign to capture Makkah and Medina from Wahabis among other missions of expansion [11. P. 16]. Certainty Ali's eldest son, Ibrahim was involved in creating the hegemony of Ottoman governance which succeeded in Hijaz, Sudan and Syria in 1833.

The activities of Porte undermined the geographical influence of Ali's reign because international trade policy of Egypt was a disadvantage to Britain. The Treaty of Balta Liman limited the monopolies of Ali's governance. The treaty was implement British right to purchase and merchandise with considerable tariff which proved to confront the growth of domestic Egyptian economy [11. P. 39].

It was amidst internal wrangling among the Mamluks, Albanians and Turkish forces that Mohamed Ali capitalized on taxation but was cautious of provoking British. British diplomacy was vital to his expansionist practices. Yet, France also adopted diplomatic advances to court Ali in the first quarter of the nineteenth century.

The policies of plying the steamship in the region around Egypt and Syria created complicated trends in the politics of capitalism between Ali and British-French rivalry. Ali was interested in the development of Suez route. Britain was disinterested in European rivalry. This manifested in 1834 when an English manager referred to as Waghorn organized steam movement to transports goods and passengers between Alexandria and Suez [14. P. 43]. It was obvious that Ali's government was sensitive to British capital and was willing to accede to forthcoming support.

French capitalism was on the other hand persuasively redirecting Ali's governance in favor of its interests. Between 1830s to 1840s, Ali's government was entangled in the web of European rivalries that combined British-Austrian-Russian-Turkish naval squadron to tackle French influence and advisory role in the modernization policy.

Ali's diplomacy was bent to accept British terms that allowed the hoisting of Turkish flag in Alexandria in January 1841 and on February 4, Mohammed Ali was granted life leadership of hereditary Pasha of Egypt [14. P. 47]. To Britain, 1841 marked a fulfillment of the policy statement that upheld the principles of capitalism and Anglo-Turkish alliance. Also there was free passage of British merchandise to India.

Before the death of Mohamed Ali in 1845, the workings of internal capitalism in four decades showed a remarkable increase that justified the type of economies that utilized land and labor. The table below depicts the comparison of economic indexes from 1805 to 1845.

Table 1

Economic Features in Egypt

Year	1805	1845
Population	2,500,000	4,500,000
Cultivated Land (acres/feddans)	3,200,000	4,150,000
Revenue from Land Tax (in pounds)	1,052,450	4,200,000
Exports (in pounds)	200,000	2,000,000
Imports (in pounds)	200,000	2,000,000

Source: Compiled from [14. P. 47]

The import-export balance attests to the internal economic structures that allowed production based on available resources. Land tenure system was affiliated to Islamic principle while indigenous technologies was used to sustain irrigation

systems for farming before 1850. Prominent in the production system were indigo plant, maize, wheat, barley, rice, and so on.

Motives of French Capital

It was impractical for France to directly conquer England. Egypt was a medium to actualize adventurous conquest. Therefore, the way John Marlowe concretized Napoleon's invasion of Egypt was directly a target to reduce British powers. Thus, the reasons adduced were:

- a desire to revive the French overland trade with the East, which had been destroyed by the Mamluks under British influence;
- a desire to cripple British overland route with the East;
- a desire to establish contact with Tippoo Sahib in order to help him make trouble for the British in India;
- a desire to establish a French Empire in the East which would surpass and perhaps supersede that of British in India [14. P. 13].

For British to conquer the actions behind the French motives, diplomacy was an order to open negotiations to assure Anglo-Turkish alliance against France. French invasion was taken as an act of hostility to undermined Ottoman influence. For the integrity of Ottoman empire, Anglo-Turkish alliance in 1799 made Porte agree to supply 100,000 troops to attack the French in Egypt. Indirectly, French was prevented from occupying Egypt but it was obvious that British was interested in imperial expansion. In March 1799, Colonel Koehler used Constantinople to prepare Turkish army for operations against the French in Egypt.

Principles of British Capital

Given the challenges of leadership the advance of British capital was paramount. Yet the influence of Turkey was recognized in the envisaged Anglo-Turkish alliance for governance. In the bid to affirm a governing system, statement of policy forwarded to Lord Elgin stated thus:

- Rights and privileges of the Mamluks to be ascertained and fixed and made conditional on the performance of fixed services.
- The revenue of the country to be properly assessed.
- A fixed proportion of the revenue to be set aside for military training under British officers.
- Alexandria to be garrisoned by the British for the duration of the war with France.
- Rest of Egypt to be evacuated forth with by British troops.
- Turkish sovereignty to remain and the Porte to continue to appoint a Pasha and to receive tribute [14. P. 25].

The facts of the above suggested a cooperative government of Egypt between British and Turkish and the tone of British capitalism was already defined. Much as, of course, there were bound to be conflicts of power and control, Britain was

prepared for an indirect rule that favored its economic interests. Political power was ceded to Turkish interests.

The Bids of Capitalism

Either way, British or French, all keyed into the Ali's modernization process to entrench commercial jurisdictions of favorable terms of trade. In the development of Alexandria-Suez routes, Ali supported British enterprise by declining the operation of Eastern cargoes at Suez. In preparedness, earlier precisely in 1819, the coach road between Cairo and Suez was constructed with rest houses at strategic location. The politics of trade in the private interests of Ali tilted towards the British in spite of European rivalries. Internal merchandising of coal was largely developed through caravan transportation to meet one steamships at Suez. The scientific implication of technical applications prompted Ali to invite Galloway, a British Engineer to construct a foundry at Bulaq (1). Ali's internal capitalist tendencies fitted British capitalism and also French economic schemes beckoned for Ali's attention. In the 1840s, the French embarked on the drive to construct a canal across to the Isthmus of Suez [14. P. 50].

Land and labor are feasible factors of production in Ali's governance. The brand of internal economic system enhanced state capitalism. The state had monopoly over export crops at the expense of producers. Ali's agents bought the produce at a reduced price and sold at exorbitant prices at Alexandria [14. P. 54]. The level of oppression of peasants was explicitly a function of the proletariat palaver in the function of exploitation. There was forced labor, where able bodied men were burdened to engage in public works of digging canals. From the table 1 presented earlier, the revenue from Land tax implied a burden of heavy taxation.

In spite of British success in driving the French out of Egypt, Alexandria still retained a heritage of French legacies which portrayed its ambience as an extension of French city of Marseilles. But internal capitalism of stable was sustained, where he controlled the forces and factors of production in the interest of his private entrepreneurial endeavors. Given the influence French had, the maintenance of the military was indispensably credited to both French and British trainers, medical attention was sought in the services of French medical personnel [14. P. 58].

French Capital and Intervention from 1830s

The development of Suez Canal had evolved since the invasion of Napoleon Bonaparte (2). The vision was a material for the nexus of the Red sea to the Mediterranean, of course to facilitate the strategic imperial hold of Egypt. However, by the exodus of French rule in 1801, the scientific breakthrough was abandoned.

It was a truism that in spite of British attempts to repeal French influence, there was resilience by the latter to maintain its attempts to retain capital, based on the earlier motives of occupation that became abrupt in 1801. Therefore, precisely in 1834, a French merchant known as Fournel applied for concession to build a canal, but was met with stiff opposition from Ali because of the gains of alliances

with the British [14. P. 62]. The scientific understanding of the Canal already unraveled by French engineers was an initiative that mostly inspired diplomatic rejuvenation to persuade Egypt to accept French capital in the canal. The politics of interest became necessary on the part of French, which required the formation of a pressure group, Société d'Etudes pour le Canal de Suez in 1846. This was an effort by another French man named Infantin. The occupation of Egypt by French was very short at the beginning of the century, but the traces of diplomatic relations was sustained despite hostilities for western terms of modernization. The new interest group formed by Infantin was taken as a project of the French Consular in Egypt under the control of Ferdinand de Lesseps [14. P. 62].

In 1854, Said's ascension to the leadership of Egypt was an opportunity for Lesseps to rekindle old friendship ties which materialized in the concession for construction of the canal from the Red Sea to the Mediterranean in November 1854 [14. P. 63]. Anglo-French understanding was imperative to the ties between Said and Lesseps. The implication was that the concession required the legitimacy of the British whose imperial influence was affirmative during Ali's reign. Lesseps sought the commitment of the British Consular Bruce to express interest before publicizing the concession. Eventually, 1855, in spite of British opposition, Lesseps was granted ninety-nine years subject to acceptance and ratification by the Sultan [14. P. 63]. Some of the attempts to construct infrastructures in Egypt resulted in the successful completion of Sweetwater canal with its financial stated below:

Table 2

Statement of Account for the Construction of Sweetwater Canal

	£
Amount of ordinary shareholding	3,750,000
Compensation as per Arbitrary Award	3,500,000
Expenses in connection with construction of Sweetwater Canal	3,250,000
Expenses of Opening ceremony plus sundry expenses of Missions, etc. in connection with the Canal	1,000,000
Total	11,500,000

Convergence of Anglo-French Capitalism

The diplomatic strategies to seek British consent seemed unrealistic despite Lesseps visit to British Prime Minister, Lord Palmerston [14. P. 64]. The aversion was reactionary because British had interest in the railways which by fear of dominance, French interest in the canal signaled imperial competition [16. P. 105–110]. Given the official disregard for the French capital by Lord Palmerston, Lesseps decided to globalize the thoughts for construction of the canal by the formation of International Commission to detail the technical ramifications for the project. Unofficially three British Engineers partook independently [16. P. 137]. The report also the detailed the practicality of the financial implications. At the same time, British interest in the railways was guaranteed at the discretion of the directors of British Peninsular and Oriental Steam Navigation Company. British

directors and Engineers utilized Egyptian capital and labor [16. P. 105]. The use of Egyptian capital was a factor aided by the internal economic system structured during the reign of Mohamed Ali. British capital circulated based on Ali's template.

The formation of Suez Canal Company in 1858 created an opportunity to French financial interventions. It was turned to a business proposition, like the British, the land and labor of Egyptians were guaranteed for the proposition that existed under the jurisdiction of *Compagnie Universelle du Canal Maritime de Suez* [14. P. 65] (3). Invariably, the use of forced labor during the construction created an impression of exploitation. Indirectly, Lesseps submerged Said's governance to accept the terms that the management of the concession of Suez Canal was registered under French Law. This implied that the Codicil had to be implemented to ensure Egyptian labor in construction.

The burden of the concession in the state became profound, even after the demise of Said as the successor Ismail was forced to pay for refusal to grant required labor in 1864 [14. P. 69]. The outcome of an arbitration that encapsulated Ismail stated his financial obligation thus:

- that Ismail's refusal to supply labor attracted £1,520,000 as compensation
- that the Sweetwater Canal which Ismail disregarded attract payment of £1,840,000 [14. P. 69].

British Gentlemen on the other hand found investment in the Suez Canal less worthy. Rather, the British capital was placed in Nile Navigation Company which liquidated and Egyptian financial houses acquired it [17. P. 123].

The burden of abandonment had financial implications on Egyptian government, even when the Suez Canal was found unattractive to the Gentlemen. The governance of Said and Ismail were fraught with borrowings which placed its dependence on European finance.

Invariably, the dwindling and unpredictable finance systems led to the emergence of a modern banking industry to cater for the investment in public and private projects. Since the 1860s, Istanbul and Alexandria were havens for European bankers and financiers [18. P. 107–108]. A process that also led to the establishment of Anglo-Egyptian Bank, Imperial Ottoman bank was allowed to transact for British and French Bankers [19. P. 1–2].

Conclusion

In conclusion, the presence of financial houses plunged Egypt into indiscriminate lending that tied the domestic economy to global capital. The phenomenon at its peak in 1875 created perpetual foreign indebtedness (4). In spite of French investment, the British capital was resolutely preserved to uphold imperialism. Between the reign of Said and Ismail, the pace of governance drifted along opposing views in terms of alliances. In Said's public speeches, he stressed human rights of Egyptians in development process, which included improved condition of service for the army [20. P. 29]. Turkish interest was diverted towards elitist actions in governance. The emergence of Ismail changed the domestic policies in favor of Pro-Turkish actions that predominantly pleased also, the British.

Notes

- (1) The coal supplied to Suez was sold at £3 per ton.
- (2) Military Engineers from France Survey the canal to explore possibilities of connection to the Red sea.
- (3) The implication for Egyptian Capital was the entitlement of preference shares of 15 percent of net profits; 10 discretion of the company and 75 percent to holders of ordinary shares.
- (4) See chapter 10 of David Landes book that explains how Ismail was tied to obtain loan to service debt obligations in 1875. In the balance sheet of 1864 to 1875, it was discovered that:the revenue raised was £94,281,401 is little less than that spent on administration, tribute to the Porte, works of unquestionable utility in all amounting to £97,240,966 and for the level of indebtedness there is absolutely nothing to show. but the Suez Canal, the whole proceeds of the loans and floating debt having been absorbed in payment of interest and sinking fund, with the exception of the sum debited to that great work. See footnote 1 in Cromer's *Modern Egypt*. London: Macmillan.

References

1. Merrill M. Putting 'Capitalism' in its Place: A Review of Recent Literature. *The William and Mary Quarterly* 1995;52(2).
2. Bruce R. Scott. *Capitalism: its Origin and Evolution as a System of Governance*. Dordrecht: Springer, 2011.
3. Smith A. *Wealth of Nations* Bantam Classic. Ed. by Edwin Cannan, 2003.
4. Said E. *Culture and Imperialism*. New York: Vintage Books, 1994.
5. Smith N. *Uneven Development: Nature, Capital and the Production of Space*. Oxford: Blackwell, 1984.
6. Crosby A. *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900–1900*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
7. Fourier Jean-Baptiste-Joseph. *Preface Historique* Vol.1 of *Description de L' Egypte*. Paris: Imprimerie Royale, 1809–1828.
8. Toledano E. Social and Economic Change in the Long Nineteenth Century, in M.W. Daly (Ed.). *The Cambridge History of Egypt*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
9. Afaf Lutfi – al-Sayyid. *Egypt and Cromer*. New York: Praeger, 1969.
10. Mustafa Ahmed Abdul Rahim. The Breakdown of the Monopoly System in Egypt after the 1840s, in Peter Holt (Ed) *Political and Social Change in Modern Egypt*. London: Oxford University Press, 1968.
11. Lacolucci Jared Paul. *Finance and Empire: 'Gentlemanly Capitalism' in Britain's Occupation of Egypt* M.A. Thesis, City University of New York, 2014.
12. Cain PJ., Hopkins AG. *British Imperialism: 1688–2000*. Edinburgh: Pearson Education Limited, 2002.
13. Issawi Ch. (Ed.) *The Economic History of the Middle East, 1800–1914: A Book of Readings*. Chicago: University of Chicago Press, 1966.
14. Marlowe J. *Anglo-Egyptian Relations, 1800–1953*. London: Cresset Press, 1954.
15. Kenneth M. Cuno. The Origins of Private Ownership of Land in Egypt: a Reappraisal, in Albert Hourani, Phillip Khoury and Mary Wilson (Eds.). *The Modern Middle East: A Reader*. Berkeley: University of California Press, 1993.
16. Hallberg ChW. *The Suez Canal: Its History and Diplomatic Importance*. New York: Columbia University Press, 1931.
17. Owen R. *The Middle East in the World Economy, 1800–1914*. London: Mathuen, 1981.
18. Landes D. *Bankers and Pashas: International Finance and Economic Imperialism in Egypt*. Boston: Harvard University Press, 1980.

19. Blaisdell DC. *European Financial Control in the Ottoman Empire: A Study of the Establishment, Activities and Significance of the Administration of the Ottoman Public Debt*. New York: AMS Press Inc, 1966.
20. Issawi Ch. *Egypt at Mid-Century: An Economic Survey* London: Oxford University Press, 1954.

Information about the author:

Oladejo Mutiat Titilope – PhD, Department of History, University of Ibadan, Nigeria, e-mail: oladejomutiat@yahoo.com

Информация об авторе:

Оладеджо Мутиа́т Титило́не – PhD, кафедра истории, Ибаданский университет (Нигерия), e-mail: oladejomutiat@yahoo.com

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-223-234

Research article / Научная статья

Trump's Peace Plan

Wissal Werfelli

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklay St, Moscow, Russia, 117198
✉ wiswerfelli@gmail.com

Abstract. Since the 1960s, the US foreign policy has been characterized by relative stability in interaction with the dynamics of the Palestinian conflict. Well-established American institutions, legal, constitutional and political restrictions, and various groups of interests and pressure, especially the Jewish lobby, research centers, media, and American public opinion, which mostly support the Israeli point of view, are the important factors in developing and defining the foreign policy of the United States. One more factor relates to international and regional shifts. As the Palestinian-Israeli conflict was going on, and since the signing of the Oslo Accords in the early 1990s, the first issue among the priorities of successive US administrations in the Middle East until regional developments imposed other priorities as a result of the events of September 2001, and the subsequent occupation of Iraq in 2003. The emergence of Al Qaeda, the turmoil of the Middle East region and the disturbance of its political, social and religious structure coincided with the emergence of the so-called Arab revolutions of 2011 and extremist jihadist organizations such as the Islamic State in Iraq and the Levant. Therefore, the role of Trump administration was determined by developments within the US on the one hand, and by the interaction of events in the Middle East region on the other hand.

Keywords: Middle East, Israeli–Palestinian conflict, Trump Peace plan, deal of the century, conflict management, two state solution

Article history: Received: 14.08.2021. Accepted: 17.10.2022.

For citation: Werfelli W. Trump's Peace Plan. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(2):223–234. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-223-234>

Мирный план Трампа по Ближнему Востоку

Виссаль Верфелли

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉ wiswerfelli@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено анализу предложенного Вашингтоном в 2020 году плана урегулирования длящегося уже более 70 лет палестино-израильского конфликта. В основе плана лежит взаимное признание двух государств. Территорию Палестины,

© Werfelli W., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

состоящую из сектора Газа и Западного берега реки Иордан, предлагается неразрывно связать транспортным сообщением и таким образом, по словам Трампа, территория арабского государства должна увеличиться вдвое. В то же время США намерены признать законными еврейские поселения на оккупированных палестинских землях на Западном берегу реки Иордан, то есть таким образом признать за Израилем земли, захваченные им после 1967 года. Автор рассматривает позиции конфликтующих сторон, их реакцию на документ, мнение мирового сообщества о «сделке века», а также перспективы урегулирования конфликта.

Ключевые слова: Ближний Восток, палестино-израильский конфликт, мирный план Трампа, урегулирование конфликтов

История статьи: Поступила в редакцию: 14.08.2021. Принята к публикации: 17.10.2022.

Для цитирования: *Werfelli W.* Trump's Peace Plan // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 223–234. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-223-234>

Introduction

During the early 2000s, the Israeli-Palestinian conflict witnessed a state of stagnation and a failure of diplomatic initiatives. Seventy years after the conflict began, the progress toward a two-state solution, by most measures, is more challenging. Political trends on all fronts have weakened the ranks of advocates of peace, talks falter, and historical models about negotiations and final status issues are brought into question.

The 1967 Middle East War, gave rise to a new profile of mediation efforts, given the risk of direct superpowers' involvement within the conflict [2]. A quite number of mediation initiatives were taken by the USA in order to settle the Israeli-Palestinian conflict.

More than twenty-five years of diplomacy have failed to curb this negative and volatile situation – including the Oslo Accords, the Camp David summit, the Clinton Parameters, the Taba summit, the Arab Peace Initiative, the Middle East Road Map, Abbas and Olmert's talks in the context of the Annapolis process, Kerry's efforts to achieve peace and others. A brief description of specified agreements is provided below.

1) Camp David Agreement 1978.

It's an agreement between Israel and Egypt signed on 17 September 1978 after 17 days of talks brokered by which gathered Israel's Menachem Begin and Egypt's Anwar Sadat in Camp David. The talks resulted in an accord, "The Framework for peace in the Middle East", summarized in three main parts:

- A process for Palestinian self-government in the West Bank and Gaza.
- A framework for the conclusion of a peace treaty between Egypt and Israel.
- A similar framework for the peace treaties between Israel and its neighbors [3].

2) Oslo Accord: Day of awe [4].

For nearly thirty years, Palestinian-Israeli peace diplomacy has been based on the Oslo Accords. As a result of secret meetings held in Oslo in 1993 after a series

of independent negotiations between Israeli prime minister Yitzhak Rabin and PLO chairman Yasser Arafat, initiated by the United States, presided by the President Clinton and sponsored by the Norwegian government, the Oslo Declaration (DOP) was announced on September 1993 as a political settlement for the Israel-Palestine conflict [5. P. 115]. Upon signing the Oslo Accords, Israel recognized the Palestine Liberation Organization for the first time, and the organization recognized Israel.

The Oslo Accords or the Declaration of Principles were not a peace treaty, but rather a means of establishing interim governing arrangements, and a framework to facilitate subsequent negotiations to reach a final treaty at the end of 1999. The Oslo Accords were to last for only five years. However, two decades later, little progress was made [6].

Oslo negotiations resulted in a second agreement signed in 1995. This agreement stipulated the division of the occupied West Bank into three non-contiguous areas. The Oslo Accords left numerous key issues unresolved pending the completion of permanent status negotiations, including, among other items, borders, security, refugees and Jerusalem. Those agreements did not create an effective path for neutralizing the kinds of crises that emerged during the implementation of Oslo, including waves of terror and violence. Many intelligent and dedicated people have devoted lifetimes in search of the “ultimate deal”, but what is required, a comprehensive agreement has been elusive, and waves of terror and violence have set back the process significantly. Only a comprehensive agreement, coupled with a strong economic plan for the Palestinians and others, has the capacity to bring lasting peace to the parties [7].

3) Camp David Summit (2000).

The Camp David summit took place from July 11–14, 2000 at the presidential retreat in Camp David, which ended without reaching a final agreement. The Camp David proposals were inconvenient for the Palestinians, they were viewed as inadequate as it was silent on the question of refugees, the land exchange was unbalanced, as well as the question of the Arab East Jerusalem [8].

4) Taba negotiations, 2001.

US President Bill Clinton led attempts to revive the deadlock between the Palestinians and Israel through negotiations held in the Egyptian Taba region which failed.

5) Road Map, 2003.

A peace plan was prepared by the Quartet that includes the United States, Russia, the European Union and the United Nations. This plan did not carry details regarding a final settlement of the Israeli-Palestinian conflict, as much as it searched for ways to reach a solution, but it also failed and did not last for more than a year.

6) Annapolis conference, 2007.

In his second term, US President Bush held a conference at the naval base in Annapolis, Maryland, to resume the peace process between the Palestinians and Israel. Israeli Prime Minister Ehud Olmert and Palestinian Authority President Mahmoud Abbas participated in the talks, along with officials from the Quartet and representatives of several Arab countries, including Saudi Arabia and Syria. Regular meetings were held between Olmert and Abbas. At the time, there was

news that it had made progress on border issues but had failed after the start of the Israeli war on Gaza in late 2008 [9].

7) Barack Obama's peace settlement.

Barack Obama was unable to reach a solution during his eight years in office, although on September 2, 2010, he launched direct talks in the White House that brought President Mahmoud Abbas together with the Israeli Prime Minister, Benjamin Netanyahu, but the end of the partial settlement freeze on September 26 led to the collapse of the negotiations [10].

Then one hundred years after the Balfour Declaration was issued, Trump fulfilled his campaign promise in 2016 to move the American embassy to Jerusalem and recognize it as the eternal capital of Israel. At the end of January 2020, US President Donald Trump, and with Palestinians absence, unveiled his peace plan for the Palestinian-Israel conflict "Peace to prosperity" [11] known as well as "Deal of the Century". He was hardly the primary US president to tackle this monumental challenge. He insisted that his "win-win" proposal was quietly different, and it would benefit both Israelis and Palestinians. Trump said: "The vision gives the Palestinians the time needed to rise up and meet the challenges of statehood..."

What is the two-state vision based on?

The vision of the two-state solution, that is Israel and Palestinians coexist in peace, is based on the establishment of a Palestinian state within the borders drawn in the aftermath of the 1967 Arab-Israeli war, which includes the West Bank, Gaza Strip and East Jerusalem. The "Deal of the Century" announced by US President Donald Trump brought back to mind the controversial speech made by the late Tunisian leader, Habib Bourguiba in 1965 in the Palestinian city of Jericho, in which he called on the Palestinians to accept the two-state solution proposed by the United Nations [12].

In 1988, the Palestinian leader Yasser Arafat issued the Declaration of Independence in which he spoke for the first time of "two states for two peoples", thus recognizing the State of Israel and its sovereignty over 78% of historic Palestine.

Trump plan opened up the opportunity for Israel to annex the Palestinian territories in the West Bank and extended its sovereignty to the Jordan Valley, as well as recognizing Jerusalem as its one and indivisible capital. With regard to Palestine, the "deal of the century" provides for the creation of a demilitarized state, devoid of control over borders and airspace [13].

Elements of the Deal

The 181-pages Trump's plan dealt with various issues in the Palestinian-Israeli conflict that have impeded peacemaking for decades: from the borders, sovereignty, refugees, security, Jerusalem, and up to the shape of the Palestinian economy [14].

The core of a realistic two-state solution would address the following tenets:

– "Peace for Prosperity" calls for setting a four-years' time frame for the establishment of a Palestinian State provided an explicit rejection of terrorism.

It stipulated giving the Palestinians a demilitarized state without borders after the fulfillment of several conditions, including: not evacuating any settler, disarming Hamas and Gaza, recognizing the Jewish state, abolishing the right of return, working against terrorism, recognition of the eastern borders as Israeli while the Jerusalem will remain the united capital of Israel and must be accessible to all due to its religious aspects.

– The Palestinian state will include sections of land in the West Bank and the Gaza Strip on the Mediterranean coast, and two extended strips of land in the Negev desert in southern Israel.

– Israel will retain “overall responsibility for the security of the Palestinian state”, including the international border crossings of the State of Palestine. The division and planning of the border areas between Israel and Palestine “will be subject to the overall security responsibility of the State of Israel”. The Palestinian state will not be allowed to form an army or conclude security or intelligence agreements with any state or organization that could negatively affect the security of Israel.

– Israel will retain the right to “enter” the state of Palestine to ensure that it “remains demilitarized and does not represent a threat”.

– Israel will retain control over “the airspace and the electromagnetic spectrum west of the Jordan River”.

– It foresees recognition Israel’s sovereignty over the Jordan Valley, which represents 30% of the occupied West Bank, and will become therefore part of Israel’s Eastern Border.

– On the issue of Palestinian refugees, Trump’s vision focuses on ending the right of return and depriving Palestinians of any financial compensation and resettling them in the Arab countries in which they reside. That is with the signing of the Israeli-Palestinian Peace Agreement, the Palestinian refugee status will end as an international legal capacity, and that the United Nations Relief and Works Agency for Palestinian Refugees in the Near East (UNRWA) will be dissolved. The economic part of the plan will work to replace and dismantle refugee camps in the Palestinian state to build new residential areas [15].

According to the provisions of international law, the entire US peace plan is an illegal document, as it is based on the principle of force, a de facto policy, non-compliance with international legitimacy decisions, and contains serious violations of the provisions of international humanitarian law, international human rights law, international criminal law, and law Customary International.

The plan, in its political and economic aspects, is 181 pages, and includes 22 sections covering a wide range of issues, such as: the legitimate aspirations of the two parties, the concept of a two-state solution, the status of Jerusalem, sovereignty, borders, security, refugees, detainees, crossings, the Gaza Strip, and exchange Commercial. As for the economic aspect, it refers to its endeavor to secure international investments worth more than 50 billion dollars over ten years, as part of an approach to achieving regional economic integration. The plan has four notable elements. First, it argues that there can be peace only if the Palestinians

reform their political institutions under new leaders willing to end the conflict and accept Israel as permanent. The second notable element, original to this administration, is a warning: if the Palestinian side continues to support terrorism and reject peace, its cause will suffer. For decades, Palestinian leaders, while refusing peace offers seen as reasonable by top US officials, demanded that the status quo in the territories be frozen pending a peace deal. Democratic and Republican administrations backed that demand. But no longer. The Palestinians are now being told that, if they continue to be unreasonable, the United States will not block Israel from advancing its own claims to areas that, in the administration's view, realistic peace talks would leave to Israel.

Those areas, according to the peace plan's Conceptual Map, include not just the major settlement blocs, but also the Jordan Valley. Publication of that map is the peace plan's third notable element. No prior administration ever defined the territory that Israel could have US support to hold permanently, with or without a peace agreement. The fourth notable element is the plan's idea that Israel can dramatically improve its relations with Arab states before a peace agreement with the Palestinians. The plan envisions advancing US interests on Iran, oil and other issues through expansion of Israel's ties to Arab states and, in turn, using Israel's increasing integration into the region to help resolve the conflict [16].

Netanyahu made clear in the White House what this meant: "On this day," he said, addressing Trump, "you became the first world leader to recognize Israel's sovereignty ... in areas of Judea and Samaria" – the biblical terms for the West Bank commonly invoked in Israel – "that are vital to our security and central to our heritage." The American vision offers the Palestinians far less than previous US plans or Israeli proposals. Palestinians angrily rejected Trump's plan. "After the nonsense that we heard today we say a thousand no's to the 'deal of the century,'" said Palestinian Authority President Mahmoud Abbas referring to the plan as "the slap of the century". "We will not kneel and we will not surrender" [17].

International Reacts

The deal of the century announced by US President Donald Trump sparked wide reactions, the most prominent of which ranged from complete rejection or reservation to what was stated on it, but there are those who consider it as an initiative that can be negotiated. The rejectionist position was based on the fact that the US administration's plan, titled "A Vision of Peace, Prosperity and a Brighter Future," ignored the basic demands of the Palestinian people, most prominently their right to establish their independent state on the borders of June 4, 1967, as called for by all legitimacy decisions. The relevant international community, in addition to the contents and other provisions contained in the deal, does not fulfill the basic conditions for resolving the conflict in a just and comprehensive manner, and is fully biased in favor of the Israeli side [18].

In unveiling his plan to settle the conflict between Israel and the Palestinians, President Trump declared, with confidence, that Arab countries would play a key role in its success [19].

In a brief statement issued, United Nations has rejected US President Donald Trump's 'deal of the century' and reiterated that the Israeli-Palestinian conflict should be solved based on UN resolutions and international law [20]. "The Secretary-General has seen the announcement of the United States' Middle East plan. The United Nations position on the two-state solution has been determined, over the years, through relevant Security Council and General Assembly resolutions. Committed by the General Secretariat".

The official UN spokesperson affirmed that the United Nations remains "committed to supporting the Palestinians and Israelis to resolve the conflict on the basis of United Nations resolutions, international law and bilateral agreements, and to achieve the vision of two states – Israel and Palestine – living side by side in peace and security within recognized borders, on the basis of the lines a year ago. 1967", However, what the US plan offers is "a one and half state solution" [21].

And following the emergency meeting of the League of Arab States held at the level of foreign ministers, the American Israeli Deal of the Century was rejected unanimously, as it does not meet the minimum rights and aspirations of the Palestinian people and contravenes the terms of reference of the peace process based on the law International and United Nations resolutions" [22].

Jordan and Egypt were the only two Arab countries at that time that had a peace agreement with Israel, and their reaction to the plan came as an attempt to announce rejection without publicly showing an angry protest. The Jordanian authorities affirmed that the establishment of a Palestinian state with East Jerusalem as its capital, according to the two-state solution and on the lines of June 4, 1967, is "the only way to peace". The Jordanian Foreign Ministry said in a statement that "the two-state solution that meets the legitimate rights of the brotherly Palestinian people, especially their right to freedom and the state on the lines of June 4, 1967, with East Jerusalem as its capital, to live in peace and security alongside Israel in accordance with approved references and international legitimacy decisions is the only way to achieve comprehensive and lasting peace" [23].

In a statement by its Foreign Ministry, Egypt as well called on Palestine and Israel to "carefully study" the US peace plan in the Middle East, after President Donald Trump revealed it: "Egypt calls on the parties concerned to carefully study the American vision to achieve peace, to stand on all its dimensions, and to open channels of dialogue to resume negotiations under American auspices, to present the vision of the Palestinian and Israeli parties towards it".

There was no coordinated response among states of the GCC. While Kuwaiti Parliament Speaker Marzouq Al-Ghanim threw a copy in the bin, emphasizing that it 'was born dead' and 'should be thrown in the dustbin of history' [24]]. UAE appreciated the plan and considered it as "an important starting point for returning to the negotiations table", stressing that it welcomed this "serious initiative" [25]. Saudi Arabia, a close ally of Washington, has praised the Middle East peace plan and declared its "appreciation for the Trump administration's efforts to draw up the plan" and encouraged "the start of peace negotiations between the Israeli and Palestinian sides" under American auspices

and for “any differences on any aspects of the plan to be addressed during negotiations”. Saudi King Salman bin Abdulaziz Al Saud stressed to President Abbas, that Saudi Arabia’s position on the Palestinian issue would not change in order to preserve the rights of the Palestinian people [26].

While the Arab Gulf states urged negotiations, Turkey and Iran posture themselves in opposition [27]. Turkey’s foreign ministry, in an official statement, described the plan as “stillborn agreement”, saying that “this an annexation plan aiming at usurping Palestinian lands and killing two-state solution”, adding that Palestinian people and lands cannot be purchased [28].

The Supreme Leader of the Revolution in Iran, Ali Khamenei, strongly denounced the peace plan which he described it as an evil policy pursued by the United States towards the Palestinians “the so-called deal of the century proposed by the US “will never bear fruit” by the Grace of God” [29]. Iran’s foreign Minister Mohammad Java Zarif has dismissed the deal and asked US to accept the Iranian democratic proposal instead of promoting “delusional deal of the century which will be dead on arrival” and appealed the international community to respect the right of all Palestinians to self-determination [30].

While some European states have expressed support for the foreign policy chief’s position, other EU countries, however, have been much more guarded in their reactions. The European Union announced its opposition to annexing areas in the West Bank to Israel, as stipulated in the “Deal of the Century”. The European Union stressed in a statement that “progress on this issue will not pass quietly”.

The statement emphasized that the European Union “does not recognize Israel’s sovereignty in the areas occupied in the year 1967”, which include the West Bank, East Jerusalem and the Syrian Golan Heights, in accordance with international law and UN Security Council resolutions. “The US initiative, as announced, goes beyond agreed international standards”. Contrary to the general European position, some European countries have received the deal positively.

The Russian President’s Special Envoy for the Middle East and North African Countries, Deputy Foreign Minister, Mikhail Bogdanov, confirmed that the Russian position on the Palestinian-Israeli conflict did not change and that Russia supports the two-state solution. The Russian presidential spokesman Dmitry Peskov affirmed that the Deal of the Century does not comply with a number of UN Security Council resolutions. Peskov added, in a statement published by the “Russia Today” agency, that the rejection of the Palestinians and the solidarity of the Arab countries with them against Trump’s plan makes Moscow doubt the viability of this plan [31].

The Russian interest in the Palestinian-Israeli conflict comes in line with its diplomatic vision of the necessity to be an influential player in international issues, especially issues of the Arab region. In the same context, the Palestinian leadership seeks strong relations with Russia, to ensure support for the two-state solution and its support in international institutions, after Israel’s intransigence and its refusal to implement the two-state solution, and the American bias towards it. Therefore, Palestinian diplomacy sought for Russia to have a greater role in the settlement

process in accordance with international legitimacy decisions and its membership in the Quartet [32].

Conclusion

The Palestinian-Israeli conflict poses a challenge to the democratic administration led by Joe Biden as it is preparing to begin its tasks in changing the American political compass and restoring what the Trump administration has undermined of the country's position in the international arena. Trump's legacy and achieving peace, not just trying to save the peace process, the report recommended a clear declaration confirming that Trump's peace plan does not represent the policy of the United States and that Washington does not recognize the annexation of any part of the occupied territories, including East Jerusalem.

The paper also referred to the reopening of the US consulate in East Jerusalem, which may later turn into an embassy in the prospective Palestinian state. It also called for an end to the blockade of Gaza and the achievement of security for its residents and the Israeli population on the borders of the Strip, in addition to reviewing the American aid allocated to Israel in order to comply with international human rights standards.

The Biden Administration's International Crisis Group addresses the internal Palestinian issue, calling for support for reconciliation between the Palestinian parties and the formation of a unified government committed to peace and the relevant agreements.

It is not known to what extent the new US administration might go in its approach to this thorny conflict, but there is no doubt that bold decisions will restore balance to one of the most turbulent regions of the world and this appears at the core of US national security and Biden's pledges to restore the credibility of his country.[33]. Biden does not carry a new peace initiative on the Palestinian issue, and he may know that a two-state solution is not possible in the current generation, but he will strive to keep the vision of the two-state solution alive.

References

1. Mohamed Jaraba. The Palestinian-Israel conflict in Trump's perspective. *Al Jazeera Studies Center*. 01/12/2016. Available from: <https://studies.aljazeera.net/ar/reports/2016/12/161201103017333.html> [Accessed: 03.03.2021]. (In Arab.).
2. Uziel Eduardo. War, Peace and Mediation in the Middle East. Brics Policy Center. Policy Brief V5.N.05. March 2015. Available from: https://www.researchgate.net/publication/301499826_War_Peace_and_Mediation_in_the_Middle_East [Accessed: 03.03.2021].
3. Carter Jimmy. Camp David Accords. Available from: <https://www.Britannica.com/event/camp-David-Accords> [Accessed: 03.03.2021].
4. Maureen Dowd. Mideast Accord: The scene; President's Tie Tells It All: Trumpets for a Day of Glory. *The New York Times*. 14 September 1993. Available from:

- <https://www.nytimes.com/1993/09/14/world/mideast-accord-scene-president-s-tie-tells-it-all-trumpets-for-day-glory.html> [Accessed: 25.10.2020].
5. Chomsky N. *Who rules the world?* L.: Penguin Books, 2017.
  6. The price of Oslo. *Al Jazeera Studies Center*. Available from: <https://interactive.aljazeera.com/aja/palestineremix/the-price-of-oslo.html#/14> accessed on 25/10/2020 [Accessed: 03.03.2021].
  7. Peace to prosperity: A vision to improve the lives of the Palestinian and Israeli People- No -UN document. United Nations Website. 28/01/2020. Available from: <https://www.un.org/unispal/document/peace-to-prosperity-a-vision-to-improve-the-lives-of-the-palestinian-and-israeli-people-us-government-peace-plan> [Accessed: 03.03.2021].
  8. Robert Malley, Hussein Agha. Camp David: a tragedy of errors. *The Guardian* 20/07/2001. Available from: <https://www.theguardian.com/world/2001/jul/20/comment> [Accessed: 03.03.2021].
  9. President Bush attends Annapolis Conference. The White House archive. November 2007. Available from: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2007/11/20071127-2.html> [Accessed: 01.02.2021].
  10. Jeremy Pressman. Obama and the Israeli-Palestinian Conflict. E-international Relations. 14/07/2016. Available from: <https://www.e-ir.info/2016/07/14/obama-and-the-israeli-palestinian-conflict/> [Accessed: 01.02.2021].
  11. Peace to prosperity. A vision to improve the Lives of the Palestinian and Israeli People. The White House. January 2020. Available from: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/01/Peace-to-Prosperity-0120.pdf> [Accessed: 01.02.2021].
  12. Hassan Salman. Tunisian Politicians: If the Arabs had accepted Bourguiba’s proposal, we would not have reached the “Deal of the Century”. *Al Quds al Arabic*. 31/01/2020. Available from: <https://www.alquds.co.uk/> [Accessed: 01.02.2021]. (In Arab.).
  13. Article Trump unveils Middle East peace plan with no Palestinian support. Plan offers route to Palestinian state but recognizes Israeli settlements in West Bank. *The Guardian*. 28/01/2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jan/28/donald-trump-middle-east-peace-plan-israel-netanyahu-palestinians> [Accessed: 01.02.2021].
  14. Sher G., Brochstein I., Cohen D. Is there a Practical roadmap for Trump’s “peace to Prosperity” Vision? Report 05/11/2020. Baker institute for peace Policy. Available from: <https://www.bakerinstitute.org/media/files/files/ea81dea5/bi-report-051120-cme-trump.pdf> [Accessed: 01.02.2021].
  15. Peace to prosperity: A vision to improve the lives of the Palestinian and Israeli People. January 2020. White House official website [Accessed: 01.02.2021].
  16. Feith DJ., Libby L. The Trump Peace Plan: aiming not to make a deal possible. *Begin Sadat center for Strategic Studies. Mideast Security and Policy Studies*. No. 175. July 2020. Available from: https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep26342.pdf?ab_segments=0%2Fbasic_SYC-5187_SYC-5188%2Ftest&refreqid=fastly-default%3Ab1806fffd041f21f0de7e7461600f5ef [Accessed: 01.12.2020].
  17. Toameh K. A. Abbas: 1000 ‘no’s to the Trump plan. *The Jerusalem Post*. 28/01/2020. Available from: <https://www.jpost.com/israel-news/peace-group-joint-list-slam-deal-of-the-century-615711> [Accessed: 01.02.2021].
  18. Abu Mazen considered it “the slap of the Century”. What is the applicability of the deal of the Century on the ground. *The Emirates Center for Strategic Studies and Research*. 29/01/2020. Available from: https://www.ecssr.ae/reports_analysis [Accessed: 01.02.2021]. (In Arab.).

19. Ben Hubbard and Declan Walsh. A muted Arab response to trump's Mideast Peace Plan. *The New York Times*. 28/01/2020. Available from: <https://www.nytimes.com/2020/01/28/world/middleeast/arabs-reaction-trump-mideast-peace-plan.html> [Accessed: 01.02.2021].
20. UN rejects US deal of the century: Palestinians have dismissed US President Donald Trump's Middle East peace plan as a conspiracy. *Middle East Monitor*. 29/01/2020. Available from: <https://www.middleeastmonitor.com/20200129-un-rejects-us-deal-of-the-century/> [Accessed: 01.02.2021].
21. US Middle East peace plan 'lopsided', says independent UN rights expert. UN News. 31/01/2020. Available from: <https://news.un.org/en/story/2020/01/1056412> [Accessed: 01.02.2021].
22. Resolution 8457 issued by the meeting of the League of Arab States Council at the ministerial level in its extraordinary session. Cairo on 01/02/2020. Available from: <http://www.lasportal.org/ar/councils/lascouncil/Documents> [Accessed: 03.03.2021]. (In Arab.).
23. International responses rejecting the 'Deal of the Century' And confirmed on international legitimacy. Wafa News Agency. 28/01/2020. Available from: <https://wafa.ps/Archive/Details/913275> [Accessed: 03.03.2021].
24. Neil Quilliam and Reni Zhelyazkova. How Donald Trump's peace plan looks to the Gulf and Europe. *Chatham House*. 19/02/2020. Available from: <https://www.chathamhouse.org/2020/02/how-donald-trumps-peace-plan-looks-gulf-and-europe> [Accessed: 03.03.2021].
25. Emirates: The American Middle East peace plan provides an "important starting point". *Arabic CNN*. 29/01/2020. Available from: <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2020/01/29/uae-us-mideast-plan-important-starting-point> [Accessed: 01.02.2021]. (In Arab.).
26. Mohamed Abdelaziz. Arab reactions to Trump's Peace Plan: An analysis and recommendations. *Washington Institute*. 31/01/2020. Available from: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/arab-reactions-trumps-peace-plan-analysis-and-recommendation> [Accessed: 13.08.2021].
27. Sydney Wise. The Middle East Reacts to Trump's Deal of the century. *The Cairo Review of Global Affairs*. 30/01/2020. Available from: <https://www.thecairoreview.com/tahrir-forum/the-middle-east-reacts-to-trump-deal-of-the-century/> [Accessed: 15.01.2021].
28. Ali Murat Alhas. Turkey slams "stillborn" US Mideast peace plan. Anadolu Agency. 28/01/2020. Available from: <https://www.aa.com.tr/en/jerusalem-red-line-for-muslims/turkey-slams-stillborn-us-mideast-peace-plan/1717249> [Accessed: 15.01.2021].
29. Deal of the century will never bear fruit: Ayatollah Khamenei. Tasnim News Agency. 30/01/2020. Available from: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2020/01/30/2192273/deal-of-century-will-never-bear-fruit-ayatollah-khamenei> [Accessed: 15.01.2021].
30. Trump's delusional deal of the century will be dead on arrival: Zarif. *TehranTimes newspaper*. 28/01/2020. Available from: <https://www.tehrantimes.com/news/444654/Trump-s-delusional-deal-of-century-will-be-dead-on-arrival-Zarif> [Accessed date: 15.01.2021].
31. The Kremlin: Palestinian Rejection of the 'Deal of the Century' It makes it unviable. Wafa News Agency. 02/02/2020. Available from: <https://wafa.ps/Archive/Details/913673> [Accessed: 15.01.2021].
32. Russian Federation between mediation and alternative care for the peace process. *The Palestinian Center for Policy Research and Strategic Studies "Masarat"*. 2018.

Available from: <https://www.masarat.ps/article/4782/> [Accessed: 15.01.2021]. (In Arab.).

33. Three Pillars for a New U.S. Approach to Peace in Israel-Palestine. publication is part of a joint initiative between the International Crisis Group and the United States. Middle East Project (USMEP) to help resolve the Israeli-Palestinian conflict. International crisis group. 15/12/2020. Available from: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/eastern-mediterranean/israel-palestine/three-pillars-new-approach-peace-israel-palestine> [Accessed: 15.01.2021].

Information about the author

Wissal Werfelli – postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: wiswerfelli@gmail.com. ORCID: 0000-0003-4803-1386

Информация об авторе:

Верфелли Виссаль – аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, e-mail: wiswerfelli@gmail.com. ORCID: 0000-0003-4803-1386

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
